

Пз 0
247

ПРЕД СОЛНЦЕМ БЕССМЕРТНЫМ УМА...

**Пушкинский государственный заповедник
на Псковской земле
Исторические очерки**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПАМЯТНИК

Яковлев С. Д.

ПРЕД СОЛНЦЕМ
БЕССМЕРТНЫМ УМА...

Пушкинский государственный заповедник
на Псковской земле
Исторические очерки

Часть первая
ПАМЯТНИК

15344

Пушкинские Святые Горы 1994 г.

От автора

Книга — первая часть истории Пушкинского государственного заповедника плод длительных размышлений повествования о его противоречивой судьбе, о людях, с которыми связаны его светлые и мрачные страницы. История заповедника неразделима с трагической, но и прекрасной судьбой сердца поколений за почти сто шестьдесят лет после смерти величайшего поэта земли нашей А. С. Пушкина.

Я поставил перед собой задачу — довести этот материал до современных событий. В этом вижжу свое предназначение и свой долг. Певец любви оставил глубокий след и в моей жизни. Так случилось, что Первая книга истории заповедника закончена в день пушкинской лицейской годовщины.

При подготовке первой части книги «Памятник» ощущалась необходимость в дружеской поддержке и советах. Такую помощь в меру сил и возможностей оказывали мне Аркадий Моисеевич Гордкин, Надежда Семеновна Брагинская, кандидат исторических наук, руководитель местного общества охраны памятников истории и культуры, хранитель могилы А. С. Пушкина Михаил Ефимович Васильев, кандидат педагогических наук, автор многих статей о заповеднике Иосиф Теодорович Будилин, старейший житель деревни Воронич, большой знаток исторических событий в Святых Горах 85-летний Андрей Васильевич Зиновьев, псковский учитель-экскурсовод В. А. Салахова, многие сотрудники Пушкинского заповедника, петербургские и псковские экскурсоводы, работники архивов, библиотекарь НКЦ Лидия Суворова, старейший экскурсовод А. Н. Иванов, многие другие замечательные подвижники этого удивительного поэтического уголка России. Без их помощи книга была бы невозможна. Им, живым и ушедшим, несущим свет поэта, моя искренняя благодарность и любовь.

Книга эта рождалась на пушкинской земле, несет ответ этой земле в спорах, поисках, стремлении «дойти до сути» за несколько лет до двухсотлетнего юбилея поэта и является скромным даром этому важнейшему духовному событию.

1. ЖИВОТВОРЯЩАЯ СВЯТЫНЯ

Пушкина будут отпевать в поме-
дельник; но еще не знают здесь
ли или в Псковской деревне
предадут его земле. Лучше бы
здесь, ввиду многочисленной
публики, друзей и почитателей,
его деревня может быть продана,
и кто позаботится о памятнике
незабвенного поэта.

А. И. Тургенев — А. И. Нефедьевой.*

«Пушкин — это возрожденье
Русской музыки — воплощенье
Наших трезвых дум и чувств;
Это незапечатленный
Ключ поэзии священного
Для поклонника искусств».

Я. П. Полонский.**

Трудно найти человека, который хотя бы раз в жизни не бывал или не стре-
мился попасть в Пушкинские Горы.

В наш рациональный век, растет неизбежная потребность в духовности, красо-
те, поэзии. И потому человек рано или поздно приходит к Пушкину. В детстве
неосознанно, в зрелые годы, как, источнику мудрости и высоких человеческих
чувств.*

Осознав же это в своей душе, по мере роста человеческой личности, многие
спешат приехать на древнюю псковскую землю, где сам воздух насыщен леген-
дами и сказаниями старины глубокой, где видишь остатки древних крепостей;
словно великаны, встают перед тобой земляные валы, заставляя встрепенуться
курганы.

Невозможно не поддаться очарованию бескрайних далей, суровых лесов и
задумчивой нежности рек и озер.

Эта природа открыта здесь для нас Пушкиным. Он показал смысл «покоя и
воли» для души, гармонического развития личности, раскрыл единство человека
и природы, человека и истории.

Здесь на этой земле духовные силы поэта «достигли полного разви-
тия». В своем «зеленом кабинете» Пушкин создал «Бориса Годуно-
ва», деревенские главы «Евгения Онегина», «Графа Нулина», многие шедевры
лирики. Пушкин писал: «Поэзия, как ангел утешитель, спасла меня и я воскрес
душой». Здесь он становится национальным русским поэтом.

Написанные на этой земле произведения Пушкина неотделимы от его твор-
чества и его судьбы. На родном фамильном кладбище у стен древнего Успен-
ского собора Святогорского монастыря покоится прах великого поэта.

Невозможно переоценить значение Пушкинских Гор.

Всех, кто сюда приезжает, прежде всего встречает природа, воспетая Пуш-
ким и для каждого у нее найдется свое неповторимое слово. Она настраивает
на возвышенные чувства, она начинает звучать в душе, и звуки ее долго еще
трепетно отзываются у тех, кто приехал из этих благословенных мест. И начи-
наешь понимать, что природа — зеленый, самый подлинный и дорогой памят-
ник поэту.

*30 января 1837, С. П. Бург

** ИРЛИ Ф1. 12812. Черновик Устава Пушкинского литературного общества.

А я, забыв могильный сон,
Взойду невидимо..

А. С. Пушкин

Бесконечен людской поток к заповеднику. Совершенно разные люди в любое время года, в любую погоду идут к Пушкину, в страну поэзии, к этой удивительной животворящей святыне России. Бывают и случайные люди, кроме анекдотов о Пушкине почти ничего о нем не слышавшие. Но есть особые, в их душах отблеск гения поэта. Здесь они называются паломниками, как когда-то называли богомольцев, через все преграды направляющихся в землю обетованную, к пробу Господню. И прав Ф. М. Достоевский, сказавший, что Пушкин для России «давно превратился в своеобразную религию». На этой земле какое-то особое значение приобретают высокие человеческие чувства: честь, свобода, дружба и любовь. Это поистине Святые Горы, где происходит очищение душ, и, разувидев, их не возможно забыть.

Есть давнее свойство в Михайловских
рощах —

В них хочется быть прямодушнее, проще.
И стоит тебе побывать хотя б раз
Средь сосен на солнцем залитой поляне
Ты будешь стремиться сюда беспрестанно,
Где русская муза живет среди нас.

В. Азаров

В любое время года здесь царствует гармония природы и бытия, здесь проявляются удивительные качества души.

«Чтобы почувствовать Пушкина, как говорят, до конца, — писал Константин Паустовский, — надо побывать в пушкинских местах. Медленное очарование пустынных цветущих лип, светлой Сороти, туманов над полями входит в сознание на всю жизнь, сливается с поэзией Пушкина».

Множество историй могут рассказать в этих местах. Вот одна из них. Однажды летом группа туристов приехала из Латвии. Они были здесь впервые и остановились на берегу озера Черное, близ городища Велье. Спустился на землю прекрасный тихий вечер. Горел костер, люди думали о сокровенном, и вдруг откуда-то издалека донеслась старинная песня «Вечерний звон», одна из тех, что берет за душу. Слушал ее молодой учитель и какое-то загадочное очарование снизошло на него. И с того момента в его жизни произошел переворот. Вернувшись домой, он сразу же бросил хорошую работу и навсегда остался здесь в заповеднике, многие годы работает, стал ученым-краеведом, кандидатом исторических наук и теперь весьма трудно представить эту землю без Михаила Ефимовича Васильева, хранителя музея в научно-культурном центре могилы А. С. Пушкина.

Часто люди задумываются об удивительных свойствах пушкинской земли. Десятки лет приезжают сюда известные пушкинисты на встречу со своей юностью, когда-то здесь прошумевшей, и весьма не старые люди из центра идут здесь свое призвание, пишут книги, борются за справедливость, порой в трудных условиях. История заповедника дает нам повод вспомнить многие славные имена.

Они полны замыслов и верят в их осуществление. Невозможно перечислить всех, кто бывал здесь и в глубине души, как сокровище хранят об этом память.

Какова же история простой и удивительной пушкинской земли, ее странной судьбы? И возникает вопрос: что здесь происходило, когда угас могучий светоч разума и красоты, особенно в наш страшный противоречивый XX век? Как могло случиться, что Дом поэта, находившийся в центре внимания всей России, да, пожалуй, и почти всего цивилизованного мира, неоднократно горел? И как воспринимали эти события современники? Что за люди работали в разные времена в пушкинских местах?

Ну, а специалистов и не только их весьма интересует, как возникла и развивалась концепция пушкинского заповедника, для каких целей порой предназна-

чалось использовать постройки Пушкинского Уголка. Кто был у истоков заповедника?

Мало известна дореволюционная история пушкинских мест, довоенная история Пушкинского заповедника. Многие считают, до сих пор, что до войны здесь ничего не было, что это заслуга лишь одного талантливого, энергичного человека, преодолевшего все трудности на своем пути.

Во тьме ушедших лет затерялась история заповедника, ее истоки, слава, трагические страницы, боль. И дошедшие до нас штрихи этой истории зачастую искажены, многие страницы ее, по-видимому, сознательно скрыты. Зная нашу историю понимаешь, что это не могло быть иначе.

Мы мало ценим людей, которые работали и работают здесь, оставили нам свое понимание жизни, талант, опыт, любовь к Пушкину — многим поколениям, тем, кто жил вчера и живет сегодня. Но, к сожалению, даже специалистам неизвестны многие имена сотрудников заповедника прошлых лет. Поэтому работа в архивах идет непрерывно.

Семьдесят лет трудятся в заповеднике подлинники подзаконники культуры — научные работники, хранители, экскурсоводы. Здесь всегда, в холод и жару — можно встретить людей, влюбленных в слово поэта, в его высокие предзнаменения, людей с удивительными судьбами, ишедшими в заповеднике свою судьбу. Они и ныне делают дело особой важности, выращивая в душах молодых и умудренных трепетные ростки духовности, добра и красоты. А что Вы, читатель, знаете об этих людях? Нужно признаться, обидно мало.

Например, историю судьбы Татьяны Юрьевны Мальцевой, дочери дипломата, подвергшейся репрессиям, экскурсовода, автора многих книг и статей, и умершей почти всеми забытой в этих местах.

Или историю Владимира Самородского, талантливого художника, руками которого сделаны многие «чудеса» в Михайловском.

Удивительные истории могут рассказать многочисленные архивные документы, газеты и журналы минувших лет. Однако мы, как отмечал поэт, «ленивы и нелюбопытны». И, находясь многие годы под влиянием современных литературных и музейных мифов (о Пушкине, о его земле), мы порой уходим в сконструированный в послевоенные годы некий «театральный» мир, заменяющий нам научный подход. Надо отбросить стереотипы и постараться по-новому взглянуть на пушкинскую землю. Тем более, что рядом с заповедником находятся бывшие усадьбы пушкинской эпохи, где поэт часто бывал у своих знакомых (Лямоново, Михалево, Голубово, Жадрицы, Алтун, Ладино, Горай ит. д.).

Мы во многом утратили кровную связь с культурой прошлого. И поэтому невозможно перечислить, что утеряно и позабыто.

Периодически в местной газете «Пушкинский край» появляются заметки и статьи по отдельным эпизодам истории пушкинской земли. А. М. Гордин в своей книге «Пушкин в Михайловском», В. С. Бозырев в путеводителе по Пушкинскому заповеднику, С. С. Гейченко в некоторых исторических материалах, а также другие авторы приводят фрагменты этой хроники, но общая картина до сих пор неясна. И все больше выявляется потребность узнать всю историю заповедника, задуматься о прошлом, извлечь из него уроки.

На фоне исторических событий четче проявляется наше меняющееся отношение к Пушкину — поэту и человеку, к его земле, и тем самым определяются наши неоднократные попытки придти через него к своему собственному духовному пробуждению и Возрождению.

Я благодарен судьбе за то, что она призвала меня более 25 лет тому назад на землю поэта. Теперь я не представляю жизни без этих удивительных мест. Много здесь передумано, многое здесь искожено, и столько встреч, порой неожиданных, произошло в пушкинских изгоях. Вместе с другими в маленьком деревянном домике в деревне Кириллове или у костра под звездным небом, слушая звуки свирели заезжего музыканта, я размышлял о судьбе земли поэта,

о странном сближении с нею на перепутье земных дорог, определившей среди многих и мою судьбу.

И сейчас я не могу не попытаться написать без прикрас историю этой земли.

Это история заповедника с комментариями и размышлениями, со стремлением разобраться в парадоксах на небольшой, но весьма дорогой для всех нас частице земли и с попыткой заглянуть в его будущее.

В центре внимания — огромный исторический период, все послепушкинское время с комплексом сложных и противоречивых чувств, мыслей, сбывшихся и несбывшихся надежд этой эпохи.

Сама история, естественно, разделила временной пласт на два периода, на два раздела. В прошедшей войне, возвращенные родной землей и самой жизнью, прошли нелегкие испытания духовные силы русского человека.

Первая часть повествует о событиях за столетний период после гибели поэта, о непростых судьбах пушкинской земли, на фоне событий в России, ее людях, жизненных путях к пониманию поэзии, памяти оставшейся в сердцах людей. Поэтому она называется «Памятник».

Вторая часть расскажет о более близком к нам времени, трагических годах войны, трудностях послевоенного периода, восстановлении заповедника, праздниках и буднях, противоречиях и застое последних лет, передаче Святогорского монастыря русской православной церкви, подготовке к 200-летию А. С. Пушкина. Поэтому она называется «Свет и тени заповедника».

В заключение будут приведены некоторые бытующие здесь легенды и истории, слышанные во время экскурсий.

В конце книги впервые помещены хронологическая летопись истории заповедника и максимально полная библиография на данную тему, столь необходимая будущим исследователям и всем, кто любит поэзию.

У Пушкина можно найти советы и пожелания, но возможно для русского человека, так много повидавшего, и претерпевшего в жизни наиболее важным является:

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись;
День веселья, верь, настанет.
Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло,
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

«Я памятник воздвиг себе нерукотворный...»

А. С. Пушкин

II. РОССИИ СЕРДЦЕ НЕ ЗАБУДЕТ

Каждый, кто оказывается на несколько часов в заповеднике, непременно приходит в Святогорский монастырь. Поднимаясь по старинной из дикого камня лестнице к могиле Пушкина, задумывается о жизни, судьбе поэта, его поэзии, о России. Здесь особое место, здесь слушаешь вечность, особенно ясно понимаешь смысл знакомых с детства строк:

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья избежит.
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

У могилы поэта обычно заканчиваются экскурсии, и туристы оказываются наедине со своими мыслями, думая о сокровенном. На какое-то мгновение они как бы переносятся из нашего времени, буден и проблем беспокойного века, находятся в плену вечности. «Место это торжественное, — писал А. В. Луначар-

ский. — И не только потому, что вы чувствуете здесь близость дорогого сотням миллионов ушедших, живущих и имеющих родиться людей — праха. Оно как нельзя лучше несет на себе маленький белый памятник величайшего из русских поэтов.»

Возможно, это один из самых удивительных памятников мира. По просьбе жены поэта, очевидно, по эскизу В. А. Жуковского, он сооружен мастером Эрмитажа А. М. Пермагоровым и доставлен на место приказчиком М. И. Калашниковым. Памятник классического стиля, строгий, лаконичный. В нем нет ничего лишнего, он по своему неповторим, хотя были люди, которые завещали поставить на своих могилах точно такие же надгробья. Например, об этом история опочекского купца Ивана Лапина, большого поклонника поэта, оставившего воспоминания о Пушкине. Когда он умер, на его могиле появился аналогичный памятник.

Я часто думаю здесь о том, какую роль играет Пушкин в судьбе вот этих, стоящих у его могилы людей, живущих в совершенно другое время, никогда его не видевших. У каждого из них свой, единственный и неповторимый образ поэта. Но есть сила, которая объединила совершенно разных людей и привела их к алтарной части древнего Успенского собора сюда к этой могиле, чьи сердца остались здесь навсегда.

Не сосчитать, не перечислить всех, кто бывал здесь. Скромные букеты полыхих цветов, положенные на могилу детскими руками, и пышные вонки маститых писателей, и уносющиеся к небу звуки божественной музыки, стихи, звучащие здесь особенно торжественно и душевно, парадные речи, и глаза людей, какими они бывают, быть может, один раз в жизни.

Вспоминаются и те, кто писал в разные времена о Пушкине и заповеднике. Писали по-разному в зависимости от таланта, настроения, впечатлений, от того, в какое время они жили: Л. Гросман, Ю. Тынянов, К. Паустовский, С. Довлатов (его скандальная и любопытная книга «Заповедник» наделала здесь много шума, споров, вызвала негативные отзывы многих, знавших его лично экскурсоводов и фотографа Пушкиногорского В. Карпова). А сколько историй, легенд приходит на память! Но об этом лучше прочитать в «Лукоморье» у С. С. Гейченко, местных поэтов, в том числе, у Никифорова и других. А сколько важнейших проблем поднимал в своих статьях И. Будолин.

Внизу у могильного холма проходит дорога. И снуют там бесконечные автобусы и машины, нарушая покой кладбища, сон поэта. Становится грустно. Вновь задумываешься о бесконечной многолетней и малоэффективной борьбе за закрытие этой дороги и прокладке новой, и как трудно удается это в наше время.

Вот еще одна группа туристов подошла к могиле. Вечерело. С колокольни раздается мелодичный звон колоколов. Как много значил колокольный звон во все времена! В последний раз Пушкин слышал звон колоколов, когда хоронил свою мать.

...С чего же все началось? Когда жизнь и судьба поэта превратились в эхо русского, стали мерилом духовных исканий нашего народа?

...Представляется морозный февральский вечер прошлого века... Бесконечная пурга. У ворот останавливается кибитка... Стук монастырские ворота, тревожный разговор, свет факелов, сани с продолговатым предметом, завернутым в рогожу... Сколько с тех пор всего пронеслось над древней землей!

И вот уже второй век вскоре исполнится Пушкину, а споры вокруг него не стихают. Все эти годы он являлся надеждой и паролем России. А жизнь духа его после смерти проходила по особым таинственным законам.

Историки знают, что век XVIII завершился колокольным звоном. Все колокола первопрестольной звонили в честь именин дочери императора Павла I. Большой праздник пришел в Москву, и никто, конечно, не предполагал в этом огромном наполненном историческими тенями, поэтическом и суверенном городе, что этот колокольный звон имеет и другой глубинный смысл, который раскроется, лишь через сто лет.

Начинался век Пушкина, и он не оборвался в трагический день 29 января 1837 года, а вступил в новое высшее качество.

«Когда мы все умрем, — писал через две недели после смерти поэта Н. П. Лавров, — когда простынут наши сердца, и новые времена, новые подвиги, новые впечатления овладеют чувствами русских и далеко за собою оставят понятия и происшествия, одушевлявшие Пушкина, и тогда еще он будет великим писателем.»

И вот прошло сто лет, срок для истории небольшой. Но эти годы были поворотными в русской культуре, общество прошло сложный путь самосознания, исповедалось во множестве художественных откровений, в своих грехах и бедах. В своей проникновенной речи при открытии памятника Пушкину в Москве Ф. Достоевский отметил пророческий дар поэта, его значение для судеб России. «Один Пушкин настоящий русский».

Трудно назвать крупного художника России, который бы не находился под влиянием Пушкина. Вся русская культура многие годы XIX—XX вв. развивалась под его благотворным воздействием. Виссарион Белинский подчеркивал, что Пушкини весь устремлен в будущее, и каждое новое поколение открывает в нем новые грани его гения: «Придет время, когда он (Пушкин) будет в России поэтом классическим, по творениям которого будут образовываться и развиваться не только эстетическое, но и нравственное чувство...». Все более углубленно исследовалось его творчество, окружение, все более массовыми тиражами выходили его произведения.

Ему открывали памятники и выставки, жизнь поэта превращалась в миф. А на его поэтической родине, на древней псковской земле, как это ни странно, многим она была малоизвестна. Мемориальные постройки гибли, многие вещи, ему принадлежавшие, утрачивались.

Для друзей и родственников смерть поэта была величайшим невосполнимым горем.

Тяжело переживал гибель Пушкина его отец. Он жил в Москве и о случившемся узнал из письма В. А. Жуковского из Петербурга через несколько дней после трагедии, тяжело переживая ее.

Вскоре после смерти своего старшего сына Сергей Львович Пушкин писал генералу Н. Н. Раевскому.

«Ничего так не желаю, как съездить поклониться его могиле и могиле моей жены, рядом с которою он пожелал быть погребенным. Это в Псковской губернии, в трех верстах от деревни, где он провел два года и которую он очень любил...».

Он отдал дань уважения и старшему другу Пушкина Александру Ивановичу Тургеневу, который когда-то отвезил мальчика в Царскосельский лицей, а через двадцать пять лет провозжал тело великого поэта через заснеженные просторы России на родовое фамильное кладбище в Святогорский монастырь.

«Да знает Россия, что вам она обязана любимым поэтом, а я, как отец поставлю за утешительную обязанность изъяснить вам все, чем исполнено мое сердце. Неблагодарность не была никогда моим пороком. Будьте везде счастливы, как будете везде любимы... Сергей Пушкин».

В письме к А. И. Тургеневу Прасковья Александровна Осипова вскоре после смерти поэта вспоминала:

«...К чему теперь рыдания и жалкий лепет оправдания. Но ужас берет, когда вспомнишь всю цепь сего происшествия. — Мне сказывала моя Евпраксия, что будто бы жена убийцы хочет требовать развод, что она была жертва привязанности к сестре. 29 числа Сергей Львович был в Москве у сына моего Алексея Вульфа и просил его о покупке надгробного камня для могилы Надежды Осиповны!... без всякого предчувствия, что и прах сына уже вместе лежит!... Я сказала вам, что отягчало душу мою».

* Русский архив 1864 год. № 10, С. 20.

В 1848 году умерший от холеры отец поэта был похоронен рядом с сыном на фамильном кладбище у стен Успенского собора Святогорского монастыря. Земляную могилу Сеогея Львовича, так же как и могилу матери Пушкина Надежды Осиповны, похороненной весной 1836 года, поглотило вскоре безжалостное время. Когда поэт похоронил свою мать, то словно предчувствуя близкую смерть, заплатив в казну монастыря десять рублей, он купил и место для своей могилы.

...И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлеть,
Но ближе к милому приделу
Мне все ж хотелось почивать.

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

На похоронах Пушкина, по преданию, помимо давно известных из литературных мемуаров лиц, присутствовала горничная из Тригорского Агриппина Захаровна Захарова (1806 — 1919) — бабушка старейшего жителя деревни Воронич А. В. Зиновьева. Позднее она жила с многочисленной семьей в деревне Железово. Незадолго до смерти она посетила вместе с внуком Тригорское, где все живо напоминало ей поэта.

Агриппина Захаровна рассказывала, что по просьбе Осиповых гроб Пушкина перед захоронением открывали для прощания, по христианскому обряду, хотя это было неположено. Горничная прожила большую жизнь, в глубокой старости похоронена на сельском Ильинском кладбище городища Воронич. (Из воспоминаний А. В. Зиновьева).

Первоначально могила Пушкина представляла обыкновенный земляной холм. Друг поэта П. А. Плетнев, побывавший тогда летом 1837 года на могиле, писал о том, как она выглядела:

«Площадка шагов в 25... крутой обрыв. Перед жертвенником небольшая насыпь, возвышающаяся над уровнем в четверть аршина. Она уложена дерном. Посредине водружен черный крест, на котором из белых букв складывается имя «Пушкин». За могилой ухаживают друзья Пушкина и дворовые (крестьяне с Михайловского... Михаил Калашников (приказчик Наталья Николаевна) соорудил каменный склеп, перенес туда гроб и соорудил на нем памятник». Памятник был сделан по просьбе П. А. Осиповой, она же зарисовала на память о поэте его могилу.

В августе 1840 года Михаил Иванович Глинка возвращался с супругами Керн после совместного путешествия. Через несколько дней он писал из Смоленска А. П. Керн: «Как вы поживаете в Тригорске? Сообщите мне подробное описание вашего там пребывания, в особенности о месте, где покоится прах Пушкина. Душевно сожалею, что обязанности к матушке не позволили мне вам сопутствовать»³.

Ответ А. П. Керн композитору не сохранился.

Дочери А. П. Керн Екатерине Ермолаевне, влюбленным в нее композитором, посвящен романс, написанный на стихи поэта.

А дом поэта, старый ганибаловский дом, был уже при его жизни обветшалым. «Приют опального поэта, не побежденного судьбой, благоговею пред тобой». — писал Н. Языков.

Дом, хранящий память о няне, о ссылке, который Пушкин трогательно называл «Наша ветхая лачужка», через несколько лет окончательно пришел в негодность.

Правда, жена поэта Наталья Николаевна два раза летом вместе с детьми

¹) «Современник», 1838, IX с. 56.

²) Письма и документы. Музгиз, Л., т.П, 1953, с. 139.

приезжала в пушкинскую деревню в 1841 и 1842 гг.

В начале сразу же после смерти Пушкина Наталья Николаевна отправилась в свое родовое поместье Полотняный завод.

«Муж мой велел мне носить траур по нем два года, и я думаю, что лучше всего исполню его волю, если проведу эти два года совсем одна, в деревне. Моя сестра едет вместе со мной, и для меня это большое утешение».³

Старший брат — Дмитрий Гончаров — отвел ей просторный Красный дом, где когда-то останавливался и Пушкин. Вскоре в доме появились и его книги: «Я выписала сюда все его сочинения, я пыталась их читать, но у меня не хватает мужества: слишком сильно и мучительно они волнуют, читать его — все равно что слышать его голос, а это так тяжело».⁴

Наталья Николаевна уже тогда жила бедно и порой поиски денег превращались в мучительное занятие.

Сестра Александрина не случайно писала Д. Н. Гончарову:

«...Я боюсь за нее. Со всеми ее горестями и неприятностями, она еще должна бороться с нищетой. Силы ей изменяют, она трясет остатки мужества, бывают дни, когда она совершенно падает духом...».⁵

Только в 1841 году вдове поэта удалось приехать в Михайловское.

Постройка склепа затянулась до августа. На это время гроб был поставлен в подвал.⁶

Во время открытия памятника была отслужена торжественная панихида, на которой, очевидно, присутствовали Осиповы из Тригорского. В память об отце, дети Пушкина собрали в Михайловском гербарий, который сохранился до сих пор.

Находясь летом в Михайловском Наталья Николаевна многое пережила и чувствовала себя «смертельно опечаленной».

П. А. Вяземский в это время писал ей: «Вы прекрасно сделали, что поехали на несколько месяцев в деревню. Во-первых, для здоровья детей это неоценимо, для кошелка тоже выгодно. Если позволите мне дать вам совет, то мое мнение, что на первый год нечего вам тревожиться и заботиться об улучшении имения. Что касается до улучшения в доме, то это дело другое. От дождя и ветра прикрыть себя надобно, и несколько плотников за небольшие деньги все устроить могут. Если вы и сентябрь проведете в деревне, то и тут нужно себя оконпатить и заделать щели». Жизнь Натальи Николаевны и ее детей в Михайловском характеризуют письма брату Дмитрию Николаевичу и другу семьи Нащокину. «20 мая 1841 г. Михайловское.

Вот мы и приехали в Михайловское, дорогой Дмитрий. Увы, лошадей нет, и мы заключены в нашей хижине, не имея возможности выйти, так как ты знаешь как ленивы твои сестрицы, которые не любят утруждать свои бедные ножки... Вот я и обличена титулом опекуна и предоставлена своему глубокому невежеству в отношении всего того, что касается сельского хозяйства... Говоря между нами, Сергей Львович почти не занимался хозяйством. Просматривая счета конторы, я прежде всего поняла, что это имение за 4 года дало чистого дохода только—2600 рублей.—Ради бога приезжай мне помочь; при твоём опыте, с твоей помощью я может быть выберусь из этого лабиринта. Дом совершенно обветшал, сад великолепен, окрестности бесподобны — это приятно. Не хватает только лошадей, чтобы нам здесь окончательно понравилось — поэтому, пожалуйста, пришли их незамедлительно, а также и деньги... Сейчас я еду в монастырь

³) УГАДА ф. 1265 Опись 3 № 26142 лл. 1, 2.

⁴) Пушкин в письмах Карамзиных. 1960. с. 173.

⁵) «Огонек». 1987, № 6, с. 19.

⁶) РГАЛИ ф. 185, Опись 1, № 1305, л. 2.

могилу Пушкина. Госпожа Осипова была так любезна одолжить мне свой экипаж...».

«1 октября 1841 г.

Дорогой Дмитрий, Получу ли я ответ хотя бы на это письмо. Я совершенно не знаю, что делать, ты меня оставляешь в жестокой неизвестности. Я нахожусь в обветшалом доме, далеко от всякой помощи, с многочисленным семейством и буквально без гроша, чтобы существовать. Дошло до того, что сегодня у нас не было ни чаю, ни свечей, и нам не на что было их купить. Чтобы скрыть мою бедность перед князем Вяземским, который приехал погостить к нам на несколько дней, я была вынуждена идти просить милостыню у дверей моей соседки, г-жи Осиповой. Ей спасибо, она по крайней мере не отказала чайку и несколько свечей. Время идет, уже наступил октябрь, а я не вижу еще момента, когда смогу покинуть нашу лачугу. Что делать, если ты затынешь присылку мне денег дольше этого месяца? У меня только экипажи на колесах, нет ни шуб, ничего теплого, чтобы защитить нас от холода. Поистине можно с ума сойти, ума не приложу как из этого положения выйти. Менее двух тысяч я не могу двинуться ибо мне нужно здесь долги заплатить, чтоб жить, я занимала со всех сторон и никому из людей с мая месяца жалованья ни гроша не платила...».

В сентябре в гостях у Натальи Николаевны побывал П. А. Вяземский, он писал Нащокину: «Я провел нынешнюю осенью несколько приятных и сладостно-грустных дней в Михайловском, где все так исполнено «Онегинным» и Пушкиным. Память о нем свежа и жива в той стороне. Я два раза был на могиле его и каждый раз встречал при ней мужиков и простолюдинов с женами и детьми, толкующих о Пушкине».⁷

Семья Пушкина находилась в Михайловском до конца октября. Для зимовки дом был непригоден. Об этом писал Наталья Николаевна и князь Вяземский:

«...О зиме и думать нечего, это героический подвиг, а в героизм пускаться не к чему... Хотя вы человек прехрабрый... Но на зимний штурм лезть вам не советую. На первый раз довольно и летней кампании».⁸

Вспоминая свой отъезд, Наталья Николаевна писала брату в ноябре из Петербурга: «Последние дни, что мы провели в деревне были что-то ужасное, мы буквально замерзали. Граф Строганов, узнав о моем печальном положении, великодушно пришел мне на помощь и прислал необходимые деньги на дорогу».

Затем несколько позже она вновь вспомнила о полугодовом пребывании в Михайловском. Наталья Николаевна пишет грустное и лиричное письмо другу Пушкина Павлу Воиновичу Нащокину:

«Мое пребывание в Михайловском, которое вам уже известно, доставило мне утешение исполнить сердечный обет давно мною предпринятый. Могилка мужа моего находится на тихом уединенном месте, место расположения однакож не так величаво, как рисовалось в моем воображении; сюда прилагаю рисунок, подаренный мне в тех краях — вам одним решаюсь им жертвовать. Я намерена возвратиться туда в мае месяце, если ли вам и всему семейству вашему «способно перемещаться, то приезжайте навестить нас...».

В следующем 1842 году Наталья Николаевна вместе с детьми вновь в Михайловском. Здесь же находились часть лета отец поэта Сергей Львович и его брат Лев Сергеевич. Но и этот период также наполнен печальными событиями. В августе умерла Екатерина Ивановна Загряжская, родственница, искренне любившая и заботившаяся о семье Пушкина. Это была желая потеря для Натальи Николаевны.

⁷) УГАДА ф. 1265, Опись 3, № 2656, лл. 35, 36.

⁸) РГАЛИ ф. 195, Опись 1, № 1309.

⁹) Литер. наследие, т. 58, АН, с. 137.

«В ней я теряю одну из самых твердых моих опор. Ее бдительная дружба постоянно следила за благосостоянием моей семьи, поэтому время, которое обычно смягчает всякое горе, меня может только заставить с каждым днем все сильнее чувствовать потерю ее великодушной поддержки».

Среди других событий того времени попытка властей Опочецкого уезда возбудить судебный процесс против наследников Пушкина с целью получения 60 десятин михайловских земель. К счастью, это сделать не удалось.

«Столько разных неприятных обстоятельств, и самых тяжелых, произошли один за другими этим летом, что я вынуждена была ускорить на два месяца мое возвращение. Это решение было принято после письма графа Строганова, который выслал мне 500 рублей на дорогу (зная, что у меня ни копейки), настоятельно рекомендуя мне вернуть незамедлительно».

Так закончилась драматическая история пребывания семьи Пушкина в Михайловском. С тех пор около 30 лет никто не жил в пушкинском доме.

Вместе с семьей Пушкина приезжал в 1841 году лекарь, принимавший больных крестьян Михайловского в часовне (или в другой постройке на этом же месте) в парке. В 80-х годах XVIII века к часовне Осни Абрамович Ганибал проложил еловую аллею, очевидно в память о своей матери, добродетельной лютеранин. Для лютеран по преданию, ель являлась священным деревом, напоминая им, что их прародительницей была Азия (немецкая легенда).

Недалеко от часовни аллея соединялась со старой дорогой, проходившей западнее от деревни Бугрово мимо водяной мельницы через Долгую пустошь и бывшую деревню Рысцово в район «Трех сосен» по которой ездил Пушкин и по которой приехал к нему его друг Иван Иванович Пущин.

«Рысцовская дорога» в Петровское сохранилась до сих пор. Нынешняя прямая дорога мимо часовни к еловой аллее проложена для удобства туристов к пушкинскому празднику 1935 г. (см. «Исторический вестник» за предреволюционный период, стр. 585—589 и очерк К. Афанасьева «Михайловские рожи» в Тверском журнале «В наши дни».¹⁰

Через несколько лет Наталья Николаевна вышла замуж за генерала И. П. Ланского. В новой семейной жизни она была счастлива, заботы о детях полностью поглотили ее, в деревне же все напоминало о прошлом, о Пушкине и его трагедии. В Михайловском Наталья Николаевна больше никогда не бывала.

В мае 1842 года неожиданно в деревню приехал брат поэта Лев Сергеевич. В Михайловском дом был занят родственниками и Левушка поселился у Прасковьи Александровны Осиповой в Тригорском. Нет сомнения, привела его сюда на псковскую землю память о старшем брате.

Известно, что Лев Сергеевич человек не без талантов, но в свое время частенько подводил Пушкина, проигрывая в карты деньги, полученные за издание произведений Пушкина, в том числе и за «Евгения Онегина».

В Одессе, где служил в армии Лев Сергеевич, лишь через несколько месяцев после гибели поэта, узнав об этом трагическом событии, он пишет: «Если бы у меня было сто жизней, я бы не задумываясь отдал бы их за своего брата».

В Михайловском и Тригорском все напоминало об Александре Сергеевиче. Не один вечер провел Левушка вместе с Прасковьей Александровной и ее детьми, вспоминая старшего брата, а кроме того неожиданно он влюбился в младшую дочь Прасковьи Александровны Марию Ивановну.

Подолгу гостил Левушка в Голубове, где другая дочь хозяйки Григорского Евпраксия Николаевна рассказывала о последних приездах Пушкина, о встречах в Петербурге, дружески доверительных беседах накануне дуэли, когда они вместе ходили в Эрмитаж и горько сожалела, что не смогла предотвратить эту злосчастную

дуэль. Вскоре со Львом Сергеевичем приключилась здесь досадная, но вместе с тем забавная история. В 1832 году он вышел в отставку в чине капитана, затем многие житейские события захватили его, через несколько лет он опять вступил в армию, приехал на псковскую землю уже в чине майора. Находясь у друзей в Тригорском, Лев Сергеевич наслаждался деревенской тишиной, оказывается все эти десять лет бюрократическая машина разыскивала его, чтобы выискать с него 90 копеек серебром за лист гербовой бумаги для указа об отставке. Несмотря на то, что Лев Сергеевич заплатил требуемую сумму, при получении вида на жительство произошел скандал.

Завершилось все тем, что Опочецкий земский суд 23 ноября 1842 года донес губернатору, что хотя этот вид и вручен майору Пушкину, но последний расписку в получении этого документа не выдал, а посланного от пристава 2 стана сотского выгнал из комнаты. Весьма возможно, что Лев Сергеевич, по своему обыкновению, находился под влиянием внешних паров.

На рапорте земского суда губернатор наложил резолюцию: «Потребовать объяснения, где ныне г. Пушкин, дабы потребовать от него подпись в получении паспорта, а если он живет в губернии Псковской, то через губернского предводителя внушить ему о неосповательности его поступка. Под этой резолюцией другим почерком помечено «Пушкин уехал в Одессу».¹¹

Шли годы. Постепенно в Михайловском усадьба разрушалась. Зарастали парковые аллеи и пруды. Первые годы за могилой, вначале земляной, ухаживали Прасковья Александровна Осипова и ее дочери. Старый друг Пушкина, Прасковья Александровна в память о поэте зарисовала вид могилы, где стоял обыкновенный черный крест с надписью «Пушкин». На основе этого рисунка создана известная литография. Ее дом в Тригорском стал на многие годы своеобразным музеем поэта. Фактически в одиночку Осиповы-Вульфы многие годы бережно сохраняли могилу. Но постепенно, как это ни печально, они все ушли из жизни. И затем надлого одиночества, запустения воцарились в Михайловском и на фамильном кладбище у стен Успенского собора. Первоначально опека Михайловского предоставлена право владеть делом старшему сыну Пушкина Александру Александровичу, но тот служил в армии и служба не дала ему возможность жить в усадьбе отца.

В журнале «Иллюстрация» в 1848 году воспроизведен знаменитый рисунок Пушкинской усадьбы. «Десять лет тому назад псковский губернский землемер г. Иванов напал на мысль — издать галерею видов города Пскова и его окрестностей. Мысль, казалось бы, и не хитрая: извезть только взглянуть, сколько во Франции, в Англии, в Германии этих галерей — видов сего города, городка, городишки, фабрики, дачи, завода, монастыря, постоялого дома и пр. и пр. Даже и не бывавшие там никогда знают все это наизусть...

...Мы доказали бы, что возьмем билетов каждый на сто рублей и чего нет, все мертво! Чем занимается наше искусство? Куда деваются художники, ежегодно выходящие в свет из художественных школ? Как не иметь видов замечательных исторических живописных местностей России? Это стыд! Это не прескливо! Не с чем сравниться, не на что взглянуть, нечего показать иностранцам и во сих пор ногающим, что вся Россия огромная степь, тундра, в которой кое-где торчат наметы для жилья дикарей — русских и пр. пр.

...Мы доказали бы, что возьмем билетов каждый на сто рублей, и вовсе не для того, чтобы выиграть, не для масок, не для своего веселья, не для шампанского, — какой вздор! — решительно лишь для того, чтоб заглядеть стыд, что в столице России художники не умирают с голода. Мы знаем, как это важно; мы Европа!

¹¹ «Иллюстрация», 1848, № 9, 6 марта, с. 137—139. «Сельцо Михайловское и Святогорский монастырь».

¹⁰ «В наши дни», 1936, № 3, 4, Калинин, с. 42—44; 95.

Между многими другими начинаниями, увы! дорого за это поплатившимся, все эти убеждения без сомнения имел и г. Иванов. В 1837 и 1838 годах он издал две тетради видов Пскова и окрестностей (всего 8 видов) и видов замечательных во всех отношениях, напечатал на обертке имена подписавшихся (счетом 39 человек), распродал вряд ли столько же экземпляров — и делу конец. Нет сомнения, что г-ну Иванову достаточно было и этой попытки, чтобы не продолжать, что и доказано: другие же города будут довольно мудры, чтоб и не начинать ничего подобного, — что тоже доказано.

Из этих-то видов мы предоставляем здесь один, по особенному воспоминанию для каждого русского любопытный, и приводим текст, помещенный в издании г-на Иванова, с описаниями, составленными г. Студинским.

Сельцо Михайловское, — А. С. Пушкина, в Опочечком уезде, в трех верстах от Святогорского монастыря. На картине изображен господский дом Пушкиных, стоящий олинкою, почти в двух верстах от деревни Михайловской. В этом доме, столь не драгоценном для русских, как для англичан дом Шекспира, несколько времени постоянно жил Пушкин, и после из Петербурга почти каждую осень приезжал сюда. Многие произведения его здесь обдуманы, еще большее число здесь написаны.

...Деревянный, уже обветшалый одноэтажный дом Пушкина занимает середину между службами, тянущимися на обе стороны. Пушкин выбрал для себя комнату, с правой стороны последнюю, в той оконя. Перед домом с этой стороны есть небольшой сквер. Дорога к нему хорошо обделана, за версту начинается чистый парк, украшенный по местам цветниками.

...Ганнибалы и Пушкины, жившие с давних времен в окрестностях Святогорского монастыря, усердием и пожертвованиями на церковь, приобрели исключительное право погребать близ нее умерших из рода своего; ряд могил их представлен на картине; большим же черным крестом, близ церковного алтаря, приосеняется могила незабвенного нашего поэта, Александра Сергеевича Пушкина».¹¹

Много лет спустя газета «Новое время» вспоминала: «Уже через одиннадцать лет после смерти великого хозяина села Михайловского побывавший там благоговейный паломник Д. Мацкевич нарисовал в болгаринской «Северной пчеле» безрадостную картину им виденного».

«Где были спальня и кабинет Пушкина, — писал он, теперь тут ветхость и запустение: стгнившие полы, отвалившаяся со стен штукатурка, потолки, в иных комнатах провалившиеся, а в других угрожающие ежеминутным падением... Везде гений разрушения положил сокрушительный след свой. Я поспешил во двор, на чистый воздух, чтоб удалиться от себя это морозящее чувство, обветшалости и дикой пустоты в тех самых местах, где билось сердце, улыбались уста, раздавались приветливые звуки застывшей речи. Нам хотелось бы унести на память хоть цветок, но вы напрасно станете искать его: все кругом окружено ковылем да бурьяном».²²

Правда, всегда надо иметь в виду, что мы, как с горькой иронией записал в 1859 году другой визитер: «Мы не в Англии, а Пушкин не Бернс, чтоб его кресло хранилось как святыня, чтоб то оконное стекло, на котором нацарапано им четверостишие, перешло сотнями фунтов стерлингов, и все-таки из поколения в поколение оставалось собственностью домовладельца. Мы слывем благотворителями, чтобы дорожить подобными пустяками, в нашей натуре, кроме лени, есть еще и практичность. Мебель нам нужна в городе, а не в пустыне, куда никто не заглянет, бревна нужны на мельницу, лес на дрова, а вовсе не на то, чтобы вовремя чинить порченую крышу...».²³

Горько ударила запись, сделанная рукой А. Н. Вульфа 8 апреля 1859 года, умерла хозяйка Тригорского Прасковья Александровна Осипова, друг поэта. Чуткому сердцу ее Пушкин посвятил стихотворение:

Цветы последние милей
Роскошных первоцветов полей.
Они упылые мечтания
Живее пробуждают в нас
Так иногда разлуки час
Живее сладкого свиданья,

Порой приезжали на могилу поэта те, кто любил, знал, помнил Пушкина — Н. Вяземский, П. Плетнев, педагог К. Тимофеев, правитель Черного моря поэт П. Негож. Среди них был профессор Дерпского университета Михаил Петрович Розберг. В 1856 году он побывал в Голубове у друзей Пушкина Бревских, а затем направился в Святые Горы на могилу поэта. О своей поездке он рассказал в одном частном письме.

«Мы прибыли в монастырь, когда почти уже стемнело. Это было 21 июля; погода в тот день стояла теплая, при наступлении ночного мрака, часу в 12-м пошел я бродить около обители, кругом ее ограды; храмовая гора воздымалась высоко над стенами; глухо, при легком ветерке, шумел лес, ее одевающий, качались ветки плакучих берез, чернели исполинские ели, и в их непроницаемой тени белелся, словно бледный призрак былого, обелиск, воздвигнутый над могилой творца Онегина и Полтавы... Сколько чувств стеснилось в моем сердце! Мне приходило на мысль много печальных стихов, звучавших заветных, забываемых, звенящих и вздыхавших на струнах арфы и лиры, под рукою Пушкина.

...Глядя на смиренный мавзолей, я помышлял невольно о том нетленном надгробии, которое певец предрек себе в потомстве, и которого не сломит ни вихрь, ни быстротечный гром, не сокрушит полет всеувлекающего времени...».

...Мрачные думы сменились светлыми в душе моей, и скорбные чувства споза подавляли собой ясные; я мечтал о судьбе мужественного ума и нежного сердца, создавших столько неувыдаемо прекрасного, об ударе, сразившим безвременно творца стольких изящных, восторженных явлений».¹²

Определенный интерес представляют и записки, сделанные педагогом К. А. Тимофеевым в 1859 году. Прошло сравнительно немного времени, но как все переменялось!

«Что за прелесть эти Святые Горы, покрытые рощами, пашнями, отрывающимися далеким видом на холмистый Новоржевский уезд! Прах Пушкина покоится за алтарем главной камерной церкви Святогорского монастыря, возле самой монастырской ограды, мимо которой идет почтовая дорога в Новоржев. Старые липы осеняют белый мраморный памятник. Он стоит высоко на пьедестале и через каменную ограду виден с почтовой дороги. Железная решетка ограждает памятник; от нее шага четыре до церкви и столько же до стены. Лицевая сторона памятника обращена к церкви. Если стоишь у церковной стены прямо против памятника, то справа и слева, сквозь ветки лип открывается очаровательная панорама гор, засеянных гречихой и льном.

Осмотр немногих памятных достопримечательностей Святогорского монастыря под руководством отца настоятеля иеромонаха Гавриила, человека в высшей степени обходительного и радушного, мы взяли себе в проводники крестьянского мальчика и пошли в Михайловское. Через монастырские во-

¹²⁾ Розберг М. П. Истор. вестник, 1899, № 5, с. 751—754.

рота выннл мы на почтовую дорогу и, проходя мимо ограды, из-за которой виднеяся памятник, мы вздумали испытать, до какой степени свежа в околоте память о Михайловском помещике: «Павлуша, кто же похоронен за оградой, знаешь ли?» — «Знаю, Пушкин». «А кто же он такой был?» Мальчик замаялся, наконец произнес: «Генерал».

...Пересекли дорогу из Тригорского в Михайловское. Здесь две сосны воспетые поэтом, третья погибла давно.

А где же старый холостяк?

Он уже срублен: бревно было толстое, на мельницу пошло. ...И вот через 22 года после вота крыша провалилась, балки перегнили, потолок обрушился, под стропилами, на перекрестке двух жердей, в углу сидит сова, эмблема мудрости, единственная принадлежность, которую мы нашли в жилище поэта».¹³

И все-таки Пушкина помнили в России. В 1862 году учреждена была Пушкинская стипендия Петербургского университета в честь юбилея Александровского лицея. Преимущественным правом ее получения пользовались уроженцы Псковской губернии, выходцы из крестьян. К сожалению, неизвестно, кто эту стипендию получил. Тогда же в связи с 25-летием со дня смерти поэта была выпущена первая медаль ему посвященная (автор Чукмасов).

Через несколько лет, в 1866 году, Михайловское переходит к младшему сыну поэта Григорию Александровичу. Старый обветшавший ганнибаловский дом он снес и построил новый на старом фундаменте, возможно, а также и другие постройки для служебных нужд, сохранив элементы прежней планировки.

Григорий Александрович во многом напоминал своего отца. Моментами горячий, но даже в эти мгновения справедливый, твердый и непреклонный в своих нравственных убеждениях, широко образованный и широкий по своим взглядам. Общий облик лица очень напоминал его отца, судя по портретам, он был несколько красивее его».¹⁴

«...Его рассказы из охотничьей жизни всегда были отмечены целым рядом замечаний, показывающих тонкую наблюдательность и умение обратить внимание именно на сущность данного вопроса или явления природы или случая из жизни животных. И вместе с тем видно было, что рассказывает — художник в душе. Необыкновенная правдивость всегда была отличительной чертой всех его рассказов; эта постоянная черта, ярко проходившая сквозь все, что он делал, не могла не иметь громадного влияния на близких ему лиц. Влияние это сказывалось даже в мелочах: достаточно ему было раз сказать мне на привале «никогда не пейте водки», чтобы я отказался от нее и — уже навсегда... Его примера было достаточно для поддержания его только сказанных слов. Так же бывало и в случаях более серьезных в нравственном отношении».

Деревенская жизнь, невольная необходимость становиться с людьми в более близкие отношения, — все это, конечно, способствует развитию гостеприимства; однако, трудно было бы найти хозяина, обладающего этим качеством в большей степени, нежели Григорий Александрович. Необыкновенно ровный и милый со всеми, из коих многие были гораздо ниже его по образованию и воспитанию, он умел всех так поставить, что никто в Михайловском не ощущал нислалейшего стеснения, тем не менее, многие там бывавшие невольно подтягивались в его общество.

¹³ Тимофеев К. А., 1899 г., «Русская старина», с. 267—276.

¹⁴ Шокальский Ю. М. Архив Географического общества, 1906 г., 4 номер, Пушкин и его современники.

При всем том, в основе его характера была примешана большая доля застенчивости, особенно ясно выступавшая в многочисленном и пезнакомом обществе: он уходил в себя, становился молчаливым и спешил уйти вост. Чтобы подметить эту черту его характера, надо было близко его зпать и часто наблюдать; та же причина заставляла его избегать по возможности всяких публичных собраний, торжеств и т. п.

В тишине своего деревенского уединения он интересовался многим и, между прочим, постоянно следил за всем, что появлялось в литературе об отце. У него имелась полная коллекция разных изданий сочинений А. С. Пушкина, а в последние годы жизни он несколько раз высказывал мне свое удовольствие по поводу появления хороших новых изданий трудов его отца. Видно было, что он с ними знаком обстоятельно.¹⁵

В Михайловском многие годы вспоминали этого доброго человека, рачительного хозяина — имени при нем находилось в образцовом состоянии, зидяцлого охотника. С ним дружил Юрий Михайлович Шокальский, внук Анны Петровны Керн, позднее известный географ, оставивший о Григории Алексеевиче А. Ф. Пинисер (жил в Алтухе, кавский казак), умерший в 20-х годах, которого до сих пор вспоминают ставропольцы.

Его весьма интересовала история этих древних мест. В окрестностях Михайловского множество курганов. Один из них в старинном ганнибаловском парке Григорий Александрович начал раскапывать.

Исследователь быта и преданий пушкинского уголка Чернышев В. И. писал о святогорских ярмарках: «Можно было здесь услышать рассказы крестьян о сыне поэта Григории Александровиче. Все он делал по отцовскому завещанию, дал он льготы крестьянам, ни во что не вмешивался. Был у него староста Ефим Коконов, человек хороший, исправно хозяйство вел. А еще в Михайловском имелась царня. Ходил Григорий Александрович на охоту, любил лошадей. Уехал он из Михайловского верхом. Сел на коня, проследился и уехал».

К этому рассказу следует добавить, что в память об отце посадил Григорий Александрович в центре усадьбы вяз, привезенный из Петровского, который с тех пор радует всех, кто приходит поклониться поэту.

Как уже отмечалось, в конце 70-х годов XIX века могила А. С. Пушкина и фамильное кладбище находилось в весьма печальном виде.

Младший сын поэта бережно хранил оставшиеся мемориальные вещи, порой, ревниво относился к посетителям и допускал их в дом только в своем присутствии. Но иногда он на несколько лет уезжал из Михайловского и усадьба приходила в упадок.

В 70-е — начале 80-х годов монастырское начальство мало заботилось о состоянии могилы поэта. Не соблюдался устав монастыря. Григорий Александрович пригрозил перевезти прах отца в Петербург и тем самым заставил власти провести соответствующие реставрационные работы.

В конце 70-х, начале 80-х годов в Михайловском в Григорию Александровича Пушкина гостили два известных художника, которые в своем творчестве во время во многом выражали поиски русского искусства, — Николай Николаевич Ге и Алексей Кондратьевич Сиврасов.

Художник Ге Н. Н. — исследователь исторических и нравственно-религиозных событий, друг Льва Толстого, вскоре после создания картин «Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича» и «Екатерина II у гроба Елизаветы Петровны» приехал в Пушкинские места, почувствовал потребность показать роль Пушкина в отечественной культуре. Это было время стремительного возрастания интереса к личности и творчеству поэта. Выдвиг

¹⁵ Пушкин и его современники. Выпуск I. СПб, 1905 г. Ю. Шокальский. Григорий Александрович Пушкин (личные воспоминания), с. 187—195.

галось (5 октября 1871 г. журналистом Василием Коптевым) вновь предложение поставить в «сердце Русской земли» Москве — памятник.¹⁶ Это было по времени, когда А. И. Герцен в «Полярной звезде» завершил печатать «Записки о Пушкине» Ив. Пущина.

Николай Николаевич осмотрел «опальный домик» поэта, где в то время жил его сын, вдохновенно писал острейшие пейзажи, могилу Пушкина в Святогорском монастыре, изучал жизнь его в Михайловском. Итогом поездки явилась картина «Пушкин в Михайловском», где художник, интересно отметить, первоначально хотел вместо няни изобразить пугача Иону. Он тщательно выписал все детали интерьера кабинета, много внимания уделил быту поэта, но получилась картина слишком благодушная. В результате «Грешивший нимб с Христа, потерял Пушкина», отмечал А. Суворин. Критик писал «Путь от Петра и Алексея до Пушкина в Михайловском — путь к потере себя, насилие художника над собой».

Критика картины была почти единодушна. Стасов В. В. отмечал: «Никому она не понравилась, никого она не затронула, не восхитила». Вместе с тем, журналист А. Суворин дал такую характеристику этому произведению: «...Расставаясь с картиной г. Ге прибавим два слова. Как бы ни смотрели на нее, какие бы недостатки в ней не находили, она имеет два неотъемлемых достоинства: она будит мысль и есть первая историческая картина из жизни русского писателя. Много было недостатков в герое картины, но и многое он выстрадал, и в этой купели является нам чистым, на сколько может быть чист писатель слуга своего времени, принужденный зарабатывать хлеб свой и преклоняться перед обстоятельствами.

...Последние дни жизни Пушкина готовились бы нам казаться для большой картины, которая могла бы привлекать к себе общее внимание».

Почти одновременно в тех местах побывал и другой художник — А. К. Саврасов (1830 — 1897). Его также привлекла могила Пушкина, он работал в Святогорском монастыре, писал пейзажи Михайловского и Тригорского.

«Им произведен переворот, какой был сделан в описании природы в художественной литературе Пушкиным, Гоголем, Тургеневым и прочими. В творчестве Саврасова лирический пейзаж, сложившийся ранее в поэзии Пушкина, получил дальнейшее развитие... Природа является в слиянии, в длительности, в смене явлений». В этих пейзажах чувствуется именно душа русского человека, в ее единстве с природой. Сейчас пейзажи А. К. Саврасова находятся в Государственном музее искусств Ташкента.

Сын известного в пушкинское время журналиста П. Н. Полевой приехал в то время поклониться поэту и увидел, что памятник приближается к разрушению. По его словам «в монастыре даже не все могли указать могилу Александра Сергеевича». «На мой вопрос, — говорит другой половец Печенег, — где могила поэта Пушкина?, провожающий меня послушник ответил, что не может указать могилы Пушкина, а знает могилу помещицы Пушкиной (?), которая и оказалась отыскиваемой мною могилой».¹⁷

«Не мешало бы любителям русского слова вообще и нам псковичам, в особенности, вспомнить, что сама могила поэта находится в печальном состоянии и посещается разве только богомольцами, во второе воскресенье после Троицы».

«...Здесь в народе говорят, что в монастыре выкопано тело Пушкина для следствия и будут кого нужно сулить за убийство». А тропеских лучей многие годы пушкинские места вдохновляли на создание замечательных картин, поиски в искусстве. Вот некоторые примеры.

В конце 70-х — начале 80-х годов в Михайловском у Григория Александровича Пушкина гостили два известных художника, которые в своем

творчестве во многом выражали искание русского искусства, — Николай Николаевич Ге и Алексей Кондратьевич Саврасов.

Только в 1880 году, накануне открытия памятника Пушкину в Москве, был подновлен на могильный памятник в Святых Горах.¹⁸ В этот период о своем желании быть похороненным рядом с Пушкиным говорил И. С. Тургенев.

Душой, организатором празднеств в Москве был основатель и директор московской частной гимназии Лев Иванович Подьянов. Прославленный руководитель шекспировского кружка был великим артистом в облике педагога, знаток детской психологии он воспитал многих замечательных людей. Венцом его деятельности и явилась организация открытия памятника, на котором с яркой речью выступил Ф. М. Достоевский. Она пробудила, вывела из спячки Россию, во время реформ Александра II, отметила ее духовную миссию в мире. «После ряда удушливых в нравственном и политическом смысле лет... вдруг пронеслась струя чистого воздуха — и все постепенно стало оживать. Блестящим проявлением такого оживления был и пушкинский праздник в Москве», — писал А. Ф. Кони.¹⁹

В своей пророческой речи, устремленной в будущее Ф. М. Достоевский не случайно отметил: «Пушкин умер и полным разлитием сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем».²⁰

После известных работ пушкинистов вскоре многое стало постепенно меняться в отношении к памяти Пушкина, после того, как в мае 1885 года великий князь Владимир Александрович совершил с великой княгиней Марией Павловной большое путешествие по Северу России. Об этом рассказывал К. Случевский в 2-томном повествовании. Высокие гости побывали в многих городах, монастырях, перед ними предстала русская земля, ее история и культура.

В день рождения А. С. Пушкина 26 мая великий князь прибыл в Святогорский монастырь, где его торжественно встретили жители поселка и монахи. Владимир Александрович преклонил голову перед могилой поэта, присутствовал на панихиде в его честь, посетил знаменитую, известную почти небольшим флигелем. Перед домом круглая куртина.

Затем по старинной дороге, очевидно, через загадочные так называемые Явочные ворота, где ныне находится кордон и где по преданию зарыт сказочный клад эпохи Ивана Грозного, проследовали гости к младшему сыну поэта: «Вечер этого полного впечатлений дня заключен был в Михайловском, у Григория Александровича Пушкина; в любезной беседе хозяина и хозяйки время к ночи подошло очень быстро; воспоминаниям о Пушкине отведено было, конечно, первое место.

Заметим, что в меню сегодняшнего обеда нарисовано было Михайловское время Пушкина, хотя дом, принявший нас на ночлег, построен только в шестидесятые годы, но некоторое сходство в общем расположении усадьбы сохранилось: длинный одноэтажный дом посередине, с обеих сторон его два небольших флигеля. Перед домом круглая куртина.

Из вещей Пушкина сохранились — кресло, ятаган, подаренный ему на Кавказе графом Паскевичем, и четыре бильярдных шара.

Ночь была чрезвычайно ясная, как и минувший день, великий князь привез с собою хорошую погоду. На следующее утро перед отъездом из Ми-

¹⁶) Аврора, «Земля поэта», № 2.

¹⁷) «Литер. экскурсии» М. 1899 г. Острогорский В. Н.

¹⁸) Речь Ф. М. Достоевского на открытии памятника А. С. Пушкину.

¹⁹) К. Случевский — Путешествие Великого князя Владимира Александровича.

¹⁶) С. Гейченко «Земля поэта», «Аврора», 1977, № 2, с. 68—76.

¹⁷) «Новое время», 1879, 12 июля.

хайловского, последовавшие в 9 часов утра 27 мая, его высочество более часу сидел с хозяевами дома и своими спутниками на балконе.

Вид с балкона в ясный день, как это было с нами, очаровательный. От дома вниз идет ступенями терраса; широкая долина развернута перед глазами верст на 16, ее обрамляют далекие, поросшие лесом холмы; глубоко внизу течет по зеленому лугу, синей, река Сороть; вправо и влево совсем ближе по одному озеру. Говорят, что простой народ села Михайловского не знает, а зовет его Зуевом».²¹

Однако прошло еще несколько лет, прежде чем эти изменения стали ощутимы всеми, кто приезжал в Святые Горы.

Посетивший в 1887 году Пушкинский уголок В. Митурич отмечал: «Вообще меня поразило тот факт, что по мере приближения к месту вечного упокоения поэта, память которого собиралась чествовать целая Россия, все менее и менее встречались вещи, которые напоминали бы о нем.

В Петербурге, когда я уезжал, в печати, в обществе только и было разговору, что о двадцать девятом январе. Во Пскове уже только маленький кружок интеллигенции толковал о Пушкине, а в последнем номере «Псковского листка», который я нашел в гостинице, не было ни одного слова о Пушкине».²²

«В то время, когда могила Пушкина до 80-х годов совсем почти осталась забытою обществом, она посещалась только местными крестьянами богомольцами».²³

Через несколько лет в 1892 и 1895 годах на пушкинской земле гостил журналист М. И. Каспийский. Он писал о том, что могилы на фамильном кладбище поросли травой, обсыпался кирпич постамента, а сам обелиск осел и наклонился на бок, и был испещрен всевозможными надписями.

В следующем 1896 году государственный контролер Г. И. Филиппов пришел на могиле в ужас, увидел состояние памятника, и лично смывал надписи.

Памятник быстро разрушался из-за того, что не закрывался футляром в непогоду и в зимний период. Многие постройки в Михайловском были варварски спесены из-за деятельности в последние годы века управляющего Громова, которого прозвали Разгромовым.

Состояние Пушкинского уголка не могло не волновать поклонников поэта и в столицах, и в Святых Горах.

Большую роль в воспитании жителей поселка в то время сыграл учитель Александр Иродинонович Раевский. 50 лет он преподавал в местной школе, обучил ни одно поколение святогорских ребят. Умер Раевский 8 июля 1899 года. Поселок Тоболенец в Святых Горах тогда был почти поголовно грамотным. Весьма интересным являлся документ, написанный крестьянами Святых Гор за несколько лет до юбилея поэта, который по новому трактует отношение местных жителей к Пушкину.

«1895 года, декабря 31-го дня, мы ниже подписавшиеся крестьяне, домохозяйства Тоболенского общества, Воронежской волости, Опочецкого уезда, Псковской губернии, собравшиеся на наш сельский сход в полном и законном составе, в присутствии местного старосты, имели суждения о том, что в Святогорском монастыре, расположенном среди земли нашего сельского общества, погребен наш местный помещик, А. С. Пушкин, известный во всей России поэт.

Люди со всех концов России приезжают почтить память великого поэта, и со всех сторон раздаются жалобы, что на месте погребения память Пушкина мало чтима и недостаточно увековечена, так как, кроме скромного семей-

ного памятника на могиле его, ни в Святых Горах, ни в селе Михайловском, родовом имении Пушкина, расположенном в 4-х верстах от Святых Гор нет ничего, что напоминало бы о великом имени, поэтому мы домохозяея Тоболенского сельского общества, постановили: выстроенное в 1895 году на наши средства и на нашей земле, около могилы А. С. Пушкина, двухэтажное, полукаменное здание, предназначенное для приюта на 30 человек наших престарелых односельчан и частью для общественной народной читальни, назвать пушкинским, для увековечения памяти высокопочтимаго нами человека, о чем и просим высочайшего разрешения, и ввиду того, что наших местных средств недостаточно для содержания вышеозначенных учреждений в надлежащем виде, достойной памяти носимого им имени, мы постановили: просить высочайшего разрешения на сбор пожертвований для образования капитала, процентами с которого вышеозначенные учреждения (приют и читальня), а также памятник поэта, содейались бы в надлежащем виде».²⁴

Эти учреждения расположились в небольшом уютном полукаменном доме, на крыше которого имелся маленькая голубой купол с крестом. На нижнем этаже и половине верхнего была богадельня на 20 человек, правую сторону верхнего этажа занимала читальня, где висели портреты особ царствующего дома, находился бюст Пушкина. Читатели располагались за столом и имели в своем распоряжении до 800 книг. Здесь за 1898 год побывало 1500 человек.

Ежегодно сход волости выделял до 217 рублей, читатели Тоболенской общины — 100 рублей, отец Иоанн Кронштадтский — 100 рублей.

Вместе с тем коренных изменений в отношении официальных властей к Пушкинскому уголку не происходило. По-прежнему состоянию могильного холма и могилы поэта внимания уделялось от случая к случаю. В самом Михайловском положение было не намного лучше, так как сын поэта Григорий Александрович (с 1866 года владевший имением) несколько лет находился в отъезде.

Однако, просматривая документы о Святогорском монастыре, я нашел документ о монахах. Здесь все же начались постепенные перемены:

«Братия его, пополняющаяся по преимуществу из местного малограмотного крестьянства, в громадном большинстве, не располагаящем достаточными интеллектуальными и нравственными средствами для того, чтобы оказать какое-то духовно-просветительное влияние на окружающую народную среду. Монастырь как бы уснул, или застыл, если можно выразиться, в форме внешнего обряточного русского благочестия, столь любезного русскому человеку XVI — XVII веков, но уже не удовлетворяющих его в конце XIX века. Впрочем в последние годы старинная, так сказать, забытая и заброшенная обитель начинает понемногу оправляться и подниматься».²⁵

Большие изменения в Святогорском монастыре начали происходить только с 1895 года, когда настоятелем стал отец Иоанн. Он энергично принялся за ремонт обители. Через два года ушел от ветхости купол Успенского собора. Отец Иоанн его переделал, заменил крышу, обновил ограду, отремонтировал лестницу. Большой доход стали приносить сборы на ярмарках — до 800 рублей в год, увеличилась доходность от крестных ходов.

В течение месяца проходили крестные ходы до Пскова и Новоржева. Вначале от Воронича иконы плыли во Сороти и Великой. Для этого была специально оборудованная ладья с двумя отделениями. В первом отделении размещались две чудотворные иконы, во втором — духовенство. На ладье имелась специальная колокольня с колоколами, хоругви и знамя. Во всех

²¹) Исторический вестник, 1917, т. 85.

²²) ИВ, 1899, № 5, с. 618—633.

²⁴) О Высочайшем разрешении пожертв. на сбор средств. Ист. вестник, № 85, 1895, с. 633.

²⁵) Святогорский монастырь, Архив. ПГЗ.

Деревнях, мимо которых двигался крестный ход, происходили торжественные встречи, звонили колокола.

На родине няини Ольги у села Выбуты и у живописного села Корытово в трех верстах от Пскова иконы с большими почестями выносили на руках на берег.

Итак, как витим, перемены в посетке и в самом монастыре стали значительными, но еще несколько лет была могила в прежнем виде.

В 1897 году путешественник отмечал: «Редко кому удается побывать на дорогой могиле. На памятнике надпись посетителей, обломанный металлический венчик «От Майкова и Хрущова»...»

Трех сосен нет, остались лишь пни, от них отрезали на память куски и выжигались надписи. Остатки пней увезены в Вильно. На месте старых посажены новые сосны.

В Михайловском хозяева не живут несколько лет... Домик няини... «Здесь в сених стояла плита. Их нянюшка стряпала им тут иногда обед. «Александр» Сергеевич» жили направо, а нянюшка налево». Меня охватило невольное возмущающее душу волнение... Казалось, тень великого поэта невидимо витает в этих бедных комнатах... За стеною вот-вот послышатся шаги его верного друга — няни **Родионовны**.

— Что же здесь теперь? — спросил я. «Мы тут зимой сохраняем «яблочку», ответил пскович. С глубокой грустью взглянул я, прощаясь на маленький дом и с тяжелым чувством покинул село Михайловское».²⁶

Прошло еще несколько лет. Приближался юбилей поэта. В Петербургских газетах в январе 1899 года появились весьма печальные заметки. «Памятник из белого мрамора над этой дорогой могилой **настолько** пришел в упадок и разрушение, что в 1880 году, по случаю **чествования** его (Пушкина) в Москве, путешественники, посетившие Святогорский монастырь, едва находили забытую могилу. Впоследствии надгробный памятник был реставрирован, но, говорят, он снова уже поносился. Замечательно, что окрестные крестьяне на вопросы, кто похоронен под этим памятником, всегда отвечали: «Наш бывший помещик Пушкин, важный генерал был и царю был известен». То было прежде. Теперь каждая крестьянская хата узнает, кто был Пушкин и почему он известен».

В годовщину Александровского лицея, начиная с 1892 г., в Петербурге в торжественной обстановке объявлялись новые лауреаты Пушкинских поэмий.

Золотые пушкинские медали вручались в изъявление своей искренности благодарности и признательности, пользуясь дарованным ей правом Академии наук «за обязательную готовность и глубокую «профессиональность» отмечала приглашенных ею рецензентов — ученых, поэтов, писателей, деятелей культуры, принимавших участие в обсуждении вынесенных на конкурс литературных трудов.

Всего на Пушкинских конкурсах 58 рецензентам было присуждено 115 почетных медалей (выдано 105 до октября 1917 года).²⁷

5 октября 1898 г. император России Николай II утвердил Комиссию по выработке Программы чествования памяти А. С. Пушкина. Ее возглавил президент Российской Академии Наук великий князь Константин Константинович весьма точный поэт. Программа работы Комиссии получила одобрение 20 января 1899 г. и с этого момента по всей России стали собирать пожертвования на проведение юбилея. О сборе средств в городах и губерниях регулярно информировала пресса.

Среди различных поступивших предложений появилось и предложение о создании музея А. С. Пушкина во Пскове. К тому времени вопрос о приоб-

ретении села Михайловского у наследников еще не был окончательно решен, поэтому интересно отметить, что «в мае 1899 года псковский предводитель дворянства по сбору пожертвований на юбилей вошел с представлением в главное интендантское управление об уступке Поганкиных палат для цели учреждения музея великого поэта. Означенные привлечены в настоящее время рассмотреть этот вопрос, отнесясь к нему сочувственно».

Однако вскоре младший сын Пушкина за весьма умеренную сумму (около 140 тыс. рублей) продал Михайловское государству, а сам уехал в имение своей супруги В. А. Мельниковой, дочери строителя тележной дороги в Маркушай под Вильно (Вильнюс). Появилась возможность создать в память о поэте специальный фонд и открыть мемориальную усадьбу, тем более, что юбилейная программа предусматривала «сохранение в приличном виде могилы Пушкина и приобретение в казну усадьбы». Именно с тех пор пушкинские места Псковской области стали неофициально называться «Пушкинским уголком».

Готовясь к юбилею, попечительство Святогорской богадельни разослало 3—4 тыс. подписных листов, всего же было разослано 24 тыс. подписных листов и 2500 писем по поводу сбора средств для проведения юбилея.

Специальная комиссия выезжала в Святые Горы и на месте проверяла готовность к юбилею. Был определен список квартир для приезжающих, число лошадей, экипажей и т. д. Вокруг могилы устроили особую площадку, разработали проект декоративных украшений праздника. А итальянский композитор А. Форретто написал и прислал для праздника оперу «Цыгань», но из-за недостатка исполнителей, она не была поставлена в Святых Горах и мы можем только пожалеть об этом. Премьера оперы состоялась в г. Модена в Италии в 1900 году.²⁸

Российская Академия Наук организовала в связи с юбилеем поэта его пышное чествование. Состоялись постановления о приобретении сельца Михайловского от сына его Григория Александровича в казну в ведение государственного банка и о предоставлении Псковскому дворянству возможности устроить в усадьбе по согласованию с Академией наук какое-либо благотворительное учреждение, связанное с Пушкинием.

До сих пор ходят истории и легенды о том, как проходили в Святых Горах торжества. Три дня — 25, 26 и 27 мая 1899 года на знаменитый поселок было обращено внимание всей России, в газетах появились многочисленные публикации о подготовке к празднику, приезду гостей, отношении к юбилею других губерний и столичных городов. Это было невидано, никогда ни один поэт не привлекал такого внимания. Поселок в то время был весьма скромный, в нем жило всего 600 человек и местные обыватели удивились пышным торжествам, приезду многочисленных важных господ, поэтов, читавших стихи на французском языке, для которых были организованы квартиры у состоятельных хозяев и праздничные обеды.

Толпы народа направлялись к Храму Славы, построенному архитектором К. В. Изенбергом. Это была его первая и, увы, недолговечная постройка. Позднее он станет автором выразительного памятника миноносцу «Стерегущий» в Петербурге, погибшему во время Русско-японской войны. Изенберга в поселке многие уже знали. Он долго репетировал с псковскими актерами весьма популярные в те времена, так называемые «живые картины», на пушкинские темы, разыгрывались сцены из «Скупого рыцаря», любимцы публики, местные актеры из интеллигентов, декламировали пушкинские стихи. Рядом продавали и раздавали угощения для народа.

Хор А. А. Архангельского, обладавший высокой музыкальной культу-

²⁸) А. С. Пушкин в музыке, СбМ, 1974, Сов. композитор, с. 158.

²⁶) Истор. вестник, 85, с. 202.

²⁷) Истор. вестник, 85, с. 202.

рой, исполнил кантату на слова Я. Погодина «Пушкин — это возрождение», в Успенском соборе при большом стечении народа отслужили панихиду. Было множество пышных венков от частных лиц и организаций, но корреспондентам запомнился скромный венок из пезабудок, который возложили на могилу сельские школьники.

Всеобщее внимание привлекали сыновья поэта — старший сын Александр Александрович и его младший сын Григорий Александрович, которого здесь хорошо знали, он многие годы почти безвыездно прожил в Михайловском.

Однажды старший сын Льва Толстого Сергей Львович вспоминал: «Я в первый раз встретил Александра Александровича Пушкина, сына поэта, в английском клубе, кажется, в 1902 году. Ему уже было около 70-ти лет, тем не менее сходство с портретами его отца было заметно. Он был почетным опекуном, генералом в отставке и носил генеральский мундир. Он мне сказал, приблизительно, следующее: — Мы с вами разделяем одну и ту же участь.

Я удивился: Какую участь?

— Что бы мы ни делали, — сказал Александр Александрович, — о нас судят не как об Александре Александровиче Пушкине и Сергее Львовиче Толстом, а как о сыновьях наших знаменитых отцов, сравнивают нас с нашими отцами, и, разумеется, не в нашу пользу. А право, я не совсем дурак и кое-что делаю в своей жизни».²⁹

В эти дни пришло сообщение о награждении генерала-лейтенанта А. А. Пушкина орденом Святого князя Владимира III степени, а одному из внуков было пожаловано звание камер-юнкера. Поэтому повсюду звучали поздравления, тосты за процветание русской поэзии, России. Сохранился дом, где жили в те дни сыновья поэта. Хорошо бы здесь на фасаде открыть в честь этого события мемориальную доску.

Гости посетили читальню имени Пушкина, где расположен музей, в одной из комнат стоял бюст поэта, в другой находился образ святого Александра Невского, одного из неспрямых предков, тезки поэта.

В Михайловском в эти дни цвели вишни, яблони, распушив хвосты, по усадьбе важно бродили лавины. Посетителям Григорий Александрович показывал 15 сохранившихся вещей его отца и охотно давал корреспондентам интервью. Всех привлекала сабля (ятаган), которую генерал Паскевич на Кавказе подарил за храбрость Пушкину, знаменитый бильярд и старинная гарета поэта.

Журналистам жена Григория Александровича Варвара Алексеевна напоминала прусскую королеву Луизу, она царственно и благосклонно показывала изящный саксонский фарфор, старинную художественную мебель и многочисленные ухоженные цветы на усадьбе.

Ю. М. Шокальский отмечал, что «Портретов Ганнибалов никто не видел ни в Михайловском, ни в Тригорском».³⁰

Очевидно знаменитую строку из «Онегина»:

«Портреты дедов на стенах

Да печи в пестрых израсцах...»

нельзя воспринимать буквально.

А в архиве Святогорского монастыря в это время уже лежал документ, мало кому известный, о том, что «камер-юнкер Двора его императорского

²⁹ «Слово», 1991, 9, с. 58.

³⁰ Архив Святогорского монастыря.

лению».³⁰

величества Александр Сергеевич Пушкин похоронен по высочайшему повелению».³¹

Столетняя годовщина поэта подводила итоги первого пушкинского века и была определенной вехой в постижении его творчества и личности.

В связи со столетием со дня рождения А. С. Пушкина проводились мероприятия по всей стране. Слово перед панихидой о Пушкине сказал в Казанском Университете 26 мая 1899 г. известный просветитель епископ Антоний. Он в частности отметил:

«Сегодня в разных концах нашего Отечества представители русской литературы и русского гражданства говорят о нашем великом народном поэте — Пушкине. Что скажет о нем служитель первому для духовного наставления? Ответ на такой вопрос нетрудно почерпнуть во общественного настроения сегодняшнего дня. Смотрите — имя Пушкина привлекло сюда русских людей самых разнообразных положений и возрастов: и старцы, и юноши, и мужчины и женщины, и военные, и гражданские люди, и вельможи, и скромные горожане, — считают для себя дорогим и близким имя покойного поэта. Все литературные, философские и политические лагеря стараются привлечь к себе имя Пушкина.

С какой настойчивостью представители различных учений стараются найти в его сочинениях или, по крайней мере, в его частных письмах, какую-нибудь, хоть маленькую оговорку в их пользу. Им кажется, что их убеждения, научные или общественные, сделаются как бы правдивее, убедительнее, если Пушкин хотя бы косвенно и случайно подтвердит их. Где искать тому объяснения?... Если мы кого горячо любим все вместе, всем народом, то для объяснения этого нужно искать причины внутренних, нравственных. Спросим же мы свое русское сердце, что оно чувствует при чтении бессмертных творений русского поэта? Душно, что с нами согласится все, если мы скажем, что стип Пушкина заставляет сердце расширяться, сиюминутно трепетать и воспроизводить в нашей памяти и в нашем чувстве все доброе, все возвышенное, подлинно перелитое памятью».³¹

В память столетия со дня рождения А. С. Пушкина при императорском Александровском лицее было учреждено «Пушкинское лицейское общество», которое имело целью «всестороннее изучение творений Пушкина, разъяснение их, и распространение во всех слоях русского общества».

В великий день, в день столетней годовщины рождения Пушкина, на границе наступающего века, совершая торжественную тризну и память великого поэта, и апофеозом чувствуя его великое творчество, мы должны приобщиться сознанием своей вины. Мы должны приложить все старание к тому, чтобы Пушкина сумел оценить по достоинству весь русский народ, а для этого нужно сделать народ грамотным в широком смысле этого слова.

На могиле поэта, там возле родного гнезда Пушкина, русское общество должно дружно принести обещание распространить свет знания среди темных людей, лишенных высшего образования».

Журнал «Сельский вестник» в 1899 году провел опрос среди крестьян насколько известно имя Пушкина среди простого народа. Итогом этого опроса были полученные 1000 крестьянских писем о Пушкине. В 1967 году «Литературная газета» вспомнила старую публикацию, опубликовала некоторые архивные письма, которые представляют интерес и в наше время.³²

Так, крестьянин Н. Полосков из села Раково Архангельской губернии писал: «Был человек Пушкин подобно мессии, плагол его так же жег сердца,

³⁰ В. П. Острогорский — Пушкинский уголок. Альбом, 1899.

³¹ «Слово», 1991, VI, с. 45.

³² Не зарастет народная тропа. 1000 крестьянских писем о А. С. Пушкине, 1967, 8 фев., с. 3.

как высших, так и низших, призывал милость на падших, говорил правду, учил всех... изучал жизнь от царских палат до вертепов и пал как на Галгофе, от руки палачей».

А вот, что писал крестьянин Тобольской губернии (подпись неразборчива): «О чем бы Пушкин ни писал, все у него пело и торжествовало. Пел у него простой русский деревенский плетень. Он зиму суровую претворил в красавицу лучше лета. Что было бы русскому без родной зимы, подумайте, а кто бы мог сделать кроме Пушкина, припоминайте, что и простые русские дровни поэт воспел, что же это такое, что Пушкин так верно и прекрасно умел изобразить все русское!»

...Пушкин возвел простую русскую женщину на пьедестал недосыгаемости».

А вот мнение крестьянина деревни Высокая Гора Опочецкого уезда Исковской губернии Семена Тимофеева:

«Когда будет дано нашему темному народу давно нужное и желанное образование и будет наша Россия праздновать 125—150 летие со дня рождения нашего великого Пушкина, то не нужно быть пророком, чтобы предсказать, какой ответ тогда получится... Тогда мало найдется или совсем не будет тех, кто скажет: «Не знаю Пушкина», но протопчут тропу, теперь не всем известную, и время свое следаст; посеянное доброе семя принесет свой добрый плод». Подобных писем было великое множество. Вспоминается пушкинское пророчество: «...Не заростет нарочная тропка!» Это воистину стало на все времена великим откровением русского человека.

...Отшумел трехдневный юбилей, разъехалось пять тысяч гостей, принявших участие в празднике, погасли салвные площадки, фейерверки бенгальских огней. Некоторое время простоял еще Храм Славы, привлекая внимание жителей поселка и приезжих. Он был длиной в пятьдесят метров, шириной — в двадцать пять, а высотой — в шесть. Крыша в три купола. А по фасаду яркие панно с сюжетами из «Сказки о рыбаке и рыбке», «Русалки», «Борис Годунова», «Полтавы», «Руслана и Людмилы», «Скупого рыцаря», «Евгения Онегина». Рядом — пять зарьков где топорами сдвигались. Многие вспоминали, как в «Храме Славы» позлагали венки к бюсту Пушкина. Особое внимание присутствующих привлек серебряный венок, возложенный от детей Александром Александровичем и Григорием Александровичем. Сыновей не знали и в толпе шептались, что они весьма похожи на своего отца.

Вскоре «Храм Славы» пришлось разобрать, он был деревянный и очень быстро обветшал. Сейчас только небольшое малозаметное возвышение и против монастыря напоминает о чем. Но думать о празднике живет и в наше время. Вспоминают по сих пор о бесплатных книгах, угощениях, которые, как положено главным на таких многолюдных праздниках, раздавались простому народу около часовни святой Анастасии. Напоминает о юбилее памятник Пушкину — Е. Белашовой на историческом месте. Но странно жаль уничтоженной часовни!

На празднике было много суеты, торгашества, но все же имелись жители поселка, которые стали иначе смотреть на книги, на их чтение, хотя было немало случаев, когда воззванные книги и брошюры целые извозались неграмотными, темными людьми на раскурку табака. И все же главный итог праздника заключался в том, что яркие впечатления, полученные многими, возможно, впервые в жизни, необычные слова и речи, произнесенные на нем, постепенно будили людей, давали в их душах невидимые расколы, пока весьма робкие.

Среди многочисленных откликов на юбилей поэта выделяется один, почти пророческий. «Вникая в смысл деятельности Пушкина, мы сами должны устремиться на живое дело — на борьбу с всероссийским застоєм во многих сферах, меньше погружаться в мелкие будничные интересы, а больше проши-

ваться высшими человеческими чувствами, которые с такой силой будила муза поэта. Его вера в свой народ должна одушевлять и нас».

В память о юбилее поэта Российская Академия наук выпустила Пушкинскую медаль (автор М. Л. Скуднов), оставшуюся до сих пор никем не превзойденной по своей выразительности.

Вскоре после пушкинских праздников поэтические места посетил известный писатель И. Щеглов. В путевых заметках «По следам Пушкинского торжества» он рассказал о том, что увидел:

«...Прежде чем обрести старуху, которая знала Пушкина, посетил Святогорскую знаменитость — старика, который забыл Пушкина или, точнее говоря, забыл подробности Пушкинских похорон, в которых принимал участие в качестве певчего. В самом деле, в слободке Тоболенец до сих пор здравствует дряхлый старик — крестьянин Иван Иванович Лопушников (Лощеник), которые в памятный день 6 февраля 1837 года «пел вынос...», из которого, к сожалению, не многое вынес — всего только, «что гроб было тяжело нести, народу было мало и на могиле служили литию». Но уже само прикосновение к гробу великого поэта окружало личность Ивана Ивановича в Пушкинские дни некоторого рода почетом и он удостоился посещения двух ученых профессоров, специально приехавших для этого из Дерпта...»

Бродя по слободке Тоболенец, забрел я затем на сельское Святогорское кладбище, живописно раскинутое в лесу на горе, на той самой горе, на вершине которой, по преданию, любил молиться блаженный Тимофей, пастух из пригорода Воронич, чудесному видению которого обязан своим возникновением Святогорский монастырь... Любимое место блаженного отмечено, в честь его ветхой часовенкой, внутри которой похоронена, по ее настойчивому желанию современница Пушкина и великая его почитательница, владелица знаменитого Григорского, Мария Ивановна Осипова. На каменной плите, украшенной двумя засохшими венками, значится:

Мария Ивановна Осипова
Род. 20 июня 1820 года
Сконч. 14 июля 1896 года

Само кладбище, благодаря голубому цвету, господствующему в окраске кладбищенской церкви и могильных памятников, производит необыкновенно симпатичное впечатление...

Не далее как через час, я уже подъезжал к старинной кладбищенской церкви Воронича...

Если вы внимательно перечитывали письма Пушкина, то, может быть, помните имя некоего «попа Шноды»...

Дочь этого самого попа — Ларина Раевского, вышедшая замуж за псаломщика Скоропостижного, и явилась предметом моей скоропостижной поездки. Кроме того, что она была дочерью попа, служившего историческую нанихиду по Байрону, она еще приходилась крестницей двоюродного дяди Пушкина — Вениамина Петровича Ганнибала.

Как раз первое, что мне бросилось в глаза, когда я вошел в кладбищенскую ограду — надгробная плита по левую сторону церкви, потрескавшаяся и поросшая мохом, на которой я, однако, мог отчетливо разобрать:

Здесь положен прах
Помещика села Петровского
Вениамина Петровича
Анибал

Отличный хозяин, опытный агроном и страстный охотник, он был, как все Ганнибалы, отличный хлебосол и чуть ли благодаря ему слово «ганнибальщина»... По

словом Сергея Львовича, своей приверженностью к стихам Пушкина он даже заразил своих дворовых. Его незаметный спутник по охоте, рыжий цирюльник и горький пьяница, Прохор, набивая охотничий ягташ подстрелянной дичью, напевал из «Братьев разбойников»:

«Какая смесь одежд и лиц,
Племен, наречий, состояний!...»

а его судомойка, «толстуха Глашка», выучила наизусть с начала до конца «Бахчисарайский фонтан...»

...Ко мне приближалась высокая худощавая женщина, очень бедно, но очень чистолюбно одетая — в поношенной ситцевой кофте и юбке.

В общем, отпечаток бывлой несомненной красоты и какого-то неуловимо го благородства во всех приемах, какой замечается у простых женщин, когда живших счастливой и достаточной жизнью... самое светлое пятно это невозвратного, милого прошлого — никто иной, как Пушкин. По временам когда старуха вспоминала про Пушкина, лицо ее прямо молодеело.

— Покойный Александр Сергеевич очень любил моего тятеньку, — повествовала она своим надтреснутым старушечьим голосом под шумок самовара. — И к себе в Михайловское тятеньку приглашали и сами у нас бывали совсем запросто... Тое самое кресло, в котором они сидели, когда беседовали с тятенькой, я много лет, как зеницу ока, берегла... — Куда же оно делось? — Кресло-то? Сторело, милый мой, сторело! — вздохнула она. — Как наш большой дом горел, много всякого добра погорело... — Старуха грустно поникла головой.

И, глядя на нее в минуты ее особого оживления, можно было поверить, что Пушкин не даром величал ее красавицей. — Акулина Ларионовна... Акулина! Ах, черт возьми, да уж не она ли сама передо мною, знаменитая «красавица Акулина» — Барышня-Крестьянка, пленившая «Тугиловского барина»?... Черты бывлой красоты и двойственное положение полубарышни-полукрестьянки, отражавшиеся в ее манере даже теперь в глубокой старости, — давало законный повод сделать такое предположение. Наконец, само имя «Акулина» и предательское «по-грибы» — все подкрепляло мое случайное озарение, что Акулина Ларионовна в значительной степени послужила оригиналом героини известной повести, а сцена свидания в лесу Алексея Берестова со смуглой Акулиной, ее фраза «Однако, болтая с тобою, грибов не наберешь» и т. п. — было явным отголоском невинной прогулки Пушкина по грибы с ныне здравствующей Акулиной Ларионовной.

— А вы где жили, когда Пушкин умер, все тут же, на Ворониче?

— Нет, я в ту пору уже замужем была... За Михаилом Алексеевичем, за Скоропостижным, и проживали мы в Опочке. Как вдруг приезжает тятенька вовсе растроенный: «Осиротели, мы, говорит, дочка... Прибрали нашего благодетеля». А сам плачет и на икону крестится. Ох, много плачу у нас тогда в дому было! — добавила она, слезливо сморкаясь... — Окромя многих милостей, царство ему небесное, Александр Сергеевич моему тятеньке целых семь десятин земли пожертвовал и собственной рукой документ на пользование выправил.

— У вас до сих пор хранится эта бумага?

Акулина Ларионовна опять заморгала глазами...

— Ой, лучше, родной, не напоминай... не расстраивай моего сердца! Нет у меня больше ни бумаг, ни полного права... ничего у меня нет... всего мы лишились с проклятым пожаром...

Я уехал из Воронича, напутствуемый самыми сердечными пожеланиями...».

²⁸⁾ И. Щеглов. — «По следам Пушкинского торжества». Спб. 1902. с. 65.

«Служенье муз не терпит суеты
Прекрасное должно быть величаво...»

III. В ЗАБЫТОЙ ГЛУШИ...

Здесь, в Святых Горах, невольно размышляешь о быстро текущей жизни, о судьбах некоторых книг, которые читал, держал в своих руках Пушкин. Осознаешь смысл того, что поэт перечитал в скромном, знакомом кабинете, дававшем ему вдохновение. Именно здесь он признавался незадолго до окончания ссылки: «Мои духовные силы достигли полного развития, я могу творить!» Здесь набирал свои силы пушкинский Глагол, который жжет сердца миллионов людей, наполняя их «духовной жаждой». «Поэзия как ангел-утешитель спасла меня и я воскрес душой...»

В местной газете «Пушкинский край» к знаменательным датам поэта довольно часто публикуются материалы об истории книг, которые читал или держал в своих руках Пушкин. Бесценный труд сотрудинок заповедника вложен и в восстановление пушкинской библиотеки в Тригорском, открытие которой в 1978 году академик Д. С. Лихачев назвал «знаменательным событием в истории нашей социалистической культуры».

В старинных шкафах дубликаты книг, которые были здесь в пушкинское время. Здесь важно стоят томики русской и зарубежной классики, философские произведения М. Ф. Вольтера и И. Г. Фихте, которые ныне, увы, совершенно не знает молодежь, и не только молодежь, а в те времена они были у всех на устах, о них говорили, спорили... Интересны пути этих книг к библиотеке Тригорского. Например, книгу И. Г. Фихте «О предназначении человека» прислал в дар московский кондитер В. А. Патт. У каждой книги своя история, порой весьма сложная. Здесь они встретились как дубликаты книг Пушкина.

Вудучи человеком энциклопедических знаний, поэт живо интересовался эпохой Петра Великого, восстанием Емельяна Пугачева, книгой А. Вынданского «Молитва грешника кающегося». Сочинения А. Сумарокова, Новикова, мемуары Мирабо. Здесь же на полках книги по педагогике, различные советы по ведению хозяйства и «как залечить залой», поваренные книги, рецепты прошлых веков, недавно опубликованные в наше время и многое, многое другое. Они несут аромат эпохи, они важная частица литературной и забытой дворянской культуры. Благодаря ей Пушкин стал с веком народным».

Многие дворянские усадьбы славились своими библиотеками. Например, на Псковщине была знакома читающей публике библиотека известного генерала Кропоткина, расхищенная в 20-е годы. Но особое внимание привлекало Тригорское, где долгие годы Осиповы-Вульффы хранили все, что напоминало поэта. Пушкинист Борис Львович Модзалевский, с именем которого связаны многие страницы пушкиноведения XIX века, проехал сюда вскоре после юбилейных торжеств, когда схлынула суета в Святых Горах, когда никто не мог ему помешать в новом весьма важном деле. Через 36 лет после М. М. Сельского, преемствовавшего с научными целями в Тригорское в 1866 году, Борис Львович прибыл сюда не просто поклониться Пушкину, взглянуть на его могилу, но места, где поэт жил и работал. Он сделал попытку собрать на земле Пушкина как можно больше документальных данных, воспоминаний о нем его современников, земляков.

Модзалевскому удалось найти интересные материалы о пребывании Пушкина в этих местах. Он записал беседы с младшей современницей поэта Екатериной Ивановной Осиповой, которая, несмотря на преклонный возраст, хорошо помнила поэта, попечителем Пушкинского уголка П. Ф. Карповым и другими. Все это появилось в книге «Поездка в Тригорское в 1902 году». Здесь же впервые опубликован каталог Тригорской библиотеки. Эти доку-

менты и помогли сотрудникам через много лет восстановить пушкинское собрание книг.

С помощью Модзалевского наш современник как бы проникает в лабораторию творчества Пушкина, в его поэтический мир. Его исследование явилось одной из важных основ для дальнейшего научного изучения творчества Пушкина, его личности, способствовало оживлению интереса специалистов, да и не только их, к расширению пушкинской тематики, к земле поэта.

Начинался XX век. И знаменательно, что в самом начале его, словно предчувствуя будущие потрясения, делая ставку на пушкинскую духовность и гуманизм, Б. Л. Модзалевский, П. Е. Щеголев и позднее В. В. Вересаев, каждый по-своему, продолжили изучение пушкинского наследия, его личности на документальной основе, используя новейшие материалы, и тем самым во многом определили на десятки лет пути научных исканий пушкинистов.

«Согласитесь, — писал В. Брюсов П. Перцову 1 апреля 1901 года, — что все изучение жизни Пушкина в будущем».³⁴
Он оказался пророком. Поэт В. Брюсов написал 80 статей и материалов и т. д. о творчестве Пушкина.

Сам же Пушкинский уголок вновь еще на несколько лет погружается в своеобразную спячку, словно отдыхая от утомивших его юбилейных торжеств, приходя в свой естественный вид, погружается в спячку.

В 1902 году псковский архитектор В. Л. Назимов совместно с архитектором А. В. Белогрудом провели большую работу по укреплению и реставрации могильного холма и склепа. После утверждения проекта развернулась работа по созданию каменной террасы до уровня памятника. В начале зодчего постигла неудача — свод склепа провалился, так как «свод по наружному осмотру определить было невозможно... Это произошло вследствие того, что кирпичный свод был поврежден от времени, да и толщина самого свода была недостаточно прочная — всего в половину кирпича, положенного на известковый раствор».

Несмотря на то, что гроб пролежал 65 лет, он очень хорошо сохранился, сохранился и позумент, которым гроб был отделан.

Назимов подвел под существующий свод новый на цементном растворе, а для предупреждения давления памятника на свод в поколь были заложены железные балки. Вся работа была сделана за два дня.

Он опубликовал часть доклада Пушкинскому комитету, где он подробно рассказал о своей работе. В заключении он сделал вывод: «Если когда-нибудь Императорская Академия наук или лица, имеющие на то власть, пожелают осмотреть гроб или перенести прах А. С. Пушкина на другое место, то, конечно, им не придется дожидаться подобного счастливого случая, какой выдал на мою долю, так как раскрыть склеп можно во всякое время, и на это потребуется не более 15—20 минут».³⁵

...Годами текла тихая размеренная и сонная жизнь.

Судьба в начале нового века падила Пушкинский уголок. Управляющий в те годы Михайловским В. В. Черниговский изнывал от скуки.

Но порой доходили до этих глухих мест и горестные известия. Через шесть лет после юбилея в своем имени Маркучай под Вильно (Вильнюс) умер младший сын поэта Григорий Александрович Пушкин. Если вы будете в Маркучае, где в усадьбе располагается скромный музей А. С. Пушкина, внимательно посмотрите вокруг — местоположение могилы Григория Александровича напоминает чем-то мало уловимым местность у тихой Сороти, где прошли многие годы его жизни, и холм в Святых Горах, где покоится прах его великого отца.

³⁴) В. Брюсов, Сочинения, т. 7, с. 443.

³⁵) «Новое время», 1902, 14 ноября.

Барвара Алексеевна пережила своего мужа на 30 лет. Дом из 14 комнат хранит память о Пушкине и его сыне. Умирая в 1935 году Барвара Алексеевна оставила духовное завещание:

«Дом в Маркучае не может отдаваться в наем или в аренду, а всегда должен быть сохранен в доказательство памяти Пушкина и служить культурно-просветительным целям».

В начале XVIII века в Вильнюсе (Вильно) Петр Великий в Пятницкой церкви крестил своего воспитанника Ибрагима (Абрама) Ганнибала, прадеда поэта, через два века земля эта приняла младшего сына поэта.

Во истину, бывают странные сближения!

А за несколько лет до кончины Григория Александровича, в 1902 году решался вопрос о судьбе Михайловского. Ранее псковское губернское дворянское собрание постановило устроить там колонию для вдов и сирот, но так как в распоряжении Псковского комитета были ограниченные средства, обратившись к писателям с просьбой оказать содействие в организации колонии. На собрании 29 мая этого года А. Н. Ткачев, член дворянского собрания доложил об этой переписке с писателями. Писатели в основном одобряли идею, но денег выделить не спешили.

Затем было прочтано письмо министра финансов о том, что государь император повелеть соизволил приобрести в казну имение Пушкиных село Михайловское в ведение Государственного Дворянского банка с отнесением вызываемых расходов и средств Государственному казначейству и предоставить Псковскому Дворянству устроить в усадьбе этого имения при согласии с Академией Наук какое-либо благотворительное учреждение, связанное с именем Пушкина.

Земский начальник П. Ф. Карпов доложил собранию, что Пушкинская комиссия при Академии Наук постановила Псковского Дворянства об устройстве в с. Михайловском колонии для вдов и сирот литераторов встретила не сочувственно, а полагает устроить там 4-х классную школу по программе сельскохозяйственных училищ.

На собрании развернулись бурные прения и были высказаны различные мнения. Но, в конце концов, большинством голосов — 23 против 17 — решили устроить в с. Михайловском колонию для вдов и сирот литераторов, страдающих неизлечимыми болезнями, возбудив ходатайство о передаче с. Михайловского полностью в ведение Псковского Дворянства (т. е. Псковскому Пушкинскому комитету).

В соответствии с проектом основных положений колония «учреждалась для приюта сирот и вдов писателей и для временного или постоянного проживания писателей, постигнутых тяжелой или неизлечимой болезнью; лишения возможности заниматься литературным трудом...». Главное управление колонией предоставлялось особому постоянному совещанию, состоявшему под председательством Псковского губернского предводителя дворянства из восьми членов.

Совещание отбирало лиц для проживания в приюте колонии: 1. в соответствии с указанием литературного фонда, 2. избранных представителей Петербургских и Московских редакций журналов и газет, 3. отдела изящной словесности Академии Наук, 4. и непосредственно выдающихся литераторов и издателей.

Псковское дворянство избирало также попечителя колонии и его заместителя из числа дворян, пожелавших принять на себя эти обязанности безвозмездно в память Пушкина.

Для непосредственного ведения хозяйства имения и колонии совещанием нанимался приказчик-управляющий и экономка, а в помощь этим

лицам и для наблюдения за ними колонисты избирали из своей среды заведующих садом, огородом, молочным и домашним хозяйством.

Все положения были разработаны досконально, но практически колония из-за организационных трудностей, разных проблем и происшедшего неожиданно пожара смогла открыться только через девять лет в 1911 году.

Легкомыслие, беспечность, к сожалению, часто, как повествует история, были характерными чертами русского человека, и, наверное, в этом истоки многих бед в судьбе этих мест.

В Михайловском летом 1908 года готовились к открытию колонии литераторов. В бывшем доме Г. А. Пушкина производился ремонт. Июль того года был жарким, рабочие устали и на ночь устроились на принесенном сене на почлег. Очевидно, кто-то закурил, дом вспыхнул как свеча.

Из телеграмм. «Опочка. В ночь на 23 июля от неосторожного обращения с огнем во время ремонта сгорел до тла в селе Михайловском дом, в котором жил Пушкин».

Дом этот был построен на том самом месте, где ранее находился дом, в котором действительно жил поэт и который был в то время разобран, какшедший в ветхость. Причем в новом, сгоревшем теперь доме, расположение некоторых комнат и их размеры соответствовали прежним. Постройки были застрахованы в 6800 рублей.

Пресса России о пожаре молчала. Лишь в самой маленькой газете «Копейка» появилась информация: «В селе Михайловском сгорел дом, в котором жил и творил Пушкин. Можно сказать, что это известие произошло в России почти незамеченным. Мало ли домов горит в России? Ну, сгорел еще один дом, да вдобавок старый и деревянный — велика ли беда?»

...Пушкинский дом должен быть восстановлен, причем на всякий случай нужно построить его из... негораемых материалов»³⁶

Однако, история нас никогда ничему не учит. Когда позднее известный архитектор Шуко восстанавливал дом вновь, на случай пожара не были приняты меры.

Журналист и художник Евгений Шведер поехал вскоре в Михайловское, беседовал с попечителем Пушкинского уголка бароном Розеном, местными учителями. Картина была весьма печальная. Барон заявил, что пожар произошел от невыясненной причины, но вероятнее всего от неосторожного обращения с огнем рабочих, производивших ремонт дома, и что **вся мебель, находившаяся в доме, спасена.**

«Предполагается немедленно приступить к построению дома в память Пушкина на том месте, где стоял дом, в котором действительно жил поэт, таких же размеров и такого же вида, как она изображена на сохранившемся рисунке, причем будут приняты во внимание все указания сведущих лиц».

К счастью, отмечал Евгений Шведер, пока еще живы современники поэта и Иван Павлов в деревне Богомолы и Акулина Ларионова в деревне Вороницы. А память у них вся в прошлом: прошлое они помнят в мельчайших деталях. Иван Павлов говорит, что он мог бы рассказать достоверно, как и что было при Александре Сергеевиче».

Позднее Евгений Шведер встретился с Иваном Павловым и рассказ (в 1908 году) ветерана представляет в наше время несомненный интерес. Журналист пишет, что он сохранил светлую память, тогда был еще бодрым стариком с гривой седовато-желтых волос, с детскими ясными голубыми глазами, сохранившим почти все зубы и светлую память. На просьбу рассказать о Пушкине он ответил:

«А что же рассказывать. Хороший был он барин, на редкость барин

был, да и вся семья их такая была. — этих господ помнит бог. Жил он, как спрашиваете. А жил он один, с господами не ввязался, на охоту не ходил, крестьян любил. По ярмаркам, бывало ходит, соберет старцев, старцами в ту пору вишней и калекки назывались — ну и заставлял их петь. Слушает, как они поют, в ину пору и сам им подпевал.

— А что, дедушка, в Михайловском теперь ничего от прежнего, от того времени не осталось?»

Старик махнул рукою.

— Куда там... Вот помню я, — оживился он, — дача летняя была построена, хорошая дача с мебелью, все как следует, а поди-ка, найди, где она была, а я вот помню и указать могу... Пруд был, а потом, как Наталья Николаевна приехала, так и приказала его засыпать. ну и засыпали...»

На следующий год, накануне 110-й годовщины со дня рождения поэта в псковской газете местный журналист Экин с горечью писал:

«Грустно у могилы Пушкина. Торжественно посвященное чувство, с которым подходишь к могиле великого писателя, при взгляде на нее исчезает. Стыдно и больно делается за то невежество и ту небрежность, с которыми мы способны относиться ко всему для нас дорогому.

Смотришь на памятник и видишь всевозможные надписи карандашом. Подходишь к ограде, которая поставлена перед 100-летним юбилеем Пушкина и которая стоит немало денег — то же самое. На ней вырезаны пожом всевозможные надписи и изречения.

Вероятно, вырезавшие думали запечатлеть свое невежество и глупость перед прахом писателя на долгое время.

Кому какое дело до могилы Пушкина? Монахи что ли будут заботиться? У них нет времени на такие пустяки. У них все время уходит на молитву, да на откупоривание бутылок. Пушкин им интересен поскольку постольку, он служит источником презренного металла, который святые отцы со смирением клатут в свои глубокие карманы.

Между прочим, могилы Ганнибалов, которые находятся рядом с могилой Пушкина, уже начали проваливаться. Плита над ними нагренилась и под ней образовалась порядочная дыра».

Приезжавшие в Пушкинский уголок журналисты любили задавать вопросы о колонии в Михайловском местным жителям. Обычно те отвечали, что ни о какой колонии они не слышали, а живут в Михайловском старые генеральши, «древние, древние старушки». А однажды на этот вопрос житель деревни Вороницы ответил: «родня они что ли Пушкину — мы не знаем».

Осмотрев Тригорское, где их гостеприимно принимал М. И. Пальмов (умер в 1915 году во время хозяйственных работ), путники отирались взглянуть на колонию литераторов в Михайловском. Некоторые из них отмечали, что первое впечатление от колонии, особенно после Тригорского, скорее неприятное: «всё не то каким-то дорогим благоустроенным санаторием, не то модным курортом или чересчур нарядной собственной подмосковной дачей».

Въезд в Михайловскую усадьбу был через помпезные ворота. Все в усадьбе колонистами тщательно ухожено, дорожки посыпаны, повсюду цвели цветы, на фасаде дома поэта вился виноград.

В «главном» (т. е. в доме, построенном на месте дома поэта) доме колонии — собранная мебель пушкинской эпохи. За образец была взята мебель из Тригорского, когда-то принадлежавшая А. Н. Вульфу и купленная М. И. Пальмовым. В прихожей на столе лежала большая книга, где золотыми буквами было написано «Село Михайловское» и где каждый мог оставить свой бесценный автограф для потомства и тем самым как бы приблизиться к поэту.

Не напоминает ли все это Вам, уважаемый читатель, некоторые детали обстановки в Михайловской усадьбе в наше время? История удивит

³⁶) Газета «Копейка», 1908, 31 июля (12 августа), № 37, с. 1.

тельно повторяется. И не к нам ли тоже обращены слова, написанные более семидесяти лет тому назад:

«Весь этот блеск слишком бросается в глаза, заслоняя прошлое. И невольно встает вопрос: так ли было здесь все прежде, могло ли так быть «в забытой сей глуши, в обители пустынных выюг и хлаба», где зной поэт ютился в двух маленьких комнатках, потому что слишком экономил дрова и не топил всего дома?» (См. В. В. Тимофеева-Починковская «Шесть лет в Михайловском»).

Уже в то время высказывались пожелания во избежание недоразумений и пожаров передать сохранившиеся мемориальные вещи поэта в Лицейский музей в Царском Селе. А ведь такие вещи и в наше время есть в музее. Пока их хранит бог, а дальше? (Ведь пропала же воинская награда Вульфа в Тригорском в 1978 г.).

Журналисты спрашивали членов Пушкинского комитета, колонистов: «Нельзя ли, пока не поздно, приобрести хотя бы обстановку дома в Тригорском, случайно уцелевшую благодаря заботам М. И. Пальмова. Ведь не сегодня—завтра его может сменить другой арендатор и неизвестно, что случится тогда со всеми этими реликвиями? Однако этот вопрос оставался без ответа, как и многие другие. «Когда же за устройство и охранение Пушкинского Уголка возьмутся заботливые и любящие руки?»

А между тем шло время и уходили люди пушкинской эпохи. Среди них Екатерина Ивановна Фок, которую считали многие годы хранительницей заветов, «преданий старины глубокой». К примеру, «...Она с особой настойчивостью повторяла, что это выдумали будто тот маленький дочка (т. е. флигель-баня) был баней? Никогда он не был баней! Всем, всем говорите, что это домик Пушкина, где он жил с Ариной Родионовной».

Вскоре журнал «Исторический вестник» со скорбью отмечал: «Весной этого года сошла под вечные своды послетняя из современных Пушкину обитательниц Тригорского Дома Екатерины Ивановны Фок, урожденная Осипова».³⁷

Для современных исследователей весьма важным является точное обозначение местных населенных пунктов, данное журналом. «...Святогорский Михайловский монастырь находится на окраине слободки Тоболенца и поэтому Тоболенец и Святые Горы звучат в устах местного населения как синонимы: ехать в Святые Горы значит ехать в Тоболенец; жить в Тоболенце значит жить в Святых Горах».³⁸

Перед самой мировой войной Пушкинский комитет сделал попытку улучшить состояние мест, связанных с жизнью поэта на Псковщине, поставить их на научную основу сохранения. В феврале 1914 года в газете «Новое время» появилось сообщение:

На днях, как сообщают «Русские ведомости» во Пскове состоялось заседание главного Пушкинского комитета, в ведении которого состоит с. Михайловское. Комитет установил, что в последнее время заметно возросло напоминание к могиле А. С. Пушкина с. Михайловское. С проведением железнодорожной линии Смоленск — Юрьев Святогорский край приближился к железнодорожной сети и число посетителей Пушкинского уголка должно возрасти. Считая необходимым содействовать развитию этого явления, комитет постановил признать необходимым:

- 1) привести как внешний, так и внутренний вид «главного» дома и «дома няни» в соответствующий эпохе Пушкина вид;
- 2) пополнить насколько возможно музей и библиотеку;

³⁷⁾ Исторический Вестник, 1909, октябрь, т. 118, с. 590 «Еще о пушкинских местах».

³⁸⁾ Там же, с. 591.

3) пополнить внутреннюю обстановку подлинными или копиями предметов той же эпохи;

4) улучшить водоснабжение;

5) улучшить средства сообщения и почтовых сношений;

6) привести в порядок парк;

7) обеспечить отдельных посетителей помещением и содержанием;

8) разработать вопрос о помещении и питании ученических и просветительных экскурсий.

Вместе с тем комитет признал необходимым продать пустошь Горку площадью свыше 400 десятин, разрезать ее на хуторские участки. При продаже участков решено предоставить преимущества «домохозяевам пушкинской вотчины и даже соседним деревням, если покупка этих участков может способствовать расхождению данного селения на хутора».

...Мне вспоминается, что в последние годы в Пушкинском заповеднике особенно холодным было лето 1990 года. Дождь, дождь без конца. Мало кто купался в то время. После работы обычно несколько экскурсоводов собирались вместе. Пили удивительный чай, настоенный на зверобое и черебде, и вели бесконечные разговоры о жизни, судьбе заповедника, страны, смотрели программу «Время», слушали тревожные новости, думали о том, как жить. И среди разговоров ощущалась какая-то ностальгия по ушедшей эпохе. Любили сравнительно молодые вспоминали дореволюционное время, пытались найти в прошлом орудия для жизни сегодня.

И среди прочего довольно часто говорили о колонии литераторов и учителей в Михайловском, открытой в далеком 1911 году. Поводом для этого послужила лекция хранителя Тригорского Анатолия Ивановича Давыдова «Прошлое Пушкинского уголка в воспоминаниях В. В. Тимофеевой-Починковской», Анатолий Иванович, увлечен рассказом о давно забытом, о том, что ушло безвозвратно, оставив всем поколениям какое-то сладко-горькое, щемящее и странное чувство, словно все, что сейчас есть, уже было когда-то давно.

И действительно, новая жизнь Пушкинского уголка началась весной 1911 года во времена спокойные и сытные. Погода была прекрасной, и все жили в ожидании добрых вестей.

Знаменитый архитектор В. А. Щуко, автор многих истинно русских зданий, чья звезда высоко сияла в небе России, завершил к весне того года восстановление в Михайловском Доме Поэта и зданий для колонии. Он работал вдохновенно, в его распоряжении были архивные документы о построенном Осипом Абрамовичем Ганнибалом доме, в котором жил поэт. Щуко вдохнул новую жизнь в это, возставшее из непамяти здание.

В торжественной обстановке 26 мая состоялось его освящение как главного дома колонии учителей и литераторов. Этот праздник давно ждали. Почетные гости получили приглашения: «Главный комитет по заведыванию с. Михайловского и колонии имени Пушкина покорнейше просит Вас пожаловать 26 мая сего 1911 года на освящение главного дома колонии, построенного по планам и рисункам того дома, в котором жил Александр Сергеевич»...

Прочтут доклады:

В. В. Философов — исторический очерк

Г. Г. Корсаков — отчет о Михайловском и о положении колонии». Прибыли в Михайловское губернатор Медем и епископ Алексей со свитой. Немногочисленные гости прослушали прочувствованную речь епископа, телеграммы от сына поэта генерала Александра Александровича Пушкина и от комиссии Российской Академии наук. Говорили, что колония располагает средствами для содержания 10 человек, но пока живет здесь одна учительница и вскоре придет двое из литературных кругов.

«Из речи Алексея Епископа Псковского, сказанной при открытии и

освященни в селе Михайловском Пушкинской колонии 1911 года 26 мая.
...Едва ли может нуждаться в каком-либо оправдании учреждение настоящей колонии, которая имеет приютить у себя престарелых или устаревших, измученных работою писателей, учителей и учительниц народных. Те и другие — люди в большинстве случаев идеалисты, не умеющие скопить что-либо для себя про черный день, да весьма часто не имеющие и тому и самой возможности, скуден ибо кусок хлеба писательский и учительский...

Если принять во внимание то, при каких удобствах совершается труд писательский и учительский, вспомнить, что некоторые, особенно начинающие писатели, живут нередко где-нибудь на чердаках, или в сырых подвалах, а учителя и учительницы — в деревенских курных избах, понятия станет, почему эти интеллигентные работники так скоро изнашиваются, стареют, становятся инвалидами и преждевременно умирают.

Но как бы ни была тяжела работа, она спорится, делается легко даже при самых затруднительных житейских условиях, когда общество ценит тебя и нравственно поддерживает. А давно ли наше общество стало ценить по достоинству труд писателей, особенно труд народно-учительский? Давно ли у нас перестали смотреть на писателей, как своего рода скоморохов, домашних шутов и забавников? Если мир дохристианский ценил труд учителя, как труд холонский, рабский, то далеко ли мы, христиане; ушли вперед, если до сих пор сельским учителям или учительницам распоряжаются нередко по своему усмотрению волосные старшины и даже писари, хочю, истоплю твою школу и хату, захочу, посидишь и в холоде...

Да воздаст же Господь своими милостями тем, по мысли которых и при их деятельном участии возникла Пушкинская колония. Да утешит и подкрепит Господь и всех тех, кто будет жить и отдыхать здесь. Пусть, наконец, никогда здесь не забывается имя того человека, который в селе Михайловском вырос и сложился в великого поэта русской, который здесь же потом отдыхал и вдохновлялся. Пусть насельники Пушкинской колонии, литераторы и учителя народные, не забывают близкой к ним могилы Александра Сергеевича, пусть чаще приходят сюда по тропе народной для молитвы за упокой раба Божия Александра».³⁹

Среди присутствовавших на открытии колонии был Иван Александрович Аленшицев, исследователь, большой знаток Пушкина. На следующий день из Михайловского он отправился в Голубово, где жила дочь пушкинской доброй знакомой из Тригорского Евпраксии Николаевны Вревской — Софии Борисовна. Она весьма гостеприимно встретила Аленшицева и после его рассказа об открытии колонии и о том, что в Михайловском было мало гостей, рассказала об истории портретов декабристов на полях рукописей поэта и показала ему обложку книги на грубой серой оберточной бумаге с водяными знаками, где имелась надпись А. Н. Вульфа «эскизы разных лиц замечательных по 14 декабря 825 г. работы А. С. Пушкина во время пребывания его в Тригорском в 826 году». Эти 40 бесценных документов были переданы позднее Б. Л. Модзалевскому, а их копии экспонируются в пушкинских музеях. Их история одновременно напоминает об открытии колонии в Михайловском.

Первое время о колонии писали очень мало, словно ее не существовало. Не многих интересовало существование Пушкинского уголка, его колонистов.

Все усновоились, что объявился хозяин земли поэта и нашел ей современное применение.

Публиковались лишь краткие сообщения о состоянии леса, строительстве служебных домов на территории Михайловского и о судьбе знаменитых пушкинских трех сосен. Очевидно, эти вопросы находились в центре внима-

ния местных властей. Летом 1911 года возникла целая дискуссия между Г. Г. Корсаковым — попечителем и завсудущим именем, уездным предводителем дворянства, Лавриновским — губернским предводителем, председателем Пушкинского комитета и известным в то время журналистом, горным инженером В. Г. Вейтельбаумом.

Журналист с болью писал в газете «Новое время» о том, «что лес используется не по назначению, что место, где когда-то находились три сосны, вспахано, их ограждение уничтожено. Пушкинская мемориальность постеленно утрачивается». Однако, начальство интересовало лишь внешнее благополучие Пушкинского уголка.

Отвечая на заметку журналиста об использовании леса в Михайловском не по назначению, Корсаков оправдывался:

«С момента перехода имения Михайловское во владение псковского дворянства лес села Михайловского занимает площадь около 600 десятин, не эксплуатировался и не эксплуатируется совершенно, если не считать вырубку дров для нужд имения, заготовки которых производятся из дальних отрезков и из буреломных деревьев, а ту незначительную продажу сухоподстойного леса, которая была произведена лет шесть назад попечителем Михайловского бароном Г. В. Розеном, что являлось необходимостью в интересах поддержания благосостояния в порядке лесной дачи.

В настоящее время моим распоряжением заклеены в лесной даче несколько сот пней».

То же самое писал Лавриновский:

«Все постройки отдельных домов колонии произведены из лесных участков, находящихся в отрезках вдаль от села Михайловского. Для отопления подбирается исключительно бурелом и сухоподстойный лес».⁴⁰

За внешним благополучием, ухоженностью колонии пропадала духовная сущность творчества и личности поэта. Печально, но факт, колония никак не влияла на просвещение местных жителей. Не в этом ли корни трагической судьбы Пушкинского Уголка?

В годы после открытия колонии в Михайловском среди журналистов, обращавших внимание на Пушкинский уголок, стремившихся к тому, чтобы он стал центром духовной жизни, был горный инженер В. Вейтельбаум. Судьба привела его на землю поэта, и, очарованный ею, он стремился способствовать тому, чтобы память о Пушкине жила бы здесь всегда.

Не раз журналист проходил по давно знакомой дороге из Тригорского в Михайловское. Когда-то здесь у деревни Рыцово, там, где с этой дорогой соединилась еще одна, из Святых Гор, росли воспетые поэтом в знаменитой элегии «Вновь я посетил...» три сосны. Две из них погибли давно, третью сломала на половину сильная буря 1895 года. Приятель Григория Александровича К. О. Князевич спас от гибели оставшийся пенек, а сын поэта отпил от него часть, и этот срез хранился многие годы в домике няни, а после войны до сих пор находится в Доме-музее. Небольшие кусочки в качестве сувениров сын поэта подарил Александровскому лицу в Петербурге и своим друзьям.

Вскоре оставшиеся старые пни спалили настухи из деревни Рыцово, то ли ради странных шуток, то ли для того, чтобы увеличить поле для посевов. В юбилейные дни 1899 года совсем недалеко от этого места, но по другую сторону дороги были посажены новые молодые сосенки. На них обращали внимание приезжавшие как на «молодую поросль» пушкинских сосен. В газете «Новое время» в августе 1911 г. В. Вейтельбаум писал: «Побеги год тому назад были окопаны канавкой и окружены оградой, сейчас же это

³⁹) Псковск. Епарх. Вед. № 11, 1911 г.

⁴⁰) «Среди газет и журналов «Новое время». 1911. 3 августа, с. 3.

место вспахано и ничто не напоминает пушкинских знакомцев».⁴¹ А ведь эти сосенки у многих вызвали поэтические чувства, душевную радость.

Приведенная газетная переписка чиновников, отвечающих за состояние Пушкинского уголка, и журналиста, показывая, что и тогда в начале века существовал бюрократический подход, когда главное для властей заключалось во внешнем благоденствии усадьбы, а не в сохранении здесь духа Пушкина, памяти поэта и человека для грядущих поколений.

Очевидно, по этой же причине, мало кто вспомнил в Святых Горах летом 1911 скончавшегося тогда в Петербурге Константина Васильевича Изенберга, а ведь 13 лет до этого имя его было у многих на устах... **Построенный им «Храм Славы» поэт явился прекрасным подарком жителям поселка.** Сколько добрых слов ему тогда было сказано! Ведь здание весьма удачно вписалось в окружающий пейзаж, словно всегда стояло там. Вот если бы так построили в наше время научно-культурный центр, не нарушая, а, наоборот, сохраняя живую связь с природой, традициями, пушкинской поэзией!

К сожалению, сейчас лишь замечательный, не требующий реставрации памятник героям-морякам миноносца «Стерегущий» в парке у Петропавловской крепости в С.-Петербурге напоминает о Константине Васильевиче Изенберге, он обладал удивительным чувством меры и красоты, умел гармонично вписывать свои произведения в окружающую среду, которая обогащалась новыми качествами.

И как жаль, что эта способность фактически утеряна многими работающими в Святых Горах, а также то, что до сих пор на пушкинской земле нигде не увековечена память о прекрасном архитекторе, скульпторе, художнике, постановщике «живых картин» на юбилее 1899 года Константине Васильевиче Изенберге, а на аляповатом стенде, изображающем «Храм Славы» у Святогорского монастыря нет даже упоминания его имени.

Зимой 1912 года отмечалось 75-летие со дня смерти поэта. Газета «Псковский голос» направила в Святые Горы своего корреспондента В. Боброва, который вновь отмечал безобразия на родовом кладбище Пушкина: «Грустно в запущенном парке. Удивляешься хладнокровию и халатности русского человека ко всему для него близкому и дорогому. Но что всего возмутительней, так это порядок на могиле писателя. Когда я был в Святых Горах, года четыре назад в склепе Ганнибалов была большая дыра, а склеп Ганнибалов и Пушкиных представляет из себя один склеп. Слава богу, теперь это безобразие исправлено.

Я уже не говорю, о глупых надписях, от которых и самый памятник не уберется. Не знаю как теперь, но в мое посещение были даже надписи, которые свойственны, пожалуй, только таким знатокам русской словесности, как Пуришкевич и Марков — 2-й.

Когда-то мы научимся ценить, дорожить и относиться с уважением к нашим национальным святыням?»⁴²

Колония в Михайловском впервые после открытия отмечала пушкинскую дату. Все обитатели колонии были в тот день на панихиде в Святогорском монастыре. Колония получила от Могилевского земского собрания 100 рублей. Хотя сумма была небольшая, но ее удалось с пользой потратить на благоустройство усадьбы, правда опять же мемориальное значение Пушкинского уголка практически не учитывалось ни ее попечителями, ни колонистами.

Осенью этого же года побывала в пушкинских местах писательница Гаррис (Новикова). Прошло около десяти лет после ремонта могильного холма

⁴¹ «Новое время», 1911, 21 августа (№ 12730). С. 3 «Памяти К. В. Изенберга.

⁴² «Псковский голос», 1912, 14 янв.

архитекторами Назимовым и Белоградом. Она оставила интересные записи о посещении Тригорского, беседе с Михаилом Ивановичем Пальмовым. Вот что он ей рассказал о Тригорском:

«Я застал дом в разрушенном состоянии. Прежний владелец А. Н. Вульф мало заботился о поддержании имения. Дом имел совсем нежилой вид, внутри держался на подпорках, в зале стоял боченок из-под капусты», — рассказывал М. И. Пальмов, арендатор Тригорского с 1884 года, занимавший в доме помещение, где в свое время останавливался Пушкин.

Он показал альбом, где была фотография последней пушкинской сосны. На другой фотографии — гроб Пушкина. Когда местный комитет производил ремонт могилы поэта, склеп был наполовину разобран, перекладывали весь свод.

«В это время я случайно попал в Святые Горы вместе с приехавшим бароном Розеном и И. Щегловым, — рассказывал мне М. И. Пальмов. — Узнаем, что разбирают могилу Пушкина, приходим на кладбище и действительно видим такую картину: более половины склепа разобрано, а среди обломков кирпича — совершенно сохранившийся дубовый гроб Пушкина, и около него — кусочек парчового погребения, отпавший от гроба. Рабочий, выбиравший из могилы мусор и камни, достал несколько длинных гвоздей, должно быть старинного фасона, — может быть от ящика, в котором первоначально стоял гроб. Г-н Щеглов, у которого был с собой аппарат, снял могилу и гроб, и дал мне потом один снимок с тем, чтобы я никому не давал его переснимать.

На мой вопрос, как фотограф сделал этот снимок, М. И. Пальмов сообщил мне, что он с ним раньше знаком не был. «Нажется, насколько помню, сотрудник Санкт-Петербургской газеты Щеглов-Леопольд, недавно умерший беллетрист». (И. Л. Щеглов).

По словам г. Пальмова, он же увез с собой и кусочек бахромы с пушкинского гроба, хотя в Михайловском мне показывали маленькую витрину, в которой хранилась эта бахрома, присланная неизвестным лицом и потом неизвестно куда исчезнувшая.

Я не знаю, появлялась ли где-нибудь в свое время фотография гроба Пушкина, но ни в одном из современных пушкинских альбомов ее нет, и будет обидно, если пропадет и последний, хранящийся у Пальмова экземпляр.

Конечно, все, кто приезжал в эти годы в Пушкинский уголок, хотели непременно как можно больше узнать о псковской земле, ее обычаях, нравах жителей. Растет интерес к краеведению, истории, археологии. О колонии в Михайловском писали не так уж много, но весьма противоречиво, оценки ее необходимости, деятельности были весьма разными. Сейчас мы совсем мало о ней знаем и наши знания основываются лишь на нескольких строках современных путеводителей. Поэтому предоставим слово современникам.

В мае 1914 года «Санкт-Петербургские ведомости» поместили статью Сергея фон Штейна о колонии в Михайловском. Он, в частности, писал: «Немалолюдной. Ныне здесь живут только две постоянные пенсионерки: одна из них писательница, а другая учительница. Летом, впрочем, колония оживает: ее посещают многочисленные экскурсанты, в ней поселяются и нуждающиеся в отдыхе труженики Пера, но наступает осень — и уютные домики колонии опять пустуют до нового лета. Об этом нехотят пожалеть. Люди, склонные к содержательной уединенной жизни, именно в Михайловском могут испытать великое наслаждение — от непосредственного общения с живописной и богатой природой, которую нельзя не полюбить, — до такой степени она овладевает душой».

⁴³ СПб. ведомости. 1914, май.

...Я не преувеличу, если скажу, что в Михайловском трудно выразить свои впечатления от окружающей среды, не цитируя стихов Пушкина».

«Да. Здесь можно было вдохновляться и писать, — признавался приехавшим сюда философ Н. О. Лосский, — глядя на эти янтарем расцвеченные стены и красногрудых снегирей, на опущенные снегом деревья, бывшие тут и при Пушкине, — на те же самые лесные пригорки, на ту же речку, на то же озеро и на те же дуга и поля за рекой».

«...Нужно побывать лично в этих местах, чтобы понять всю обаятельную прелесть псковского пейзажа, необычайно разнообразного и удивительного, я сказал бы, четкого и ясного».

Быть может, даже главный интерес поездки по пушкинским местам заключается не столько в сохраняющихся там легендах о поэте, сколько именно в определенной степени воздействия природы села Михайловского и его окрестностей на творческую личность Пушкина.

...Насколько приветливо и радостно Тригорское, постолько сумрачно и строго именно К. О. Князевича Петровское, некогда принадлежавшее Ганнибалом. Великолепно сохранившийся дом, построенный в 30-х годах прошлого столетия хранит предания суровой старины и воспоминания о неумолимых жестокостях Ганнибалов, от которых в ужасе разбежались крестьяне, предпочитая бездомные скитания и даже далекую Сибирь узаконенной каторге у своего помещика.

...Колония давно спит, затерянная среди цветущих сиреней и необозримых «полосатых нив», раскинувшихся за пологим холмом. И в чуждой настоженной тишине этой майской, белой ночи испытываешь какую-то странную жуть... Точно вот здесь совсем близко живет и дышит тот, чьим именем называли эти места, которые он так любил, к которым так стремился, к которым обращался мыслью в предсмертном томлении...

И в бесконечном шорохе листьев чудятся его легкие, быстрые шаги, а в неверных отсветах негаснущей зари и боишься, и хочешь увидеть его уходящую тень».⁴³

В сентябре 1990 года пришло письмо из Риги от старейшей работницы заповедника Александры Ивановны Киртовской. Думаю, что письмо 92-летнего ветерана представит интерес для всех.

«Исполняю Вашу просьбу и описываю то, что еще сохранилось в моей памяти. Первое мое посещение села Михайловское было в мае 1914 года. Одна учительница Опочечной гимназии, где я училась, организовала экскурсию. Михайловское на меня произвело прекрасное впечатление. Тишина, красивые виды на окрестные луга, цветущие сады».

В центре села жили две старые поэтессы, которые работали в музее. Они проживали в доме, который расположен по правую руку при выходе из словой аллеи в цептр усадьбы. Поэтессы начали показ музея с того, что завели патефон с пластинкой из оперы «Евгений Онегин», затем повели в дом-музей поэта, показали домик няни. Дом поэта был сожжен в 1918 году. В доме-музее запомнился кабинет Пушкина, а в домике няни — большой сундук и самовар.

Из Михайловского пошли в Тригорское. В доме Осиповых жили старые литераторы (Примечание: в т. ч. Тимофеева Починковская В. В.). Они нам очень много рассказывали о хозяевах дома, показали парк, зеленый зал, солнечные часы, дуб. Вечерело, и дом при свете свечей показался довольно мрачным.

В тот же приезд посетили Святые Горы. Для того, чтобы попасть во двор монастыря, надо было постучаться в калитку. Дверь открыл монах-прихватник. По лестнице, крытой тесом, мы поднялись на холм. Поклонились могиле Пушкина. Монах разрешил войти в храм. Этим кончилась наша экскурсия в Святые Горы и Михайловское».

Это удивительное молодое письмо переносит нас на десятки лет назад, и мы ощущаем аромат времени и перед нами возникает дом-музей, две колонистки и слышатся звуки старинного патефона. Все сентиментально, в духе той эпохи, которая через три года будет унесена ветром.

Что же находилось в колонии литераторов и учителей перед трагическим погромом? На этот вопрос мы находим ответ в неопубликованных, к сожалению, до сих пор воспоминаниях писательницы В. В. Тимофеевой-Починковской, путевых заметках Евгения Шведера, В. Г. Вейгельбаума и А. К. Гладкого, а также в публикациях газет «Новое время», «Псковский голос», «Утро России», «С.-Петербургские ведомости» и других.

«Один из паломников писал в 1912 году: «У нас в России есть своя литературная Мекка, к которой, будь у нас сильнее чувство культа, не должна была бы зарастать народная тропа. Эта Мекка — Пушкинский уголок Опочечного уезда — села Голубово, Тригорское и Михайловское».⁴⁴

Давайте проследуем вместе с путешественниками по дороге того времени от почтовой станции в Новгородке в Пушкинский уголок. Дорога была весьма живописная, она шла через редкую дубовую рощу, представлявшую остатки некогда росших здесь дубовых лесов. За 15 верст путники уже видели шпиль собора Святогорского монастыря, и их сердца наполнялись ожиданием встречи со страной поэзии. Экскурсии в предреволюционные годы чаще всего совершали на велосипедах, что само по себе свидетельствовало о больших изменениях в духовной жизни. Этих людей вряд ли можно было уже называть паломниками. 26 мая 1914 года в день рождения поэта был освящен построенный через реку Великую железный мост. Вдоль дороги попадалось множество зарастающих озер. Старники говорили, что озера буквально на глазах зарастают. Это вскоре действительно произошло.

В Святогорском монастыре перед войной 1914 года могила поэта находилась в образцовом порядке, ухожена, почищены плиты на могилах Ганнибалов, рядом находилась могила настоятеля монастыря отца Геннадия и некоторые другие могилы, в том числе родственников управляющего Михайловским земского начальника П. Ф. Карпова (жил в д. Вече), с которым связывали возрождение Пушкинского уголка после юбилея поэта, здесь была похоронена его жена Ш. Г. Карпова, дочь «Нюня». Уверяли также, что здесь была похоронена и няня Пушкина Арина Родионовна, т. к. рядом с могилой Пушкина находилась безымянная могила. Недавно пушкинист Д. Старк установил, что няня Арина Родионовна умерла в доме сестры поэта О. С. Павлицевой в Петербурге на углу ул. Грязной (Марата) и Кузнецкого переулка (ул. Марата, 25). На фасаде этого дома в память о няне поэта ныне установлена мемориальная доска. Отпевали ее во Владимирской церкви.

На фасаде этого дома в память о няне поэта ныне установлена мемориальная доска.

Однако следует отметить, что перед самой революцией, во время мировой войны, уже не было такого незапятнанного идеального порядка, так, например, крест на памятнике Пушкина был похищен неизвестным.

В монастыре приезжих принимал игумен Евстрафий. В день рождения поэта в 1914 году Пушкинский комитет возложил на могилу поэта свежий венок, были экскурсии в кронштадтской женской гимназии. Надо сказать, что доход монастыря был невелик. Монахи говорили о необходимости построить в Святых Горах храм Вознесенья, так как день рождения поэта падает на этот праздник, а церковь, где венчался поэт, также построена в память о Вознесенье Христовом. А. О. Смирнова-Росет вспоминает, что Пушкин «задумчиво говорил одному из своих друзей о таинственной связи этого празд-

⁴⁴ «Исторический вестник», 1911, кн. VIII, август, с. 585—591.

ника с важнейшими событиями его жизни. «Ты помнишь, — говорил он, — все это произошло не даром и не может быть делом одного случая», и передал другу твердое свое намерение выстроить со временем церковь во имя Вознесения Господня именно в Михайловском».

В лавке монастыря продавались брошюры игумена Иоанна, открытки. Литературы о Пушкине почти не было.

Дорога в Михайловское проходила по живописным местам левее нынешней, через Долгую пустошь и по лесу. В усадьбе поражали своей ухоженностью сквер с цветником перед домом поэта. 26 лип, посаженные (26 мая) колонистами в день рождения Пушкина, и вяз, как память о его сыне.

Заведовал имением уездный предводитель дворянства Г. Корсаков, фотограф, даривший экскурсантам на память фотографии. Часто сюда приезжал и Павел Федорович Карпов — член Псковского Пушкинского комитета, живший в деревне Вече.

Как уже отмечалось, Дом Пушкина был восстановлен на основе архивных документов, имевшихся у архитектора Щуко, на старом фундаменте. Некоторые современники (В. Философов и другие) уверяли, что Г. А. Пушкин сохранил и внутреннюю планировку дома своего отца. Во всяком случае предпологается, что имелся кабинет Льва Сергеевича в комнате Ольги Сергеевны... В доме колонии находилась в книжных шкафах хорошая библиотека, одна из лучших на псковской земле, которой заведовала Варвара Васильевна Починковская. Жила она в деревне Воронич в доме священника отца Александра.

Варвара Васильевна была удивительным человеком, интерес к ее личности в наше время все возрастает. Вспомним же и мы ее. Ведь она как бы связывала воедино век нынешний и век минувший, была свидетельницей важнейших событий, в том числе, гибели Пушкинского уголка и оставила горькие записи об этой трагедии.

Писать она начала с 1878 года, работала у Ф. М. Достоевского, оставила о нем воспоминания, знала Г. Успенского, В. Короленко и многих других, под псевдонимом Анна Стацевич и другими печаталась в столичных журналах; находилась как член партии эсеров в гуще общественных событий. Эсеры пользовались на Псковщине особыми симпатиями. Как активный член партии она упомянута В. И. Лениным и этим, очевидно, объясняется отношение к ней в истории культуры.

В очерках «Шесть лет в селе Михайловском» (Из записных тетрадей 1911—1917 гг.) Варвара Васильевна Тимофеева-Починковская писала:

26 мая 1911 г. — телеграмма и письмо от В. В. Философова с извещением, что принята в «колонию», — с милым пожеланием «чтобы жилось там спокойно и счастливо», — чудесный человек этот Владимир Владимирович.

Вечер 5 июня... Принята в колонию по всем правилам и уже получила от Постоянной Комиссии при А. Н. копию с официальным уведомлением от самого Предводителя Дворянства гофмейстера Двора Е. И. В. Даже мурашки по косточкам бегают — до чего все это торжественно и чуждо моему внешнему и внутреннему. Живу как во сне и машинально приготавлиюсь к чему-то совершенно для меня ненужному. Прав Розанов, что для писателя — «или полет или могила» — иной жизни не существует.

...Об А. С. Пушкине здесь никто ничего не помнит. Или рассказывают все давно уже известное или ссылаются на рассказы, которых никак и проверить нельзя...

С раннего утра и до позднего вечера приходится слушать неумолкаемое гуденье звонких бабьих голосов, их споры, взаимные попреки, или еще луч-

ше — веселую возню и дикое оранье девок с парнями или сердитую брань мужиков... И все это без малейшего стеснения — как будто вся колония устроена для них, а нас подбавили сюда для вывески, для фирмы...». Далее:

«К сожалению, в этом «доме-музее» совершенно нельзя определить, где была его комната. Вот что говорится о ней в воспоминаниях Пущина: «Комната Александра была возле крыльца, с окном во двор, через которое он увидел меня, услышав колокольчик... Вход к нему прямо из коридора: против его двери — дверь в комнату няни, где стояло множество пальцев...» Если принять за достоверное это воспоминание, на месте «комнаты Александра» устроена бильiardная с заменой подлинного, хоть и обветшалого бильiardа — новым, с иголки, — и эта бильiardная, конечно, не может напомнить спальню с кроватью «о трех ножках (четвертую заменяло полено)», о которой приводится другое воспоминание (в известном издании В. П. Острогорского «Пушкинский уголок»). А маленькая комнатка за этой бильiardной с новым камином и рыночным диваном не носит ни малейшего подобия бывшего «камельяна». И тесно там, и неудобно для бесед задумчивых и задумчивых»⁴⁶

Представим, что вместе с путешественниками выходим из дома. У сарая показывали гостям карету екатерининского времени, привезенную незадолго до этого из Тригорского, а туда она была доставлена в начале века из Пятигорска.

Имелись и два бильiardных кия. Корсаков рассказывал, что в доме поэта хотят сосредоточить все имеющиеся в России мемориальные вещи поэта. Страшно представить, что они могли бы погибнуть во время пожара в феврале 1918 года.

Домин няни был в сравнительно хорошем состоянии. Говорили, что предполагают сделать над ним футляр, как над домиком Петра I в Петербурге. Однако проследим далее по дороге, по которой не раз проезжал Пушкин. Как уже отмечалось, на дороге в Тригорское уже не было ни трех сосен, ни молодой зеленой поросли. Пастухи уничтожили побеги от сосен, ограду сломали, место это запахали.

В Тригорском дом Осиповых Вульф летом 1917 года, накануне трагедии поражал своей ветхостью. Никому не было дела до мемориального здания. Духовное оскудение начиналось уже тогда и завершилось крестьянским погромом в феврале 1918 г. Историческое крыльцо развалилось. Полдома недавно до 1915 года занимал М. И. Пальмов, арендатор Тригорского за три тысячи рублей в год в течение тридцати лет. В доме перед революцией постоянно велся ремонт внутренних покоев. Гостей Тригорского встречала Софья Борисовна Вревская — старшая дочь знаменитой Евпраксии Николаевны Вревской, приятельницы Пушкина в годы ссылки. К ней часто обращались со специальными просьбами, в т. ч. научные организации.

Так, в 1913 году было опубликовано сообщение Академии Наук: «Модест Льодвигович Гофман обратился в Общее Собрание Академии с нижеследующим заявлением от 4 июля с. г.:

«Имею честь довести до сведения Общего Собрания Императорской Академии Наук, что в июне месяца с. г. ездил в Псковскую губернию — в места, связанные с именем А. С. Пушкина (села Тригорское, Михайловское, Врев и Голубово) и привез полностью Тригорскую библиотеку, пожертвованную баронессой Софьей Борисовной Вревской Пушкинскому Дому. Адрес баронессы С. Б. Вревской: Псковская губ. г. Остров, почтовая станция Святые Горы, село Тригорское». Положено передать это заявление в Отделение Русского языка и словесности».

⁴⁶ Тимофеева-Починковская В. В. — «Шесть лет в Михайловском». Рукопись.

⁴⁵ И. В. Пушкинский уголок. 1916. С. 188—218.

Это была знаменитая библиотека, которую описал Б. Л. Модзалевский в 1902 году.

У Софьи Борисовны Вревской часто бывала сестра, вдова члена Государственного Совета, Евфимия Борисовна Зубова с дочерью, начальницей епархиального училища Прасковьей Петровной Зубовой. Они жили во Пскове. Софья Борисовна говорила гостям о здоровье и о том, что «живем приятными воспоминаниями».

Зубовы рассказывали, что подарили многие вещи Пушкина знакомым **Тригорский парк был в великолепном состоянии и пленил своей романтической красотой**, словно напоминая застывшую музыку Россини, которой восхищался Пушкин. Рядом с диваном Онегина находилась скамейка со столиком. С обрыва открывались дивные пейзажи русской природы. В полуразвалившейся баньке на другом столике пушкинского времени была клеенка, кусочки от которой постоянно срезали экскурсанты. Около баньки — окруженная живописными кустами лужайка для танцев и игр, такая же дерновая площадка и на месте солнечных часов.

В деревне Воронич экскурсанты встречались с дочерью священника Иллариона Раевского, «попа Шкоды», Акулиной Скоропостижной. В то время, некогда красавица, Акулина была весьма пожилой старушкой. О ее смерти не раз писали в прессе.

Но она дожила до советского периода (1924), пережив многих журнальных писавших о ней.

Скоропостижная занимала на Ворониче избу в одну комнату, где жили еще несколько баб и два парня. Она рассказывала всем приезжавшим, что ее постоянно выжидают из этой избы, которая принадлежит церкви, говорила, что Пушкин в знак дружбы подарил ее отцу семь десятин земли, но бумага сгорела во время пожара, и что отец очень любил Пушкина, тяжело переживал его гибель и нес на своих руках гроб с телом поэта от Воронической церкви святого Георгия до Успенского собора в Святых Горах.

Акулина Илларионовна весьма любила фотографироваться, но хотела, чтобы ее прежде уговорили это сделать.

На Ворониче, бывшем когда-то богатым пригородом Пскова, с особой силой ощущаешь историю. Здесь ее живые страницы, легенды и предания давно минувших дней. Воронич упомянул проезжавший здесь посол римского императора Сигизмунд Герберштейн.

Пограничная крепость выдержала множество осад врагов, во время Ливонской войны, здесь был Иван Грозный. И зримо ощущаешь связь этих мест с творчеством Пушкина, с «Борисом Годуновым». Первоначально поэт дал название своему любимому произведению «Комедия о настоящей беде Московскому Государству, о царе Борисе и Гришке Отрепьеве, летопись о многих мятежах и прочее. Писано бысть Алексашкою Пушкиным в лето 7333 на городище Ворониче».

И, возможно, образ Головы в «Руслане и Людмиле» в 1820 году появился под впечатлением таких городищ, виденных Пушкиным повсюду на псковской земле.

Рассказывают до сих пор легенду о том, что спит на Ворониче могучий богатырь, а «копьё у него черный, как смола, так и сияет. Богатырь выходит меж утренней и обедней на Христов день этого коня поить в Сороти, а однажды потерял он здесь уздечку и до сих пор ее (т. е. клады) ищут».

А еще можно услышать о том, что однажды на Ворониче провалилась церковь с золотым крестом и засыпало ее землей, а рядом с нею были клады золотых и серебряных монет. И ищут эти сокровища люди с тех пор, да не найти их никак.

Ну, а ученым известно, что проводил на Ворониче незадолго до мировой войны раскопки археолог Спицын и нашел здесь древний молоток бронзового века.

Сама же Георгиевская церковь на Ворониче сгорела в 1913 году. Старожилы рассказывают, что батюшка был сварливый, алчный. Все ему было мало. И вот однажды во время обедни поднялась буря, невиданная гроза. Ударил молния в крест, загорелась церковь и как свеча сгорела.

С тех давних пор усадьба заросла, так же как и Тригорский парк. Все стало неузнаваемо. Многие аллеи потерялись. Вид на скамью Онегина и на старый дом Осиповых Вульф также совсем иной. А раньше подъезд к усадьбе Тригорского проходил прямо к старому дому Осиповых.

На городище Воронич среди прочих захоронений — родовое кладбище владельцев Тригорского Осиповых Вульф. Здесь покоятся друзья Пушкина: Прасковья Александровна, ее сын Алексей Николлаевич, другие члены семьи. Вечный покой их могил не раз нарушался в кровавые бездуховные годы. Многие могилы простых крестьян затерялись. Известный краевед, кандидат исторических наук Михаил Ефимович Васильев тщательно изучил историю жизни Екатерины Ивановны Осиповой, в замужестве Фок, младшей современницы поэта, которая вместе с сестрой была на похоронах Пушкина. Он нашел людей, в частности, бывшую горничную, старушку из имения Фоков Лысая Гора, где поэт не раз бывал в заросшем парке, которая хорошо помнила свою госпожу, и привел убедительные аргументы, доказав, что Екатерина Ивановна похоронена в 1908 году, также как другие члены семьи на городище Воронич.

Однако до сих пор имя последней тригорской знакомой Пушкина никак не упоминается на фамильном кладбище Осиповых Вульф.

С тех пор как была похоронена на Ворониче Екатерина Ивановна Осипова-Фок, много воды унесла голубая Сороть, много драматических событий пронеслось над нею.*

Пона же, весьма скромно, в 1913 году отметили на Псковской земле 300-летие дома Романовых. Псковская городская управа объявила, что «она имеет честь пригласить всех гг. домовладельцев декорировать свои дома и украсить флагами, вечером зажечь иллюминацию». Это приглашение мало кто исполнил в Святых Горах, за исключением власти имущих, а количество искателей кладов увеличилось на Ворониче, а недалеко от Михайловского, у так называемых «Райских ворот» (у т. н. кардона, по дороге в Петровское). Вспомнили, что через эти ворота проезжал лет тридцать до этого великий князь и якобы рассказывал о зарытых здесь вкладах эпохи Ивана Грозного.

Народ в этот период здесь был весьма суеверный, трудно поверить, что в 1914 году только 14% населения Псковской губернии имело кое-какую грамотность. Многие приезжавшие из столиц отмечали глубокую провинциальность этих мест, бескультурье населения. Так, например, В. Вейдельбаум писал: «За пределами Пушкинского уголка имя поэта незнакомо. Едва ли где-либо в России можно найти более темное и невежественное население, чем в Псковской губернии». Возможно, это мнение слишком субъективно и многое не увидели столичные журналисты, в т. ч. приводные качества присущие русскому народу, но совершенно прав писатель Леонид Гроссман, отмечавший уже после революции: «До 1914 года пушкинские места Псковской губернии сохранили почти без изменения свой старинный облик».

IV. ПЕЧАЛЬНЫХ МНОГО ПРИКЛЮЧЕНИЙ...

В августе 1914 года неожиданно пришла в Россию война. Русские и немцы взаимно проклинали друг друга, грозили всяческими карами. Резко возросли патристические чувства. Но здесь, в Святых Горах, долго все было спокойно и безмятежно. Где-то далеко вадымалась земля, умирали люди,

* Позднее здесь вели раскопки В. Ф. Соловьев, профессор Н. И. Белецкий, студенты вузов, школьники и многие другие.

шли в атаки и царил ужас, а на берегах голубой Сороти в Михайловской колонии по-прежнему тихо текла размеренная жизнь. Иногда появлялись пленные: австрийцы, чехи, мадьяры и т. д. Казалось все забыли о существовании Пушкинского уголка, в 1914 году С. Б. Вревская дарит свою библиотеку Пушкинскому Дому. Но все же изредка появлялись материалы о состоянии этой земли. Они отражали возрастающую тревогу общественности, словно предупреждая о скором приходе бездуховного времени. Многие из этих материалов созвучны и пафос современной. Разве не больно и сейчас, читая заметку «Храм оставленный — все храм!», и паходить много общего с тем состоянием, в котором находится Заповедник сегодня.

«Обстоятельства военного времени завели в Псковщину одного литературного человека, по долгу променявшего перо на нечто более тяжеловесное: а столицу — на укромный «Пушкинский уголок». Конечно, старая исследовательская жилка если не поседевшего, то полысевшего в архивных раскопках историка дала себя почувствовать в минуты служебного визита, и он не смог удержаться, чтобы не пролить слез над горестным, надо сознаться, памятником нашего неуважения к памяти национального гения.

Речь идет о плачевном состоянии прославленного в истории русской литературы села Михайловского. Трудно, кажется, найти человека, что-нибудь знающего о Пушкине и в то же время никогда не слышавшего об излюбленном святилище его музы. Из памяти нашей мы старое, сплошь обвеянное поэзией сельцо не выбросили; пишем, читаем по поводу него, даже посещаем его... И тем не менее от знаменитого домика, столь же драгоценного для русских, как для англичан дом Шекспира, для французов — дома Вольтера, Руссо, немцев — жилище Гете и Шиллера — уже почти ничего подлинного не осталось, как явствует из докладной записки, недавно поданной историком театра В. Н. Гернгроссом Всеволодским на имя Псковского губернского предводителя дворянства. Строго говоря, своим набатом В. Н. Гернгросс Америки в этой области не открыл.

В 1900 году Михайловское, принадлежащее (теперь уже покойному) сыну поэта Г. А. Пушкину, посетил Е. Опочинин и рассказал об этом в одной из глав своих очерков «На родной земле», выяснилось, что все старые постройки времен поэта давно перестроены и «ремонтрозаны», так что пушкинского уже равно ничего не осталось. Даже от бильярда, на котором играл в Михайловском Пушкин, уцелела только доска, да и то без всяких следов сушка. Потом подоспел пожар и тоже, конечно, не способствовал сохранности домика.

Plia desidera г. Всеволодского, изложенная им в его обращении к псковскому дворянству, переносит нас в область вандализма уже наших дней, ложатся укоризненным пятном именно на людей «просвещенного XX века». Он взывает к «кому следует» с предложением следующих «желательных мер»:

1. Убрать всю базарную мебель и портрет Толстого, как не имеющий никакого сюда отношения.
2. Ни в коем случае не поощрять в играх в Пушкинском домике на бильярде (новом) святогорских приказчиков.
3. Собрать обои склейки 70-х годов.
4. Запретить туристам расписываться на столах и вещах.
5. Упразднить «комнаты для приезжающих», хотя бы и знатных.
6. Пресечь любимый обычай гг. туристов забираться в пушкинскую камеру, никем не охраняемую ни от «славоблюбцев», ни от стихий.

Остальные благопожелания встревоженного почитателя Пушкина намекают идеальную организацию сохранения обстановки Михайловской усадьбы и села, поручаемую наблюдению лица «со специальной подготовкой», то есть, другими словами, «чуждого варварства».

Разумеется, переживаемое теперь «железное время» не очень гармонирует с задачами об «отвлеченных историко-литературных ценностях, но принять к сведению» указания г. Всеволодского будет для соответствующих лиц весьма не бесполезно на предмет зависящих распоряжений», хотя бы в будущем — станем надеяться — не слишком уж отдаленном».

Конечно, время сейчас другое, и многое изменилось за 75 лет, в т. ч. совершен подвиг при восстановлении заповедника, но почему сейчас в заповеднике нет элементарной культуры? Напротив Дома музея поэта купаются, моют машины, а «комнаты для приезжих, хотя бы и знатных» превратились в Михайловском в «специальные дома» в непосредственной близости от мемориальных построек, а на дубе, посаженном Г. А. Пушкиным, висит цепь. Проложены асфальтовые дороги, по которым лихо, мимо паломников, идущих поклониться поэту, проносятся машины. Почему? Ответа на эти вопросы, как и на многие другие, нет.

Однако вернемся в предреволюционную эпоху. Не ставя задачу воссоздать всю панораму событий, потрясавших Россию, все же вспомним, что и Псковщине вскоре после февральской революции нашлись люди, которые обратились с предостережением о возможных духовных утратах, с просьбой сберечь исторические памятники. Это были трагические слои. Голоса трезво мыслящих людей:

Воззвание Псковского Археологического общества ко всем жителям Псковской губернии

Псковичи! В тяжелую годину, переживаемую ныне нашим Отечеством, Псковское археологическое общество обращается к вам с горячей мольбой: берегите ваши художественные и исторические памятники! Им отовсюду грозит опасность и от наших внешних врагов, и от нашей собственной небрежности, и от невежества, и от корысти злонамеренных людей.

Чем просвещеннее народ, тем больше он дорожит своей историей. Только одни дикие народы не почитают своей старины, но это именно потому, что у них нет истории.

Внемлите же, псковичи, голосу людей, горячо любящих Россию, ее славу и ее историю!⁴⁷

Увы! Не вняли псковичи голосу этих «ясновидящих». Вскоре стали бушевать пожары, первые из них в июне Опочке. Все более расширялись «пожары» политические. Был отстранен от власти Опочечный предводитель дворянства Обросимов. Вскоре произошли погромы в Торопецком уезде, горели имения помещиков Пятницкого и Кругочковского.

А в газете «Псковская жизнь» 23 сентября появилась заметка «Разорение Пушкинского уголка»:

«Губернским земельным комитетом получено от главного земельного комитета уведомление, что крестьяне рубят лес в имении Михайловское — Григорское на родине Александра Сергеевича Пушкина. Губернский комитет срочно уведомляет об этом Опочечского уездного комиссара и уездный земельный комитет и просит принять меры к недопущению дальнейших порубок».⁴⁸

Летом 1917 года в Опочечном уезде, к которому приблизился Северный фронт, так же, как почти везде в России, бушевали страсти, происходили бурные собрания. На политическую арену выходили люди, которых на Псковщине никто ранее не знал, но отличавшиеся активностью, напорис-

* «Новое время» — «Храм оставленный — все храм!», 1916 9 июня.

⁴⁷ «Псковская жизнь», 23 сентября № 1389. С. 3. 1917.

⁴⁸ «Псковская жизнь», 1917, 13 сентября, № 1369. С. 3. И. Н. Роко- тов «Разорение Пушкинского уголка».

тостью, пагубностью, сметавшие все на своем пути к власти. Среди них были большевик Карусин, свергнувший силой на волостном земском собрании его председателя Михайлова, человека уважаемого; известный бугровский мельник эсер Н. Н. Ольхин, которого вспоминает в своих записях Тимофеева-Починковская и другие.

Н. Н. Ольхин был весьма колоритной личностью. Он писал стихи, о которых сам говорил, что в них «слышен стон ослиный», постоянно попадал из-за своего весьма строптивого характера в различные истории. С первых революционных событий, мельник провозгласил себя начальником милиции и арестовал военного контролера Померанцева. Затем он выставил свою кандидатуру по списку № 3 (эсеров). Вскоре вихрь бурных событий закрутил Ольхина, и он исчез в водовороте революции. В его доме поселился новый милиционер. Такие люди были типичными представителями своего времени. Сохранилась лишь память об этом человеке да остатки фундамента мельницы в Бугрово. Сегодня там современный неудачный макет мельницы-новоедела.

На происходящее смотрел сквозь пальцы местный комиссар Янович, о нем было известно, что он занимал толстовскую позицию непротivления злу насилием. Идеи Толстова влияли на часть крестьян. Судьба его также неизвестна, возможно, как и многие, поплатился жизнью.

Приближались выборы в Учредительное собрание. И вместе с другими презжал в эти края кандидат по списку эсеров Стефан Афанасьевич Щеголев, сам из крестьян, человек пожилой, избранный в гласные псковского земства. Он пользовался авторитетом у местных жителей, его страстные выступления собирали толпы крестьян. Бесконечные речи, споры, особенно эсеров и большевиков, волновали народ.

Здесь также часто бывал и А. К. Гладкий, пушкинист. Теперь он больше был известен как товарищ председателя Холмского отделения народной партии свободы, проявивший большую активность. Как видим, эсеры на псковской земле пользовались значительным авторитетом у крестьян. И корни нашей трагедии в том, что социалистические партии не смогли найти общего языка, пойти на компромисс, а наоборот, пошлы на жесткую конфронтацию.

На протяжении 1917 года все более явственно ощущалось приближение бури к Пушкинскому уголку и его предстоящая трагедия. С начала мировой войны им практически никто не занимался. Денег для колонии выделяли все меньше и меньше, и она постепенно превращалась в убогую обитель. Немногочисленные колонисты постепенно уходили. Умерла подруга Тимофеевой-Починковской писательница Яковлева-Ланская. Тихо проводили ее в последний путь. На местном кладбище она нашла вечный покой, в то время, как вокруг бушевали порой дикие страсти.

Газета «Псковская речь» в сентябре отмечала «эпидемию грабежа». В приказе Верховного главнокомандующего премьер-министра А. Ф. Керенского 8 сентября говорилось о непрекращающихся насильственных действиях, в прессе регулярно публикуются материалы о многочисленных пожарах в губернии.

В это время Опочечское археологическое общество в письме от 11 октября во Псков обращало внимание начальника на «полное небрежение к дому (в Тригорском), историческое крыльцо гниет, требуется немедленное установление охраны, поднятие вопроса о немедленном выкупе в казну имения Тригорского».⁴⁹

Еще 28 мая крестьяне Воронежской волости на своем сходе решили изъять село Михайловское из рук псковского дворянства в общегосударственное

⁴⁹ Из обращения Опочечского археологического общества, 11 октября

ведение и создать в селе Михайловском «Свободный Всероссийский университет им. А. С. Пушкина с низшим, средним и высшим отделениями для бесплатного обучения всех желающих учиться граждан Воронежской волости».*

Однако ни охрана Тригорского не была установлена, ни создания Свободного Всероссийского университета не произошло, а через 9 месяцев местные крестьяне уничтожили Пушкинский уголок. Кровавая вражда захлестнула псковскую землю.

И вот 25 октября в Петрограде произошла революция, и уже через несколько дней к власти во Пскове пришли большевики во главе с известными деятелями того времени Б. П. Познером и К. В. Гаем. Незадолго до этого в Опочке был создан крестьянский комитет, который возглавил Г. Осипов.

На состоявшихся 12.11 выборах в Учредительное собрание были избраны от Пскова 5 эсеров, за них голосовало 295 тыс. человек, и 3 большевика, собравших 173 тыс. человек. Псковский Совет отверг предложение о совместных действиях «немарксистский — мещанский взгляд на Учредительное собрание как на хозяина земли русской». Как уже отмечалось, эсеры-делегаты Учредительного собрания были разогнаны.

Яркую картину той эпохи мы находим в стихах поэта-современника:

«С Россией кончено на последях
Ее мы проглядели, проболтали,
Продурали, пропили, проплевали,
Замучали на грязных площадях.

Распродали на улицах: не надо ль
Кому земли, республи да свобод.
Гражданских прав? И родню народ
Сам выволок на гионце,
как падаль».

М. Волошин. (1877—1932 г.)
ноябрь 1917⁵⁰.

Лучше сказать трудно. Так в Святых Горах и в Вороничской волости Советскую власть «помогли» установить в марте 1918 г. петроградские рабочие-большевики Д. А. Алексеев, бывший член Союза за освобождение рабочего класса, и В. Егоров — рабочий завода «Старый Леснер».

В Святых Горах и в Вороничской волости Советскую власть «помогли» установить в марте 1918 г. Петроградские рабочие-большевики Д. А. Алексеев, бывший член Союза за освобождение рабочего класса, и В. Егоров — рабочий завода «Старый Леснер».

Между тем, война с кайзеровской Германией продолжалась. Немцы прорвали Северный фронт и оккупировали 22 волости Псковской губернии. Ценой невероятных усилий в начале марта 1918 года, когда был захвачен Псков, удалось заключить Брестский мир.

Во время переговоров с немцами линия разграничения проходила по реке Синея, а Святые Горы попали в нейтральную зону. В связи с этим по поручению правительства, народный комиссар по военным делам направил германскому командованию специальную делегацию:

«Главнокомандующему Псковского района В. Сестогорском монастыре, в зоне, по последнему соглашению России с Германией, командованном объ-

* Решение схода крестьян Воронежской волости от 28 мая 1917 г.
⁵⁰ Волошин М. А. Мир. 23 ноября 1917. Избранные стихи. М.: Сов. Россия, 1988, С. 150.

явленной нейтральной, находится могила величайшего русского поэта А. С. Пушкина. Нейтральная зона, согласно указанному соглашению, не может быть занята вооруженными людьми как той, так и другой стороны. Ввиду того, что эта могила является святыней русского народа, ходатайствую о допущении специальной военной охраны этой могилы.

Комиссар по военным делам

(А. Иоффе)⁵¹

Но было уже поздно. охрану не допустили в Святые Горы. В это же время новая волна поджогов дворянских усадеб прокатилась мощным валом по псковской земле.

Угроза уничтожения нависла над Пушкинским уголком, что крайне беспокоило Софью Борисовну Вревскую, дочь незабвенной Евпраксии Николаевны, которую Пушкин называл когда-то:

...Любви приманчивый фиал
Ты, от кого я пьян бывал.

Еще 14 сентября Софья Борисовна сама больная, парализованная, стремясь по возможности сохранить то, что еще осталось, в письме из Голубова в Псковское археологическое общество просит прислать 2-3 казаков для охраны имения*. Просьба была весьма скромная; но по тем временам трудно выполнимая. Вревские ждали казаков, их так и не прислали.

Однако нужно было что-то делать. И поэтому Пушкинский Дом, являясь единственной надеждой тех, кому дорог поэт, предпринял отчаянную акцию. Всем известно, что Голубово сыграло большую роль в жизни Пушкина, здесь он останавливался по дороге в Петербург у своих верных друзей Вревских.

В 1917 году память о поэте еще хранили нейтральны Голубово, пруды, в один из которых, по преданию, бросил на память свою трость Пушкин, старинное городище крепости и многое другое, впечатления от которых использовал художник Я. Головин при создании декораций к опере «Евгений Онегин», для постановки спектакля Мариинского театра.

Все приезжавшие сюда обязательно ходили к мавзолею (склепу) Евпраксии Николаевны и Бориса Александровича Вревских. (Через несколько лет в период коллективизации приехавшие из Петрограда пьяные матросы разрушили мавзолей, вытащили тела усопших и надругались над ними. До сих пор эти трагические факты тщательно скрывались).

В архиве Пушкинского Дома имеются записки о попытках спасти то, что было возможно в тех условиях, о выдаче сотрудицам, пушкинистам авторам ряда исследований о поэте А. С. Полякову и Е. П. Поляковой удостоверений (за № 2571 и 2572) на поездку в Псковскую губернию к баронессе Вревской за мемориальными вещами 29 ноября 1917 г. С большими трудностями они добрались до Голубово, но, к сожалению, не совсем ясно, что конкретно удалось оттуда вывезти. Известно, только что ковчиг для разлива жженки, который теперь в Тригорском, поступил из Голубово. Это была самая последняя попытка спасти ценности Пушкинского уголка.

...Словно в страшном сне встает февраль 1918 года. На Псковщине дикие слухи будоражили жителей Святых Гор. Ярость и тем, кто живет иначе, чем они, стремление поживиться за счет других, клич «грабь награбленное» отзывался в опьяненных мозгах местных крестьян.

⁵¹ Иоффе А. А. — член делегации на переговорах в Брест-Литовске, полпред в Берлине, Китае, один из лидеров троцкистской оппозиции. В 1927 г. покончил жизнь самоубийством.

* Псковское археологическое общество. — В то время занимало активную позицию охраны и поддержки памятников истории и культуры.

В дневниковых записях В. В. Тимофеевой-Починковской, лучшим ее произведением, документе противоречивой и кровавой эпохи, дана яркая картина гибели Пушкинского уголка в феврале 1918 года, именно в те дни, когда исполнилось ровно 57 лет со дня отмены крепостного права. Тогда крестьяне стали свободными, получили землю но они освободились лишь от внешних проявлений рабства. Русским крестьянам присуща природная нравственность, о чем много есть свидетельств, но вместе с тем невежество, суеверия, ограниченность, вера в доброго царя были тоже им, к сожалению, присущи, являясь питательной почвой для негативных явлений на протяжении десятков лет.

В воспоминаниях В. В. Тимофеевой-Починковской дана трагическая картина гибели всех усадеб Пушкинского уголка. Эти страницы потрясают своей трагедийной силой, болью человека — очевидца варварства.

Парадоксально, что крестьяне, которые менее года до описываемых событий хотели организовать в Михайловском Всероссийский университет, через несколько месяцев участвовали в уничтожении этой усадьбы. Не все конечно...

«17 февраля — Утром донесли откуда-то слухи. Летал аэроплан и сбросил приказ — в три дня сжечь все села. Вторую ночь видим зарево от Тригорского. Вчера и третьего дня сожгли 3 усадьбы: Васильевское, Батово, Вече.

...Не проходит и часу, как передают, что грабят Тригорское. Оттуда доносится и гром и треск разбиваемых окон. Тригорское загорелось. Дом уже весь насквозь пропитан огнем и напоминает адскую клетку. Как бесы спутались там злоеющие черные тени... Не хватает духу смотреть...»

Словно сцены из народной русской драмы, написанной поэтом здесь в давние времена предстали перед зрителями нового поколения. ...19 февраля — «Грабят Петровское и Михайловское!» — возвещают мне утром. А я лежу в параличе, без движения от всех этих дум. И только про себя запоминаю заглавия для таких эпизодов из «Истории российской революции».

Власть злобы и тьмы... Власть завистливой злобы и бессмысленной тьмы... Под вечер вижу в окне новое зарево. И вот там, вправо над лесом — большое и яркое. — «Зажгли Зуево!» — снова возвещают мне. — «Чтоб не ездили туда и не вспоминали». ...Вот оно что! «Чтобы не ездили и не вспоминали!»

«...Или воспоминание — самая сильная способность души нашей, и им очаровано все, что подвластно ему?».

(Пушкин «Письма»)

...Не знаю, буду ли ездить и вспоминать пушкинское Михайловское, но дня два спустя я ходила туда пешком, как на заветное кладбище, и я вспоминала... Шла по лесу, видела потухшие костры из сожженных томов «Отечественных записок», «Русского богатства», «Вестника Европы» и других временных изданий — и вспоминала славную эпоху мечтаний о просветительном освобождении мысли и совести, о борьбе и гонениях за эти мечты... Подняла из тлеющего мха обгорелую страничку «Капитанской дочки», по-смертного издания 1838 г. и вспоминала восторги детских лет, когда впервые мне попала в руки эта повесть. Издалека завидела, как двое мужиков и баба вывозят кирпич и железо с обуглившись развалин «Дома-музея» — и вспомнила часы, проведенные в духовном созерцании поэтовой близости...

Вот там, налево, в угловой комнате, где помещался, по преданию, его кабинет, стоял старинный, красного дерева шкаф — я назвала его: собранием всех изданий, какие находились тогда в продаже. И эта комната — зимой «вся как янтарная» в часы заката, весной вся ярко зеленела и радостно звучала хоралами птиц, возвещавших жаркое солнце, цветы и тепло... Вид заледенелой реки напоминал террасу, где любил он сидеть и тоже вспоминать «инные берега, инные волны...»

Нашла в снегу осколки бюста, куски разбитой топорами мраморной доски от старого биллиарда, и вспомнила, как он играл тут одним кием... Взяла на память страдальческий висок разбитой вдребезги его посмертной маски и обошла кругом полуразрушенный «домик няни» — единственный предмет, сохранившийся в неизменном виде со дней его юности, но не уцелевший теперь. Ничего не пощадили и тут: рамы, печи, обшивка окон, старинные толстые двери, заслонки, задворки, замки — все было обобрано уже дочиста.

Со стороны дуга, занесенного теперь сугробами снега, изборожденного полозьями дровней, на которых вывозилось награбленное, стояли у домика двое — совсем пожилой мужик и совсем юный парень — и оба, не отрываясь, смотрели в зияющую впадину выломанного окна, как бы соображая, о том, чем можно будет еще поживиться. Я подошла к ним и тоже заглянула туда.

Кирпичи от разваленной печи, штукатурка от разрушенных стен, груды щебня и мусора на полу — и что-то вроде закопченной летучей мыши под самым потолком, в углу.

«— Испортил вам ваше гулянье, — сказала пожилой мужик, мельком оглянувшись, когда я подошла.

— Что гулянье испортили, это еще не велика беда, — гулять везде можно. А вот что память Пушкина разрушили, это уж непростительно!

— Память Пушкина? А какая тут память его?

— А вот этот самый дом и есть его память. Он тут жилал со своей няней. Мы этот дом бережем, а вы зачем-то разрушили.

— А-а! — равнодушно протянул он, не оборачиваясь.

Я возвращалась в Воронич мимо «Трех сосен» — тоже сожженных когда-то пастухами, не то голодными пахарями, в надежде извлечь для себя новый клочок земли для посева. Мимо потомства тех самых сосен, о которых так задумчиво и грустно мечтал поэт в родном своем «уголке»...

...«Здравствуй, племя,

Младое, незнакомое!...

Листок этих стихов, переписанных мною, по поручению председателя Пушкинского комитета С. И. Зубчанинова, в мае 1914 г. для столба с доской (а потом и для гравировки на камне) возле «Трех сосен» так и остался мне на память. Кто будет ставить эти столбы и высекать на камне стихи какого-то Пушкина, — завязатого «буржуя», сочинителя награвевшей на всю Европу сказки про другого такого же «буржуя», у которого «морозной пылью серебрится» не бараний, не волчий или медвежий, а непременно «буржуйный» бобровый воротник, каких рабочий народ никогда не носил и не носит...

Такой же горькой иронией теперь в моей памяти и не определяющие жизнь другие мечты:

«И долго буду тем любезен я народу,

Что чувства добрые я лирой пробуждал...»

Впрочем — кто знает, — не явится ли именно вот эта самая мечта суровым приговором для тех русских людей — нелюбопытных и ленивых по самой природе, которые с тупым бессилием допустили произвести этот позорный разгром — «бессмысленный и беспощадный, как все, что совершается во тьме...

...Не раз навещала я Михайловское — весной собирая там душистые фиалки, летом купаясь на том же месте в реке, где стояла наша купальня, — спасаясь от дождя под сводами нашей мифической «Колонны» и с жматом сердцем всякий раз замечая все новые и новые разрушения, по ним на один миг не удавалось мне побыть там одной. Всегда сновали там «охо-

чие» люди, с топорами, пилой и лопатой, и всегда эти звуки грабежа и хищения прогоняли меня из Михайловского...»

Во время пожара библиотека Михайловского одна из лучших в Псковском крае, почти полностью погибла, оставшиеся книги были похищены местными жителями. Сгорела также картина «Пушкин и Мицкевич у памятника Петру Великому», бюст Пушкина Неизвестного автора, бильярд поэта, карета екатерининского времени, в которой ездил Пушкин, варварски была уничтожена мебель.

К сожалению, надо сказать, что в погромах приняли участие жители Святых Гор, окрестных деревень Воронич, Гайки, и других. Старожилы знают этих людей. Например, Андрей Васильевич Зинovieв из Воронича интересно с характерными деталями рассказывает о бандах братьев Григорий и Осип Осиповых из деревни Забоево милиционерах временного правительства, Георгии Полякове из Воронича, которые с удовольствием и злобой жгли и грабили усадьбы, об их дальнейшей судьбе.

Нравственный ущерб трагических событий февраля 1918 года, закрытие (1922 г.) и разрушение (1927 г.) Святого монастыря в период особых гонений на церковь и патриарха Тихона во время массового голода в стране в 1922 г., когда изымались церковные ценности, а также гибель усадьбы Голубово, других усадеб, эхом боли отзывается и в наше время. Здесь истоки бездуховности, поразившей наше общество более 70 лет назад, в отсталой в культурном отношении страны, какой в массе своей была Россия в начале 20-х годов. После невиданных в истории трагедий пыльным бездуховным цветом расцветшей сегодня. А главное, не было опыта, не было специалистов и почти никто не знал, с чего начинать.

Прозрение пришло скоро.

Весной 1918 года в Михайловском побывала комиссия Опочечного уезда. Определили ущерб. Пожарили виновных. Учитывая классовую ненависть их к богачам, они отделались легким испугом. Составили отчет о состоянии разорением усадьбы:

«28/15 апреля 1918 г.

Составлен членом Культурно-Просветительского отдела Опочечного СР и ИД С. Алексеевым при участии Воронического СКД тов. Д. А. Алексеева. При осмотре усадьбы обнаружены сожженные постройки:

I Главная — модель подлинного дома Пушкина

II Скотный двор

III Каретный сарай

Сохранился Домик няни, пребывающий в хаотичном состоянии. На усадьбе от мебели и следов не осталось, печи разгромлены, трубы похищены.

Разгром продолжался и до сего времени. Производилась продажа не сгоревших построек.

Корешок документа № 1 от 15/25 марта...

Подпись»

Среди описи построек частично проданный Дом управляющего и служебные флигеля».*

Пушкин и после своей смерти спасал Отечество. У многих была неистребимая вера в него, как в спасителя России, объединившая всех русских в стране и за рубежом, для будущего, для нас. Он стал последней надеждой русского человека.

Итак, заповедник начинался по существу не с известного Декрета Совнаркома, это было лишь юридическое оформление его существования, а, может быть, с того памятного дня, когда Варвара Васильевна Тимофеева По-

* Орфография В. В. Тимофеевой, Починиковской.

* Архив Музея Заповедника КП 4679 № 2.

V. НЕТ, ВЕСЬ Я НЕ УМРУ...

чишковская после пожара в Михайловском, где она бродила по пепелищу среди обгорелых книг и головешек зданий, с сердцем, полным отчаяния, пришла на могилу поэта и вдруг услышала там его стихи и монастырскую службу в вечную ему память, и тогда она опять поверила, что Пушкин в сердце каждого человека, любящего Россию, что имя его будет символом, объединившим русских людей, где бы они ни жили, на какой стороне баррикад ни находились бы они. Вот эти проникновенные записи:

«...26 мая (6 июня) 1918 г., суббота. — Дивное впечатление пережила я сегодня! Ушла пешком, в 9 утра в Св. Горы Несла пучок незабудок и ландышей из Тригорского — чтобы положить его у драгоценного имени. Шла точно к родному и близкому, к изгнаннику Михайловского — изгнанная оттуда... Вспоминала и думала. Думала и вспоминала. А по дороге слышала все время журчание жаворонков в зацветающих овсяных полях. И это тоже походило на воспоминания.

Вот и монастырские стены, и гнезда крикливых грачей на старых осинах и липах. И лестница, и дверь, открытая на внутренний выход к могилам.

— Как было хорошо, торжественно в былые годы, когда все собирались тут. Но сегодня, сейчас там вероятно никого, думала я про себя. Обедня прошла, храм пуст. Но издали откуда-то доносится пение: может быть спевня в монашеских кельях?

Выхожу к памятнику и вижу: хор певчих в полном сборе, неромонах и диакон с кадилом, и одинокая фигура настоятеля поодаль, с головой опущенной на грудь, со скрещенными на посохе руками. Слышу торжественный возглас: душу преставившегося боярина Александра... а еще проститься ему согрешения, вольная и иже и невольная». И опускаюсь на колени и горячие слезы покатились из глаз...

Слезы радости и благодарения — монастырю, монахам, певчим, настоятелю.

Торжественная, полная, с трогательным чувством отслуженная панихида — при полном отсутствии посторонних — произвела глубокое, неизгладимое впечатление. Один только солдат, басом подпевавший хору и двое неизвестных мне женских фигур составляли всю публику. Я была там одна из прежних, из его Михайловского, с душой, переполненной благодарной любовью за годы жизни в тех местах, где все пропитано и дышит его вдохновением...

Я уносила мысль в те светлые и радостные дни, и со слезами, не отрываясь, глядела на памятник с кощунственно отбитым золотым крестом и бронзовым украшением, тоже отбитым.

Чувство потерянного отечества болезненно угнетало душу... Но то, что он был еще тут этот беломраморный обелиск с именем, прославившим Россию, что существует еще эта немногословная надпись:

Александр Сергеевич Пушкин
Род. 26 мая 1799 г. в г. Москве
Сконч. 29 января 1837 г. в г. Петербурге.

И лежит под этой надписью свежий букетик лиловой сирени с белой розой — рядом с пучком тригорских незабудок и ландышей — все это радостно волновало меня и открывало душу надеждой на иное, более светлое будущее. С неумирающей памятью о родном своем гении не может умереть страна, породившая этого гения.

Гороцище Воронич. Дом отца Александра.
Ноябрь 1918 г.⁵²

Так заканчиваются удивительные записи старой писательницы, пославшей нам свой поклон из далекого и страшного года.

⁵² Тимофеева Починковская В. В. «Шесть лет в селе Михайловском (Из записных тетрадей 1911—1917 гг.)» Архив РАН (рукопись).

В любые времена в России были люди, которые разрушали, грабили, жгли, бессмысленно проводили свою жизнь, но были и другие, на них и поныне держится земля наша. Люди, духовно богатые. Люди дела в неимоверно трудных условиях спасали то, что можно было еще спасти, они не занимались красноречием, а делали свое дело, видя в нем смысл нелегкого существования и залог будущего. И имя Пушкина для них в те страшные годы было паролем для сохранения и объединения русского народа.

Варваре Васильевне Тимофеевой Починковской удалось сплотить группу местных интеллигентов и вместе с ними создать в 1918 году Комитет (комиссию) по охране могилы А. С. Пушкина. Это был совершенно другого типа Пушкинский комитет. Его никто не назначал. Он родился среди интеллигентных людей по зову сердца.

В то время, когда жизнь человеческая не стоила и медного гроша, когда в стране царил смерть и хаос, низвергались бывшие авторитеты, горели усадьбы и книги, нужна была особая духовная прочность, чтобы противостоять варварству. В составе комитета были Василий Митрофанович Никифоровский, ученый самоучка, учитель и библиотекарь местной школы, секретарь комитета; Василий Федорович Соловьев, археолог, человек разносторонне образованный, позднее заведующий Псковским губмузеем и другие. У них был свой актив среди святогорцев. Местные жители, например, А. В. Зиновьев, до сих пор уверяют, что жил в голодные 1919—1920 гг. в Святых Горах и оказывал разностороннюю помощь Пушкинскому комитету известный пушкинист Павел Елисеич Щеголев, но, к сожалению, документов, подтверждающих этот факт, найти не удалось, очевидно, речь идет об упоминавшемся ранее, известном местном эсере Стефане Афанасьевиче Щеголеве. Впрочем, Щеголевыми была всегда богата эта земля.

Чем же занимался Комитет? Прежде всего члены его попытались найти лиц, участвовавших в погромах и привлечь этих варваров к суду. Суд проходил в Опочке. Погромщиков на суде несколько пожурили, но, учитывая их классовую ненависть к дворянству, они отделались общественным порицанием.

Некоторые мемориальные вещи (например, самовары) вспоминают свидетели, удалось обнаружить спрятанными в колодцах, и в других потайных уголках местных жителей.

Члены комитета и активисты, несмотря на свою малочисленность и отсутствие средств, неоднократно выступали на собраниях граждан поселка Святые Горы, участвовали в приведении в порядок парков Пушкинского уголка, боролись с самовольной вырубкой деревьев лесозаготовителями.

Через много лет, уже после войны житель этих мест Н. И. Аксенов вспоминал: «В этот период появились лесозаготовители. Местные крестьяне деревень Бутрово, Березино, Кириллова, видя самовольное истребление леса, прогнали «заготовителей» и даже дело дошло до физического насилия».

Газета «Пушкинский колхозник» в 1936 году писала: «Жители деревни Бутрово, по инициативе отдельных бедняков, образовали добровольную охрану, и михайловские рощи были спасены».* Вместе с тем сельскохозяйственные артели смогли обосноваться в окрестных деревнях, проявляя в своих действиях полную бесхозяйственность, разоряя, то, что еще сохранилось.

На скудные деньги жителей Вороничской волости члены комитета наняли сторожей для охраны, завхоза, приводили в порядок после закрытия Святогорского монастыря во время гонений на церковь (в 1922 году) фамильное кладбище Ганнибалов-Пушкиных, Успенский собор, неоднократно выезжали на попутных лошадях по бездорожью за поддержкой и помощью,

* «Пушкинский колхозник», 1936, 10 февраля.

в которой так нуждались, к властям, краеведам, пушкинистам в Опочку, Псков, Петроград и другие места.

Осенью 1919 года в Петрограде произошло событие первостепенной важности. Возобновил свою работу Пушкинский Дом, центр изучения творчества поэта, хранилище рукописей Пушкина. Он открылся еще в 1905 году «в благовестную память великого русского поэта» при Академии Наук, для собрания всего, что касается Пушкина писателя и человека⁵³

С тех пор судьбы Пушкинского Дома и земли поэта нераздельны.

А в Святы́х Горах очень важным был вопрос о реставрации домика няни. После пожара это была единственная сохранившаяся постройка, но и от домика остался один остов. В иногородней секции отдела по охране памятников искусства и старины был заслушан доклад о знаменитом селе Михайловском... В оставшемся домике выломаны были наличники окон и сломано крыльцо. С помощью квартировавшей в Михайловском башкирской бригады удалось реставрировать домик. Решено предложить Опочецкому отделу народного образования сделать снимки с реставрированного домика и представить их в Петербург».⁵⁴

По поводу ремонта домика няни в прессе имеются противоречия. Еще в 1936 году журнал «Смена» опубликовал воспоминания командира Башкирской дивизии, квартировавшей в 1920 году в Святы́х Горах, полковника З. Гарева о восстановлении домика няни, они широко известны и приводятся всеми путешественниками.

Вместе с тем, в архиве Академии Наук имеется документ о заседании по вопросу реставрации домика няни и смета ремонта этой мемориальной постройки, который производится с 15 сентября по 15 октября 1920 г. сотрудником губернского отдела охраны памятников старины и искусства, членом пушкинского кружка из г. Порхова Владимиром Ивановичем Нилендером. На заседании граждан постановили нанять для охраны домика 2-х сторожей и утвердить смету.

Газета «Псковский набат» писала: «В деле реставрации нужно отметить особенно энергичное содействие состава Башкирской бригады, давшего и людей, и материалы...».

Удалось найти воспоминания А. Gladкого, уже нам известного, который отмечал в 1922 году: «...работы проведены отчасти Опочецким отделом народного образования, а отчасти бригадой, квартировавшей в Святогорском монастыре».*

Однако уже через год после реставрации часть стекол и рам была похищена, появились надписи, посетители безобразничали, и домик няни вновь нуждался в ремонте. Пришлось обращаться в Пушкинский Дом, где его секретарь П. Устинович сделал доклад о состоянии мемориальной постройки.

После этого наркомом просвещения А. В. Луначарским было выделено на ремонт 683 рубля, для того времени значительные деньги.

Каждое время имеет только ему присущие парадоксы. Именно тогда повсеместно старались в грубой форме внедрить «Комсомольское Рождество» высмеять священников, церковь, где молодые парни и девушки лихо распевали:

«У нас ответ на все готов:
Долой равнинов и попов!»

Проводились и Красные гулянки, где водили хороводы, играли в «хобдынку», «чертик», «жгуты», «чванки», «Сергея-попа», популярны были и

⁵³ Баскаков В. Н. Пушкинский Дом. Л. ЛН, 1988.

⁵⁴ «Жизнь искусства». 1920, 5 декабря.

* Архив Святогорского монастыря.

политфанты, высмеивали религиозные чувства.

И в эти противоречивые годы Пушкинская комиссия продолжала свою работу, но горой отчаяние охватывало этих людей.

О работе Пушкинского комитета (комиссии) в тот период В. В. Тимофеева-Починковская в статье 1921 года писала: «Среди памятников былых вдохновенней» (письмо из с. Михайловского):

«Комиссией предприняты некоторые меры. Наняты сторожа, реставрирован домик няни, подан проект о провозглашении Михайловского имени заповедным, сделано заявление Центротделу о высылке землемера для определения парков Тригорского и Михайловского с сохранением планов обранных имен, — намечены и некоторые другие мероприятия. Но одна комиссия не в состоянии осуществить своих целей, если само заседание в лице своих выборных представителей — будет оказывать противодействие.

За невозможностью фактически охранять «Михайловские родинки» от бесконечных порубок, совершаемых и частными, и служебными лицами, мне пришлось, скрепя сердце подать заявление в Культпросвет об освобождении меня от обязанности по охране памятников былых вдохновенней. Что ждет культурно-исторические места Опочецкого уезда — могилу Пушкина в Святы́х Горах и заповедные имения Тригорское и Михайловское — покажет будущее».**

Несомненно комитет столкнулся с большими трудностями в связи с тем, что власти не оказывали первые годы практической помощи. Пресса несколько лет также не обращала почти на него внимания, и все, что делалось на территории Пушкинского уголка, делалось лишь силами энтузиастов, преодолевавших темноту и косность местных жителей.

«Со времени пожара, — писал пушкинист В. Волков, — прошло почти три года и пора бы, кажется, понять хотя бы местной власти, не говоря о населении, всю культурно-историческую ценность Пушкинского уголка. Но редуют родинки, редует парк, и даже аллея крепких корабельных елей, посаженных, по преданию, руками самого поэта, стала менее тенистой, а в сердце Михайловского вселяется артель, семья за артелью, семья за семьей. Михайловские родинки отводятся под выпуск, растаскиваются окрестным населением и разводят по предписаниям замотделов, лесничих».

Активисты Пушкинского Комитета естественно не могли создать четкую систему сбережения и охраны мемориальных мест.

Для того, чтобы поддержать наметившиеся пробуждения Пушкинского уголка, необходимы были перемены в стране, поддержка широкой общественности и возрождение краеведения.

После кровавой гражданской войны, восстановленного Крошштатта и крестьянских волнений Россия в 1921 году вступила в НЭП. Создались более благоприятные условия и для возрождения в стране краеведения. Внимание к истории всегда было присуще русской интеллигенции. Еще в первое десятилетие XX века не случайно возникают во многих городах краеведческие общества. Сразу же после того, как смолкли пушки, вновь появляется интерес к краеведению, обостренный трагическими событиями первых лет революции.

Уже в 1920 году в Петрограде было подготовлено 20 инструкторов для экскурсионных станций.

В этот период было создано первое в послереволюционные годы Пушкинское общество в г. Липецке. К сожалению, о его работе мало известно. Это был пусть скромный, но весьма важный шаг. А в г. Порхова не так далеко от Пскова 28 марта 1921 года историк профессор Иван Евсеевич Евсеев создает Общество изучения местного края.

** Вестник литературы. 1921. № 1, 2. С. 12—61.

ции.

В декабре 1921 года состоялась Первая Всероссийская конференция по краеведению, которая постановила просить Академию Наук принять краеведческое движение под свое авторитетное покровительство. Затем при АН в Петрограде образовалось Центральное Бюро краеведения. Именно оно, наряду с Пушкинским Домом, сыграло большую роль в восстановлении Пушкинского уголка. В его работе принимали участие известные ученые Н. Марр, А. Ферсман, С. Ольденбург и другие. Оно давало практические советы и умело направляло усилия энтузиастов-пушкинистов. Особенно активным оно было во Пскове, где общество краеведов образуется в конце 1921 года, сначала при Институте народного образования, с октября 1923 года — при губмузее. Общество выпускало журнал «Новая жизнь», проспект «Псковское общество краеведения», сборник «Познай свой край» — 1000 экз. Газета «Псковский набат», в те годы имела раздел «Будем изучать наш край». Росло количество членов общества. Так, при педтехникуме состояло 50 членов общества. Был выпущен сборник «Пособие для руководителя экскурсий». В г. Опочке краеведческий кружок состоял из 100 человек, имелся кружок и в г. Порхове. Работало, правда, недолго. Общество изучения русской усадьбы им. И. Гончарова* и множество других. К сожалению, до сих пор, у нас нет таких, крайне необходимых обществ, а общество охраны памятников истории и культуры во многих местах превратилось в беспомощную бюрократическую организацию.

Большую работу в Псковском обществе проводил Василий Федорович Соловьев, ученый-археолог, член комитета по охране могилы Пушкина, позднее заведующий губмузеем. В 1920 году он организовал первый геолого-палеонтологическое обследование Пушкинского уголка с осмотром всех местных городищ, пытался проводить археологические раскопки на Ворониче и т. д.*

А между тем, в эти годы вновь возрастает интерес прессы к Пушкинским местам. Посещают их журналисты и путешественники, уже упоминавшийся В. Волков; А. Гладкий, Гаррис, А. Гроссман, Ф. Васильев-Ускупник, сотрудник Пушкинского Дома П. Устимович и другие. Все поражены страшным разорением Пушкинских мест, нищетой, обдумывают меры по их восстановлению.

В. Волков писал еще в декабре 1920 года в журнале «Северные зори»: «А делу помочь можно, надо только:

1) центру объявить Михайловское заповедным именем и поручить работу о нем и всем «уголка» отделам народного образования;

2) местной власти понять и оценить значение «уголка», отказаться от вселения туда целых куч семейств, запретить рубку леса и нарядить охрану».⁵⁵

Под впечатлением увиденного в Пушкинском уголке, вспоминая минувшее, А. Гладкий отмечал: «Тихая грусть сжимает сердце, точно понимаешь что-то родное, дорогое... И от старинных лип Тригорского, белых стен монастыря, вековых елей Михайловского, наивных рассказов Ивана Павлова и Акулины Ларионовны веяло какой-то душевной поэзией, — поэзией старины...»

1921 год был переломным в отношении к Пушкину и Пушкинскому уголку. Именно в этом году в Петрограде на собраниях литераторов и общественности была принята Декларация о ежегодном Всероссийском чествовании Пушкина в день его смерти. С тех пор этот день отмечается как годовщина памяти поэта. Неожиданно поэзия становится в центре внимания общества, поэт превращается во властителя дум.

* Крайне необходимо изучение подобного опыта работы в наше время.

⁵⁵ Северные зори. 1920. № 1. С. 12.

На таком собрании Александр Блок выступил с ныне знаменитой прощальной речью о предназначении поэта. И в эти же февральские дни Петроград услышал и прочитал в альбоме ПД его поэтическое завещание:

Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук!
Звук понятный и знакомый.
Не пустой для сердца звук!

Пропуская дней гнетущих
Кратковременный обман,
Прозревали дней грядущих
Сине-розовый туман.

Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду.
Помоги в немой борьбе!

Не твоих ли звуков сладость
Вдохновляли в те года?
Не твоя ли, Пушкин, радость
Окрыляла нас тогда?

Вот зачем, такой знакомый
И родной для сердца звук —
Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук.

Вот зачем, в часы запата
Уходишь в почтовую тьму,
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.

На одном из вечеров после А. Блока выступил В. Ф. Ходасевич с чтением своего эссе «Колеблемый треножник»:

«Время гонит толпу людей, спешащих выбраться на подмостки истории, чтобы сыграть свою роль — уступить место другим, уже напирющим сзади. Шумя и теснясь, толпа колеблет треножник поэта. Наше самое драгоценное достояние, нашу любовь к Пушкину, как горсть благовонной травы, мы бросаем в огонь треножника. И она сгорит.

О, никогда не порвется кровная, неизбывная связь русской культуры с Пушкиным, только она получит новый оттенок. Как мы, так и наши потомки не перестанут ходить по земле, унаследованной от Пушкина, потому что с нее нам уйти некуда...».⁵⁶

В Петрограде была создана комиссия, куда вошли А. Блок, А. Ахматова, Н. Гумилев, П. Щеголов, Н. Котляревский, А. Кони и другие, для подготовки ежегодного проведения с 1922 года праздника памяти поэта. Под декларацией, провозгласившей Пушкина «символом общественно-исторического значения литературы» подписались эти замечательные люди. Вскоре в связи с этим Пушкинский Дом направил в Святые Горы своего сотрудника — ученого секретаря Петра Устимовича, который осмотрел сохранность могилы, состояние усадьбы, парк и домика няни.

Знаменательно, что именно тогда «Вестник литературы» писал: «Прежде всего можно указать на замечаемое тяготение к великому русскому поэту А. С. Пушкину. Государственным издательством выпущен ряд отдельных

⁵⁶ Колеблемый треножник. Сов. писатель, 1991. С. 201.

пушкинских произведений». Оно же выпускает новое иллюстрированное собрание сочинений Пушкина под редакцией В. Брюсова.*

Летом 1921 года Пушкинский уголок посетил уже 40 экскурсий общей численностью до 1000 человек. Интересно отметить, что в соответствии со своеобразной модой того времени большинство туристов, так же как в 1914 году, приехало на велосипедах. Считалось тогда, а некоторыми — и сейчас, что можно совмещать спорт с духовным общением и что это не требует специальной психологической подготовки.

На это «тяготение к великому русскому поэту» официально первыми реагировали представители властей г. Опочки: «Отвести в ведение Устнар-образа Пушкинского уголка 200 десятин леса (Михайловская роща), всю усадьбу (для организации дома отдыха, колонии) усадебную парковую зону «Тригорского». Отмечено, что в «данный момент государство не в состоянии реставрировать Тригорское». Но что-то делать нужно было неотлагательно. Поэтому вскоре правительство предпринимает первый шаг. Пушкинские места были объявлены заповедным национальным достоянием и переданы в ведение Наркомпроса по главмузею, на месте — губмузею, пушкинскому комитету в Святых Горах. Домик няни — единственная и драгоценная реликвия, отдала под особую личную ответственность управляющего.

На заседании в Опочке заслушан доклад секретаря комиссии по охране Пушкинского уголка В. М. Никифоровского. Отмечено, что хранителями Пушкинского уголка с 1918 года проведена определенная работа. Уездный отдел передал в ведение уездного отдела народного образования Михайловское и назначил по представлению местной комиссии по охране Пушкинского уголка, заведующего именными одного из местных работников.

Сознавая всю ответственность свою за сохранение Михайловского и Тригорского, не считая возможным сейчас же предрешить дальнейшую судьбу этих имений, Опочечский уездный отдел народного образования предложил, чтобы комиссариат народного просвещения:

«вошел в Совнарком с проектом Декрета о признании Михайловского и Тригорского заповедными именными;

поручил губернскому отделу народного просвещения совместно с Опочечским уездным отделом народного образования выработать порядок управления Михайловским и Тригорским;

определил дальнейшую судьбу и назначение имений, для чего необходимо создать авторитетную комиссию из представителей комиссариата народного просвещения, местных органов, комиссии по охране Пушкинского уголка и представителей учреждений, связанных с именем Пушкина».

Заведующим Опочечским отделом народного образования в то далекое время был Г. С. Сергеев и судя по решению, которое он подписал, человек творческий и далеко смотрящий в будущее. Такими людьми всегда жила земля наша.

Значительный интерес представляет и документ недавно найденный в Псковском историческом архиве.

Василий Федорович Соловьев, ученый археолог, страстный пушкинист и одновременно практик, не понаслышке знавший пушкинские места Псковской губернии.

Осенью 1921 года он неоднократно ездил в Святые Горы и его впечатления отразились в этом документе.

«Из доклада в Губнаробраз завед. Губмузею Соловьева о положении Пушкинского уголка и о мерах к его сохранению — октябрь 1921 года»

«В конце августа и сентября мною были совершены две поездки в Святые Горы для личного ознакомления с состоянием Пушкинского уголка. Как

Михайловское, так и Тригорское представляют руины в виде оставшихся еще каменных фундаментов погоревших домов. Из реставрированного в прошлом году домика няни уже вынуты несколько стекол и сам он разрушается вновь. Михайловские рощи кое где небольшими сравнительно участками вырублены и в конце концов слухи об этих порубках значительно преувеличены. Но во всяком случае надо положить конец этому, энергичными мерами. Парк заглух, фруктовый сад одичал, постройки полуразрушены и несмотря на то, что здесь обитали сельскохозяй. артели, все имение представляет картину полной бесхозяйственности. В Тригорском подворьями здесь колхоз возвел даже постройки у самой бывшей усадьбы; несмотря на категорическое запрещение, как мне известно, со стороны отдела охраны памятников Губнаробраза. Вся земля Тригорского, не подлежащая изъятию, отошла крестьянам и охраняемым участком можно считать лишь территорию парка. Много мест, вроде знаменитой бани; сошло совершенно на нет, но там менее парк еще хранит в нескольких уголках следы Пушкина и его поэзии и охрана его в существующем виде безусловно необходима. Могила и памятник Пушкина в сравнительном порядке, не носят следов заброшенности, но непосредственного ухода за ними нет».

В общем основное впечатление — это заброшенность уголка, отсутствие заботы о нем, полной бесхозяйственности и хищнической эксплуатации земли.

Более же всего причина лежит в бурном времени вообще, переходности момента; и неопределенности юридического положения уголка. Во всяком случае, все это является вопросом довольно праздным и перед нами стоит теперь задача влиять вплотную за охрану и устройство уголка».

Окончательное оформление передачи должно состояться в ноябре и необходимо поторопиться Земотдел с округлением границ. Ввиду этого перехода приглашен ныне заведующий имением, некто Карташев; и условия, с которыми подлежит утверждению Губнаробраза. Карташев берет за дело, конечно, не из идеальных соображений, человек практичный, мало интеллигентный, но с сознанием все-таки значения Пушкинского уголка, по отзывам, твердого характера.

Прошлого его — был простым тружеником и одно время был в Михайловском в качестве доверенного управляющего. Выбор, конечно, далеко не идеальный, но единственный, на котором можно примириться ввиду отсутствия других, более подходящих кандидатов. Можно думать, что с выдвижением уполномоченного, охрана имения выступит в новой форме».

Ближайшими мерами по отношению к Михайловскому я считаю: выселить посторонних лиц из Михайловского, являющихся главными его разорителями; (замечание: речь идет о лицах, поселившихся в служебных домах бывшей колонии);

воспретить всякие новые постройки в усадьбе Тригорское; так как и возведенные ранее безусловно будут подлежать сносу в случае возможной реставрации Тригорского, как нарушающие исторический характер; необходимо взять домики няни под футляр будущим же летом;

непосредственный контроль по управлению сосредоточить в Губнаробразе ввиду особой ценности памятника; командировать инженера для осмотра площадки под памятником в смысле опасности разрушения.

Что касается определения дальнейшей судьбы Михайловского, то оно возможно лишь через отношение с центром и едва ли является возможным в данных условиях, так как никакая реставрация серьезного характера не возможна, и, по мнению члена Главмузея К. К. Романова, с которым я говорил по этому поводу, задача сводится к тому, чтоб сохранить Михайловское до более лучших времен. Кроме того, решение судьбы имения переносится с целым рядом вопросов литературных, исторических, биографических и пр.,

* Вестник литературы. 1921. № 12.

которое может решить лишь компетентная и многочисленная комиссия из специалистов — пушкинистов и академиков и пр., создать которую можно лишь в центре. Перед нами поэтому стоит задача выйти по этому поводу в сношения с центром, что составит главную задачу моей предполагаемой ездки в скором времени в Петроград.

Завед. Губмузеем В. Соловьев.*

По разбитой дождями дороге из Опочки в Святые Горы в сентябре 1921 года отправился специальный уполномоченный отдела народного образования И. Н. Карташев. Он подписал первый в советский период договор о заведении имением. Нельзя переоценить этот документ, который предусматривал постоянную охрану, причем домики няни были приняты под личную ответственность завхоза, ремонт, наблюдение за караульными лесами (были тогда и такие!) и мемориальных парков, прием экскурсий, выполнение экскурсантами правил поведения и постоянное жительство завхоза в Михайловском.

Нашелся и человек, который обязался этот договор выполнить. Им был Григорий Филиппович Богданов, в то время житель села Лысая Гора, а в 1899 году управляющий Михайловским. Он хорошо помнил печально знаменитого Громова (прозванного Разгромовым), управляющего Михайловским в 1855—1899 годах.

Недолго проработал завхозом Григорий Филиппович, а память о себе оставил добрую. С ним через много лет часто беседовал об истории этой земли директор Пушкинского заповедника Василий Захарович Голубев.

Итак, мы как бы стали свидетелями подписания первого Государственного договора с частным лицом. Но оставалось неясным, что же будет в Михайловском, какова его судьба. Особенно это волновало членов Пушкинского комитета в Святых Горах.

В связи с отмеченными событиями зав. Псковским губмузеем В. Ф. Соловьев писал в Пушкинский Дом: «Необходимо внести ясность в вопрос о предназначении Михайловского и Тригорского...»

...Необходимо ныне же, без отлагательств, приступить уже сейчас, наметить программу действий, возможную к постепенному осуществлению и при данных условиях. Не забудем, что в 1924 году исполняется столетие поселения Пушкина в Михайловском и последнее делается местом Всероссийского паломничества...

...Организация же других учреждений, вроде прежней колонии и дома отдыха для трудящихся или летнего отдыха, ученых, представляется неизменно делом.* Таким образом, Соловьев В. Ф. сделал попытку решать проблемы заповедника сразу же на научной основе, не возвращаясь к идее организации новой колонии или дома летнего отдыха ученых, что предлагали тогда некоторые специалисты.

Сама жизнь ставила вопрос о сохранении Пушкинского уголка. Безусловно Декрет правительства от 16 сентября 1921 года стал основой для дальнейшей работы по организации заповедника, а роль Пушкинского Дома и Опочецкого исполкома в этих условиях в решении его судьбы возрастала.

Предчувствие предстоящего нового явления Пушкина в ином качестве отразилось в статье А. В. Луначарского «Пушкин», опубликованной в газете «Известия»⁵⁷ и вызвавшей большой общественный резонанс. О поэте давно так не писали. Статья стала как бы знаменем новой эпохи. Впервые о поэте писали по новому.

* Архив АН.

* Архив АН.

⁵⁷ «Известия», 12 февраля, 1922 г.

Нарком отмечал: «Пушкин был русской весной. Пушкин был русским утром...». Высказываться таким образом, когда некоторые предлагали «Сбросить с корабля современности», было чрезвычайно смело. А через несколько дней эта долгожданная русская весна наступила. Однако, очевидно, неслучайно она была провая и совпала с кронштадскими, хорошо известными событиями, расстрелами и завершилась осенью того же года гибелью поэтов А. Блока и Н. Гумилева.

Именно в это время, 17 марта 1922 года, Совет народных комиссаров принял Декрет об организации Пушкинского государственного заповедника. Как все это произошло — малоизвестно в истории. Малый Совнарком при СНК, комиссия по текущим вопросам, по выражению В. И. Ленина, «вермишельная» комиссия.⁵⁸

Имена и судьбы членов Малого Совета Совнаркома, обсуждавшего документ, сыгравший столь важную роль в истории, практически тоже неизвестны исследователям. Очевидно, что судьбы этих людей трагичны. Итак, предоставим слово документам.

Выписка из протокола № 849 Заседания Малого Совета Народных комиссаров от 17. III. 1922 г.

Председатель — Леплевский И. М.**

Члены: Вельман, Глызин, Меровский, секретарь — Тарасов.

Поставили:

28. Объявить Пушкинский уголок (Михайловское и Тригорское, а также места погребения А. С. Пушкина в Святогорском монастыре) заповедным имением с передачей его под охрану исторического памятника, НК Провещения по Главмузею.

Принять этого имения определить Народному Комиссариату Провещения по соглашению с Народным Комиссариатом Земледелия.

Секретарь А. Тарасов

Верно: секретарь Соколова

С копией верно: секретарь П/отд. Охр. Природы (подпись).⁵⁹

В газете «Известия» через несколько дней было опубликовано сообщение:

«В музейном отделе Главнауки «Совнаркомом постановлено о передаче Пушкинского уголка Михайловское, Тригорское, а также места погребения А. С. Пушкина в Святогорском монастыре как исторических памятников музейному отделу Главнауки».⁶⁰

В том же сообщении говорится о передаче усадебной секции музейного отдела Главнауки на учет усадьбы «Тютчево» Тверской губернии. Очевидно предполагалось создать в будущем систему охраны известных бывших помещичьих усадеб. А ведь совсем недавно все было разграблено. В этом еще один из парадоксов истории.

Так завершался важный начальный этап истории создания заповедника. Этот день заслуживает того, чтобы его вспоминали и через много лет, ведь

⁵⁸ Об Ильиче. Лениздат, 1970. С. 422.

** Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 192 (о его судьбе).

⁵⁹ «Известия», 1922 г., апрель.

⁶⁰ То же, 1922 г., апрель.

столько замечательных людей отдавало силы, здоровье, преодолевало трудности ради этого исторического события.

Время было достаточно сложное. В стране царил голод, разруха, изъятие церковных ценностей. Декрет Опочецкий Совет получил только 14 сентября 1922 г. но, не дожидаясь его, уже летом 1922 года Совет проводит юридическое оформление границ Михайловского и Тригорского и фактически передает их в ведение Псковского губмузея. Одновременно начинается ремонт флигеля бывшей колонии в Михайловском.

Происходили и негативные события. Однажды белой ночью группой неизвестных хулиганов была сброшена с могильного холма урна от памятника А. С. Пушкина. Об этом событии сообщили в Пушкинский Дом, откуда вскоре приехал известный историк-архитектор К. К. Романов. С тех пор он неоднократно бывал в пушкинских местах. Под его руководством урну подняли, обновили и установили на прежнем месте.

Летом 1922 года здесь окончательно ликвидировали последствия пожара и поэтому было особенно празднично, многолюдно. Продолжились торжества, посвященные поэту, начатые во Пскове еще в июне, где в губернском Драматическом театре отмечался день рождения поэта, так называемые «поздние поминки».

Затем на торжествах 25 июня зав. экскурсионной станцией В. А. Федоров прочитал лекцию «Роль монастырей в средневековом Пскове», где их было в то время—50. Эту лекцию многие расценили как своеобразный вызов властям.

В этом году были особые гонения властей на патриарха Тихона и официально закрыты многие монастыри, в том числе и Святогорский, который фактически работал только до 1916 года.

Тогда из-за споров, внутренних разногласий и обвинений между двумя именованными монахами, он еще тогда практически прекратил свое существование. Монахи разбежались кто куда. Поэтому во время праздников церковных приезжал для службы из Пскова сам наместник.

Для вернувшихся оставили в 1922 году только небольшую Казанскую церковь XVIII века на местном кладбище в Святых Горах, существующую до сих пор.

А Ярмарки на территории Святогорского монастыря, хорошо известные Пушкину проводились, конечно, с гораздо меньшим размахом до самой войны. Продавалась здесь к примеру знаменитая патока, льняные изделия и прочие товары.

Колокола в Успенском соборе были сняты в марте 1927 г. по прямому указанию начальника Губоно (в то время) А. К. Янсона. И с тех пор не был слышен в Святых Горах колокольный звон, собиравший вместе людей «во дни торжеств и бед народных». Многие были утрачены тогда. Ученые сейчас доказывают, что колокольный звон развивал нравственные качества, присущие русскому человеку и способствовал уничтожению в округе вредных насекомых.

Однажды учащиеся псковской школы II ступени и I железнодорожной школы вместе с известным журналистом А. Гладким выехали по бесплатным путевкам в Пушкинский Уголок.

В это время находился в Михайловском «по округлению земли и ремонту» Василий Федорович Соловьев. Он встречал всех туристов и проводил экскурсии. Можно представить, каковы были эти экскурсии! Он, например, рассказывал школьникам как вторично за два последних года (1921—22 гг.) открывал отреставрированный домик няни, знакомил детей с жизнью этого удивительного человека, которого хорошо знал и любил поэт, много говорил о том, что сделано и о том что предстоит сделать. Здесь же можно было

встретить впервые сюда приехавших представителей археологических обществ из Польши (г. Краков) и Швеции.

Всем запомнился один торжественный день. Праздник был тщательно подготовлен. Начался он с того момента, когда, получивший известность в округе школьный оркестр Святых Гор, окруженный со всех сторон местными ребятами торжественно прошел по Михайловскому парку. Вечером в пожарном деле поселка, превращенном в театр, ребята, так называемые «святогорские пушкинеты» разыграли несколько сцен из пушкинских произведений. Многие зрители приобрели билеты, передавая в кассу театра продукты; после этого А. Гладкий прочитал лекцию «Новое о Пушкине».

Увиденное в Пушкинском уголке вдохновляло и окрыляло многих. А. Гладкий, вспоминая впечатления от поездок с детьми, писал: «Они окрашены радужными красками, соединенными с несомненной уверенностью, что постепенное восстановление Пушкинского уголка обеспечено если не в таком виде, как было до пожара, т. е. когда уголок находился в цветущем состоянии (1914 г.), то во всяком случае приведен будет в более или менее культурный вид».

Весьма интересно письмо В. Ф. Соловьева, написанное уже после принятия Совнаркомом Декрета о Пушкинском заповеднике, требующее безусловного его выполнения.

«В Губоно 26 июля 1922 г.
Уполномоченным Опочецкого УЗУ по продаже построек в бывших помещичьих усадьбах, без ведома моего и Святогорской Пушкинской Комиссии, учинена выпродажная запись на дворовые и хозяйственные постройки, остающиеся в с. Тригорском, как то: ледник, молочная, сарай, старая изба и четыре хлева (т. е. здания, которые остались после пожара в 1918 году—С. Д. Я.).

Заявив по этому поводу протест в Опочецкое УЗУ и Президиум Исполкома, прошу немедленно распоряжения Губоно, через губземотдел и Губисполком об отмене означенной продажи, являющейся актом совершено незаконного распоряжения имуществом, принадлежащим органам Просвещения согласно декрета о заповедном Пушкинском уголке.

Заведующий Губмузеем В. Соловьев».

Очевидно, продажа была отменена.

Пушкинский Дом в те годы все более расширял свою помощь заповеднику, а также окружающим его школам, прежде всего, святогорской школе, справедливо считая, что это существенно поможет поднятию нравственности и культуры местных жителей. Так, например, Пушкинский Дом еще в сентябре 1921 года выслал школе 56 книг. Но постепенно читателей становилось все больше да и в книгам они относились порой варварски. Через полтора года библиотекарь Святогорской школьной библиотеки-читальни, член Пушкинского комитета А. Смирнов вновь обратился за помощью:

«Спрос на книги увеличивается еще больше, особенно на сочинения Пушкина и материалы о нем, и особенно о жизни поэта в Михайловском, исторических в библиотеке почти не имеется».

Прошу Вас как учреждение, сочувствовавшее и ранее Пушкинскому уголку, как единственному культурному учреждению уголка, оказать помощь библиотеке на месте изгнания поэта. Не найдется ли возможным прислать или библиотеке хотя малого количества книг.

12 января 1923 г.».

Уже через две недели книги из Пушкинского дома были переданы через В. М. Никифоровского святогорской библиотеке.

И, наконец, весной 1923 года решались принципиальные вопросы жизни

* Архив Пушкинского Дома.

заповедника, определяющие его судьбу, его предназначение.

17 апреля Василий Федорович Соловьев обращается в Пушкинский Дом с конкретными предложениями о характере реставрации Пушкинского музея на научной основе, учитывая имеющийся опыт. Было также предложено поставить памятник поэту напротив Михайловского на берегу возвытой им голубой Сороты.

Это письмо В. Ф. Соловьева при активной поддержке Пушкинского Дома значительно продвинуло решение некоторых проблем заповедника.

Необходимо было создать орган, который бы оказывал научную помощь заповеднику и осуществлял контроль за проводимыми там работами по его восстановлению. Поэтому на заседании в Пушкинском Доме 2 мая 1923 года учредили специальное Совецание, которое имело целью определить дальнейшую судьбу заповедника. В нем участвовали 300 ученых и специалистов.

Членами Совецания стали известные ученые: непременный секретарь Академии Наук С. Ф. Ольденбург, Н. Я. Марр и другие. Они решали глобальные вопросы: в т. ч. передали вопрос о судьбе заповедника на рассмотрение в Центральное бюро краеведения, определили план работы на ближайший (юбилейный) год программу увековечения памяти Пушкина и штаты заповедника, которые включили следующих шт. работников: заведующий (управляющий), завхоз, пять младших сотрудников.

В отношении заведующего споров не было. Все эти годы в центре событий Пушкинского уголка находился секретарь комитета по охране, учитель краевед Василий Митрофанович Никифоровский. Он был выдвинут на пост и утвержден Главнаукой. Совецание рассмотрело также предложение расширить границы заповедника с включением в его территорию оз. Маленец, лесистого холма и Савкиной Горки. То есть уже тогда заповедник приобрел территорию, которую он занимает в настоящее время, за исключением с. Петровского. Поэтому Совецание в мае 1923 г. имело историческое значение. Но ученые столкнулись с большими проблемами. Экономическое положение было в 1923 году весьма трудным. Завхоз Пушкинского уголка Г. Ф. Богданов просил Опочечный исполком передать для сельхозработ имение Поляне, находившееся в 18 верстах от Святых Гор. Там, среди живописной природы разместилась коммуна молодежи, которая обрабатывала 48 десятин пахотной земли. Очевидно, совместная обработка земли была бы выгодна и для заповедника. Во всяком случае, это был типичный эксперимент но неизвестно, получил ли Г. Ф. Богданов ответ.

Вскоре на собраниях общества краеведения в Петрограде было принято решение признать за Пушкинским уголком Всероссийское значение и принять меры к созданию в нем культурно-просветительного центра. Тем самым, к концу 1923 года предназначение заповедника, наконец, было четко определено.

В случайно найденном неизвестными лицами после войны архиве заповедника за 1923 год имеется любопытный документ, свидетельствующий о его крайней бедности:

«9 мая 1923 г. В правление Святогорского кооператива Комиссия по охране Пушкинского заповедника просит от отпуска в кредит 10 (десять) листов стекла, лверных навесов 6 (шесть пар) и навесы на две рамы, 8 ручек для дверей, 2 ручки для рам, для дверей 4 крючка и 4 крючка для рам». Резолюция: Соответствующие предметы будут отпущены на рассмотрение в Губисполкоме в ближайшем месяце». Там постановили: «Отпустить 10 листов стекла. Других материалов в кооперативе не имеется».⁶¹

⁶¹ Архив Пушкинского государственного заповедника.

В таких условиях начинался заповедник.

Интерес представляет и выписка из журнала № 6 заседания ученого совещания по охране Пушкинского уголка от 4 июня 1923 г. «Слушали сообщение профессора К. И. Покаянова о том, что вмешательство лесной охраны в управление лесами заповедника «Пушкинский уголок» является актом превышения власти, т. к. именная эти согласно директивы Совнаркома от 16.9.21 г. из ведения управления лесами изъяты. Довести до сведения Пушкинского уголка».*

Пушкинский Дом в этой истории поставил последнюю точку. 3 декабря 1923 года по предложению известного пушкиниста Б. А. Модзалевского было утверждено назначение Василия Митрофановича Никифоровского управляющим (заведующим) заповедником. Кто-то, а Модзалевский, всю жизнь посвятивший Пушкину, знал о самоотверженной работе Никифоровского в качестве секретаря комитета по охране Пушкинского уголка в Святых Горах! Работа на новой должности требовала нетрадиционного решения многих проблем.

Своеобразным рождественским подарком 1923 года являлись принятый к печати «Путеводитель по Пушкинскому уголку», подготовленный В. В. Тимофеевой-Починковой и составленный землемером А. Евдокимовым весьма красочный план с Михайловского того времени.

Пушкинскому Дому было чем гордиться. В отчете Пушкинского Дома за 1923 год отмечена очень важная сторона работы сотрудников:

«Помимо описанных сторон внутренней деятельности отделов Пушкинского Дома надо еще отметить участие Дома в судьбе так называемых Пушкинских уголков в Псковской губернии... По первому вопросу Пушкинский Дом организовал при бюро краеведения особое совещание и оказал содействие в проведении в жизнь Декрета об объявлении заповедными пушкинское Михайловское, вульфовское Тригорское и могилы поэта».

В наступившем 1924 году 125-летие Пушкина почти совпало с 25-летием Пушкинского Дома, и многим это совпадение казалось знаменательным, вдохновляя сотрудников.

Год 1924 — рубеж в истории заповедника. Уже в марте на расширенном заседании комиссии по охране Пушкинского уголка под председательством Никифоровского обсуждались: проект Положения о заповеднике, об организации Пушкинского музея при заповеднике и экскурсионной станции в Святых Горах, о проведении праздника в день 125-летия со дня рождения поэта. Обсуждали эти предстоящие события бурно, вдохновленные первыми результатами работы.

Прежде всего постановили: определить зависимость заповедника от музейного отдела Наркомпроса, оставляя за Академией Наук и Пушкинским Домом лишь культурно-просветительное руководство. Определили, что главный музей осуществляет право контроля над заповедником через соответствующие органы по специальным отраслям.

Затем после споров решили, что музей составит из местных спасенных частных коллекций, а также из коллекций, имеющих быть отпущенными Пушкинским Домом. Просили также Москву об отпуске недостающих кредитов для оборудования экскурсионной станции, временным помещением полагали школу II ступени в Святых Горах, а наиболее удобным для постоянной станции считали дом бывшей богадельни, построенный крестьянами специально для увековечивания памяти Пушкина, о чем сказано выше. Однако дом в то время был взят военкоматом для устройства там пункта призывников и вопрос о его новом предназначении решался весьма трудно.

* «Пушкинский край», 1967, 24 июня, № 11.

Начались поиски экспонатов для заповедника и для его запасников во Пскове. Пушкинский Дом получил письмо следующего содержания:

«Организуя во Пскове Пушкинский музей, Псковский губмузей просит Вас передать для этого музея имеющиеся у Вас в нескольких экземплярах материалы, портреты, бюсты и фотографии. Переговоры по этому вопросу поручены члену Псковского губернского общества краеведения А. К. Гладкому».

Помощь последовала незамедлительно. 12 февраля и. о. директора Пушкинского Дома С. Ф. Платонов подписал документ о передаче Псковскому губмузею экземпляра сочинений А. С. Пушкина и сборник «Пушкин и его современники».

В связи с большим интересом, проявленным общественностью к предстоящему открытию музея в Михайловском и ролью Пушкинского Дома в этом вопросе от имени Псковского общества краеведения А. К. Гладкий обратился к Б. Л. Модзалевскому: «Псковичи, имея в виду обещания Пушкинского Дома (о чем упомянуто в заметке моей в местном органе), интересуются и спрашивают о пушкинском музее. Вместе с тем, хочу просить Вас, глубокоуважаемый Борис Львович, о выяснении вопроса о льготных экскурсиях, хотя бы землякам, в пушкинский музей, о чем сейчас все псковичи спрашивают у меня и прямо-таки осаждают наперебой, приглашая меня в качестве руководителя».

Вероятно, мне придется несколько раз съездить, так как экскурсионная база, как сообщил мне при личном свидании Василий Митрофанович, рассчитана на 35 человек».

В связи с приближением праздника, посвященного Пушкину, опочечинские власти организовали комиссию в составе Никифоровского и Савельева и разрешили весьма своеобразно считать 6 июня — день рождения Пушкина — непростительным днем, а 16 июня — «духов» день — рабочим днем! Средств религиозными чувствами населения в те времена не считались.

Одновременно продолжалась работа над проектом Положения об управлении заповедником. Заведующий получал большие права. В проекте записали: «Управление заповедника несет общее руководство над эксплуатацией сельскохозяйственных угодий заповедника, охраной заповедных рощ; «Домик на холме», могильного холма с надгробным памятником в Святых Горах и имеет право быть памятником в Михайловском».

Вопрос о памятнике поэту, поднятый В. Ф. Соловьевым, в связи с юбилеем стал весьма актуальным. Неслучайно в это время в Петрограде на заседании правления Общества архитекторов-художников был рассмотрен вопрос об объявлении конкурса на увековечение памяти Пушкина в Михайловском. Было избрано жюри в составе четырех представителей общества, известных архитекторов Л. Бенуа, И. Фомина, Н. Лансере, В. Щуко и других кандидатов в члены общества В. Покровского, А. Бенуа.

В самом Михайловском кипела работа по подготовке праздника поэзии Пушкина. Под руководством неугомонного Никифоровского воссоздавались дорожки, флигели, из которых были выселены посторонние лица, в одном из которых готовился к открытию музей. Экспозицию музея готовили И. Устинович от Пушкинского Дома и Т. Черепнина, представитель экскурсионного института. Небольшая пушкинская выставка была организована при библиотеке в Святых Горах.

Торжества 1924 года начались в июне, они привлекли внимание не только интеллигенции, но и всей общественности. К этим дням было предусмотрено открытие нового Дерптлазовского моста через реку Сороть. Это было большое событие для всех крестьян округа. Праздник для всех. Приехали представители местных властей, поэты В. Гришанин из Пскова и А. Григорьев из Опочки. Вспоминали Пушкина, прежние времена, мечтали

о будущем. В газете «Псковский набат» Гришанин поместил заметку о пушкинских днях «В гостях у Пушкина» с характерными бытовыми зарисовками.⁶²

На могиле поэта известный в то время так называемый «индустриальный» литератор (так в то время называли его) И. Садофьев прочитал стихи:

От нас столетьем отдален
Столетьем миновавшим в муках
Как свеж и современен он
По ладу песенному в звуках.

Из музыки — живая речь
Из слов — звенящие свирели
Таких талантов уберечь
Цари и баре не хотели.*

Здание пожарного депо было украшено транспарантом «Пролетариат победит наукой и знанием», играл оркестр. Внимание собравшихся привлекла речь Никифоровского «Культурное значение Пушкинского уголка». Он вспомнил историю этих мест, роль Михайловского в судьбе поэта, говорил о духовном смысле его творчества. Детский хор исполнил песни на стихи Пушкина, а «святогорские пушкинисты» сыграли сцены из «Бориса Годунова». Крестьянский поэт Николай Алексеев читал пушкинскую «Деревню», а затем разошелся и прочитал уже собственные стихи. Так отметили в Святых Горах столетие приезда Пушкина в Михайловскую ссылку.

К сожалению, летом этого года произошло и весьма печальное событие. Передо мной старая газетная заметка «Смерть современницы Пушкина»: «В селе Михайловском скончалась современница Пушкина 105-летняя старушка Акулина Скоропостижная, друг поэта по прозвищу «Шкода», помнившая Пушкина с 12-ти лет. Она была неизменным спутником Пушкина «по грибы».⁶³

Акулина Илларионовна Скоропостижная, дочь того самого знаменитого священника Раевского, попа Шкоды, последняя современница Пушкина, связала воедино век нынешний и век минувший. Да будет ей земля наша пухом!

Третий этап праздника, его кульминация проходил в сентябре. Торжественное собрание в Святых Горах состоялось 12 сентября. Ждали А. В. Луначарского, но он не приехал. Зато Пушкинский заповедник почтили своим вниманием президент Академии Наук А. П. Карпинский, известные пушкинисты И. В. Измайлов, М. А. Цявловский, П. М. Устинович, В. П. Семенов-Тяньшанский и другие. А. П. Карпинский выступал проникновенно несколько раз: «...Он (Пушкин) верный учитель, настоящий друг и товарищ всех грядущих поколений». «...Любовь и интерес к Пушкину как поэту и человеку растут и будут расти неуклонно».

Участвовало свыше 100 представителей Москвы, Ленинграда, Пскова и других городов и губерний. Причем многие ученые-пушкинисты отправлялись непосредственно в окрестные деревни, читали лекции, рассказывали крестьянам о Пушкине.

На собраниях было более 1000 участников. Только в поселке Святые Горы было произнесено 28 речей, зачитано 16 приветственных адресов.

Впервые на подобных собраниях выступали представители от крестьян. Местный житель Семенов сказал несколько проникновенных слов о поэте. Среди прочих присутствовал на собрании и вновь назначенный завхоз А. Ще-

⁶² Псковский набат. 1924. 12 сентября.

* Садофьев И. И. (1889—1965) Индустриальная свирель. Л., 1971.

⁶³ «Известия», 1924, июнь. (Оставляю неизменным, как дань времени, фактические ошибки и орфография автора).

голев, бывший член исполкома Опочки, парикмахер, будущий управляющий заповедником, а также представитель уездного отдела народного образования Столяров, возможно, в дальнейшем сыгравший негативную роль в судьбе Никифоровского.

Сказано было о Пушкине много нового и важного. В том числе и об итогах конкурса на создание памятника поэту. Представлено было 11 проектов. Первую премию присудили художнику Гринбергу. Он изобразил поэта верхом на лошади. Скульптура предназначалась для установки на берегу Сороты. Вторую премию получил известный скульптор Р. Вах, автор памятника Пушкину в Царском Селе. Новый памятник изображал поэта на высоком постаменте, на котором имелся силуэт няни Арины Родионовны. Но из-за событий, о которых будет сказано ниже, проекты памятника Пушкину не были осуществлены — а жаль, ведь они впервые показывали связь поэта с окружающей природой.

В связи с этим интересна была речь В. П. Семенова-Тяньшанского, одного из авторов многотомного «Полного географического описания нашего Отечества». Он сказал: «Природа «Пушкинского уголка» в подробностях краеведчески еще полностью не изучена, но, судя по общим географическим особенностям этой в высшей степени живописной местности, весьма разнообразна и глубоко поучительна. Естественнику и художнику здесь есть над чем поработать во славу Пушкина.

Итак, в Государственном заповеднике представлены три стороны, первоначально важные в просветительном (вернее — культурологическом) отношении:

1) историко-литературная, состоящая в местном Пушкинском музее, заключающая в себе как предметы, относящиеся к эпохе пребывания там поэта, так и парки, и рощи, его вдохновлявшие, и, наконец, самую его могилу;

2) художественно-географическая, заключающаяся в том, что охранен величественный и весьма типичный для северо-запада Русской равнины образчик ледникового пейзажа, как источник вдохновения для художников и географов;

3) естественно-научная, состоящая в том, что здесь само собой приоткрыто место для прекрасной и поучительной биологической и фенологической работы. Редко можно пайти место, где воздню так счастливо сочетались бы все эти три элемента. Но именно память о гении Пушкина и смогла все это сочетать. Так должно быть. Так будет всегда».

На следующий день после собрания президент Академии Наук А. П. Карпинский возглавил торжественное возложение на могилу венков, шестие гостей по старинному много видевшему гаинибаловскому парку. Затем состоялось открытие музея в отреставрированном флигеле в Михайловском. Авторы экспозиции Черепнина и П. Устинович подробно рассказывали о ней, о Михайловском, пушкинской ссылке, истории сохранившихся вещей, показывали мемориальный рояль фирмы «Тышнер», привезенный сюда еще в 1817 году, самовар, портреты, найденные в колоде и в хлеву в 1918 году, книги, юбилейные венки и прочее.

Гости интересовались объявлением о работе экскурсионной станции: «Пропускаемость 36 человек в сутки. За помещение, постель, обед, ужин и чай утром и вечером 35 копеек в сутки; за помещение, солому для ночлега и кипятка — 5 коп. в сутки, предупредить за 2 недели».

За период с 1 июня по 15 сентября при помощи экскурсионной станции, открытой в бывшем доме-богадельне, наконец, отвоеванной у военкомата, посетили заповедник 580 человек, а одиночных посетителей было в то лето 1262 человека.

Но нерешенных проблем у заповедника имелось великое множество. Это и отсутствие достаточных помещений для экскурсантов, нехватка средств,

белья, одеял и многое другое. Однако это уже детали. Главное дело — создание заповедника как общественно-культурной организации — было сделано.

Писатель Л. Гроссман отмечал: «В тот же день в Михайловском был заложен будущий «Пушкинский музей» устройством временной выставки «Пушкин в селе Михайловском», гвоздем ее явилась новонайденная грамота 1746 г. о пожаловании Абраму Ганнибалу села Михайловского. Этот елизаветинский документ представляет первостепенный интерес для истории места ссылки Пушкина.»

Не так далеки от нас четвертые великие поминки по Пушкину 29 января 1937 года. Закончится ли к этому сроку академическое издание поэта, начатое еще в 1899 году?

Воздвигнется ли новый памятник в селе Михайловском?

Пусть ли корни новооткрытия в нем музей? Будем думать, что живой и бодрый тон только что отзвучавших празднеств явится благоприятным показателем. В новых условиях жизни пушкинизму, быть может, суждено из явления книжного и теоретического стать живым и действенным культурным фактором. Прав окажется современный поэт (Вл. Василенко, стих «Наш»), обращавшийся недавно к облику Пушкина:

«Сколько слов поникло сжатым стеблем,

Сколько тронов взято в топоры,

Только твой треножник не колеблем

Чернью, потрясающей мир».⁶⁴

Юбилей поэта выдвинул заповедник в первый ряд российских музеев, показал, что в народе есть духовные силы к возрождению, что Пушкин необходим в новой неведомой России. Появились всевозможные предположения. «Надо надеяться, что в ближайшее время заповеднику будут assigned достаточные средства на постройку дома в Михайловском и на развитие культурно-просветительной работы среди местного населения, в которой оно сильно нуждается», — писал В. Максимов-Евгеньев.

Многими большими и малыми делами были заполнены те знаменательные дни.

События, происходившие в Пушкинском заповеднике летом 1924 года, знаменали начало духовного возрождения этих мест, новый этап в их судьбе. Дни праздничные были непродолжительны и вскоре начались серые будни. Воздействие этих дней трудно переоценить. Слово свет маяка в тяжелые годы лихолетия они давали надежду да, пожалуй, и сейчас продолжают воздействовать, тормошить наши души, напоминая о высоте, пускай скромной, которую удалось достигнуть в 20-е годы на пути к пониманию творчества и личности Пушкина.

Вместе с тем, конечно, работа заповедника проходила в весьма своеобразных политизированных условиях Советской России.

Большое распространение в те годы получила художественная самодеятельность, в том числе в ряде организаций поселка Святые Горы. В основном это были инсценировки так называемых политсудов. В отчете о деятельности Пушкинского заповедника за 1924—1925 годы отмечается, что за этот период в пяти спектаклях приняли участие служащие заповедника. Сами названия политсудов их характеризуют: «Суд над крестьянской короной», «Суд над коммунарком» и другие суды. Но серьезная воспитательная работа проводилась от случая к случаю, а потребность в зрителях у населения компенсировалась за счет политсудов, которые посетило 470 человек — жителей Святых Гор.

А между тем, летний сезон 1924 года завершился тем, что закрыли 1

⁶⁴ «Известия». 1924 г. 5 июня № 127. В. Василенко «Наш».

октября музей в Михайловском, дорога туда из Святых Гор через Долгую пустошь стала труднопроходимой. Экспонаты, а их было 44, перенесли в Успенский собор монастыря. Некоторое время выставка размещалась в северном приделе, но вскоре некому стало ее охранять и пришлось экспозицию свернуть.

О музее в Михайловском стало известно во Пскове, а затем в Ленинграде, Москве, Прибалтике. Многие хотели ее посмотреть сами, установить контакты с администрацией заповедника. В 1925 году, как отмечалось в отчете о деятельности Пушкинского заповедника, много нарекаций было на то, что музей находится в свернутом состоянии и его нельзя обозреть. О том, что случилось, вспомним несколько позже.

Потом писем после торжеств 1924 года резко возрос. Писали со всех концов страны в заповедник, в Пушкинский Дом. Приходили письма и от потомков поэта, его родственников. Выявлялись людские судьбы в связи с Пушкиным и судьбы мемориальных пушкинских вещей. Некоторые события и вещи удалось выявить на квартире жены Григория Александровича ушкина Варвары Алексеевны Мельниковой в Петрограде на ул. Большой Морской, 54 (дом Клейбера), где она жила в годы революции. Она была дочерью железнодорожного начальника.

Были просьбы и жалобы. Среди этих писем одно из них представляет интерес до сих пор, (особенно в связи с некоторыми легендами из книги С. С. Гейченко «У Лукоморья» о происхождении фамилий незаконнорожденных потомков Ганнибалов) на имя директора Пушкинского Дома от гражданки г. Пскова Евгении Степановны Лабинага, просившей помочь ей. Ее муж Петр Алексеевич Лабинага, умерший в 1920 году, являлся праправнуком Осипа Абрамовича Ганнибала (прадед — Петр Осипович Лабинага). Жили родственники А. С. Пушкина ранее в селе Андудново Синицкой волости Псковской губернии, затем переехали в Цескю, где Петр Алексеевич — (муж) работал несколько лет бухгалтером. Найдите они по адресу: Псков, ул. Свердлова, 25, кв. 3.

В письме Евгения Степановна писала, что пенсия на мужа составляет всего 5 рублей, а сажень дров для отопления 10 рублей. Письмо заканчивалось горькими словами «Совесть Вам подсказает, что нужно сделать, чтобы облегчить жизненную участь старухи».

В связи с этим директор Пушкинского Дома обратился в Комиссию по улучшению быта ученых с просьбой помочь Евгении Степановне Лабинага, так как сам Пушкинский Дом средствами не располагал. Помогла ли комиссия Е. С. Лабинага — неизвестно.*

Нужно отметить, что до сих пор нет научных работ о всех потомках Ганнибалов, а это имеет большой, все возрастающий интерес у общественности страны. Об этом в частности свидетельствует проведение ганнибаловских конференций и пока неопубликованная книга А. П. Бессоновой «Потомки А. П. Ганнибала», об удивительных судьбах потомков поэта. Они оставили глубокий след в истории современного флота.

Организация работы заповедника, первые итоги его деятельности, углубление интереса к личности и творчеству А. С. Пушкина вызвали большой общественный резонанс в стране. Уже в то же время ставится Пушкинским Домом вопрос о создании заповедника в деревне Захарово по Москве, где прошли детские годы А. С. Пушкина. И сожалению, эта идея не была тогда осуществлена, и только сейчас там Фонд культуры совместно со спонсорами начинает разворачивать работы. А прошло 70 лет.

Завершался год 1924-й, наполненный важнейшими общественно-политическими событиями в стране и в заповеднике. Своеобразным итогом времени закономерным итогом событий явилось постановление ВЦИК от 25 мая

1925 года «Переименовать село Тоболенец (Святые Горы), центр Пушкинской волости Псковской губернии в село Пушкинские Горы». ⁶⁵ Ныне же это постановление воспринимается совсем иначе и многим кажется неправильным. (Нельзя менять исторические названия. Его знал Пушкин!). Так изменилось время.

У заповедника безусловно имелись не только друзья, но и недоброжелатели, а самое главное, вокруг было много недалеких, темных, закомплексованных и завистливых людей. Именно они стремились решать судьбу заповедника и его руководства.

Беспартийный В. М. Никифоровский своей независимостью раздражал многих власть имущих. И поэтому у непрактичного учителя Никифоровского становилось все больше врагов.

Вскоре после праздничных дней проявилась закулисная возня, которая велась местными властями против тех, кто создавал заповедник, и прежде всего против В. М. Никифоровского.

В Опочке возобладало мнение, что заповедник должен возглавлять член уездного исполкома, парикмахер по профессии, но коммунист А. Щеголев, что его личность будет более авторитетна для высших центральных и губернских властей в связи с быстро изменяющейся обстановкой в стране, когда руководящие посты стали занимать члены партии. Продолжался процесс создания партийно-бюрократической номенклатуры, который привел к трагедии общества и страны.

В октябре 1924 года В. М. Никифоровский, несмотря на официальное сожаление Пушкинского Дома был снят местными властями с должности.

Из отчета Опочечного исполкома за время с 1 октября по 31 декабря 1924 года сведения о дисциплинарных взысканиях на членов ВЦИКов, с/с, технических и ответственный персонал УИКа и его отделов: «Никифоровский, заведующий госзаповедником «Пушкинский уголок», за бесхозяйственность и злоупотребления по службе снят с должности и предан суду». Однако вскоре была доказана полная его невиновность. Вместе с тем уездные власти продолжали выдвигать Щеголева на должность заведующего.

Из протокола № 2 заседания Президиума Опочечного исполкома от 9 декабря 1924 года: «Слушали § 1. О результатах ревизии заповедника Пушкинского уголка. Докладчик Т. Журавлев подчеркнул, что во время пребывания т. Щеголева в Пушкинском заповеднике в качестве заведующего заповедником достигнуто значительное улучшение по всем отраслям работ. Тов. Щеголевым проведена твердая линия по выполнению намеченного плана. Бывшими же ответственными работниками гр-ном Никифоровским и Богдаловым работа почти не велась, что и усматривается из акта ревизии. Действия этих указанных лиц связаны со злоупотреблениями и дело следует направить прокурорскому надзору для привлечения виновных к ответственности».

«Установили: Усматривая из акта ревизии полную бесхозяйственность, граничащую с злоупотреблениями, разделяя мнение комиссии об игнорировании интересов госзаповедника со стороны бывших ответственных руководителей гр-н Никифоровского и Богдалова, с заключением комиссии согласиться, признав необходимым возбудить дело через прокурорский надзор с привлечением виновных к ответственности. Учитывая достигнутые результаты по восстановлению Пушкинского уголка и проведенную твердую намеченную линию по выполнению плана работ т. Щеголевым ходатайствовать перед ИКом об утверждении т. Щеголева заведующим Пушкинским заповедником, войдя с ходатайством перед Главным Управлением охраны исторических памятников».

⁶⁵ Известия. 1925. 25 мая.

* Архив Пушкинского Дома.

Так неожиданно для многих завершился первый, важный этап создания заповедника. На место творческих деятелей приходят дилетанты, как впрочем и во всей стране. Снятие с работы Никифоровского и последующие события в заповеднике были во многом закономерны. Сгущались тучи. Впереди у заповедника горькие и трагические годы — годы забвения его создателей.

Мы еще раз должны вспомнить и больше уже никогда не забывать тех, кто начал!

Барвару Васильевну Тимофееву-Починиковскую, Василия Митрофановича Никифоровского, Василия Федоровича Соловьева.

Весной 1925 года они были награждены Пушкинским Домом Почетными медалями им. А. С. Пушкина. Это была одна из последних гуманитарных медалей того времени. С тех пор они исчезли на долгие годы. В. В. Тимофеева-Починиковская 3 марта 1925 года получила также персональную пенсию, тогда весьма редкую. Последние годы она жила вдали от Пушкинского уголка, трагически горько переживая разлуку с ним, в бессилии чем-либо помочь дорогим местам.

МУЖЕ ВЕЗ ВОКРЕСТВА, БЕЗ ВДОХНОВЕНЬЯ...

Со второй половины двадцатых годов в стране происходит все более заметная бюрократизация общества, концентрация власти партийной малограмотной верхушки и изменения в культурной политике.

В этот период в стране происходит массовая гибель многих исторических достопримечательностей, храмов, бывших усадеб. Это было подлинно трагическая картина.

Вот что писала газета «Известия»: «Памятники у нас охраняются плохо, комната где умер Толстой, в отвратительном состоянии... памятники на Куликовом поле запущены... запущены в Детском (Царском) селе».

В конце 20-х, начале 30-х годов пресса очень резко вспоминает и Пушкинский заповедник. Культуре страны уделяется все меньше внимания и финансовой помощи.

Между тем, с первых дней нового 1925 года началась многолетняя тяжба между Опочечинскими властями и Пушкинским Домом по поводу руководителей заповедника и судьбы пушкинских мест на псковской земле.

В начале претендентов на должность заведующего было несколько. Помимо А. Н. Щеголева, подали заявления, узнав о снятии Никифоровского с работы, В. Ф. Волков, А. К. Гладкий, И. Н. Меницкий и другие.

Чем интересны эти совершенно разные люди?

В. Ф. Волков окончил семинарию и агрономический институт, был одним из организаторов педагогического техникума в Святых Горах, написал работу о сельскохозяйственной деятельности на территории Пушкинского уголка.

Большое желание работать в заповеднике проявил бывший генерал Генерального штаба И. Н. Меницкий, вышедший в отставку в 1922 году. Он преподавал в Пскове, обладал литературными способностями, до революции сотрудник газеты «Русский инвалид».

Наиболее подходящей кандидатурой был известный нам А. К. Гладкий, сотрудник Пушкинского Дома, журналист, автор ряда публикаций на пушкинские темы. Последней его работой явилось участие в подготовке экспозиции в музее Михайловского.

Все это были люди, которые никогда не порывали связи с заповедником, старались ему по возможности помочь.

* Архив Пушкинского Дома.

Однако все кандидатуры были отвергнуты Опочечинским исполкомом. Исполнять обязанности заведующего продолжал А. Н. Щеголев, а в помощь ему из уездного центра прислали завхоза Э. И. Яндалова.

Новые руководители были амбициозны, мало интересовались заповедником и не обладали организаторскими и административными способностями, о Пушкине они имели весьма отдаленное представление и у них отсутствовала элементарная культура. Этим воспользовались и местные обыватели, и крестьянские артели. Начался процесс расхищения и засорения заповедника. За год произошли драматические изменения. Памятник поэта зимой оказался без фуллера, часть могильной ограды была похищена. В шпиль колокольни Успенского собора Святогорского монастыря пробили дыру для радиостанции. Многие вещи из музея в Михайловском, хранившиеся в северном приделе Успенского собора, были похищены, в южном приделе располагалась казарма призывников и карцер. Имелась нечистота.

Фундамент дома в Михайловском зарос. Земли были отданы сельскохозяйственным артелям. Недалеко от него открыли для лошадей волостной случайный пункт. Один из флигелей бывшей колонии стали сдавать лачникам, во втором флигеле две комнаты занимал Щеголев, одну Яндалов. Правда, с мая стала работать экскурсионная станция. В штат принято 20 человек с содержанием по 1 руб. 50 коп. в день. Об этом ложил А. Н. Щеголев на президентское Центральное бюро краеведения 3 мая. В рационе экскурсантов был хлеб и белый хлеб и маслом, обед из двух блюд, чай с белым хлебом.

Никто не встречал экскурсия и не проводил их по заповеднику. В Михайловском парке в этом году было срублено 172 вековых дерева, а всего 1200 деревьев, причем срубить дерево можно было всего за 75 копеек.

В связи с такими событиями в октябре заповедник посетили комиссия Пушкинского Дома, обследовавшая состояние парков, экскурсионных и была потрясена увиденным. Так, например, в домике няни члены комиссии нашли стены, нарезанные надписями, пол загажен, рамы выломаны и украдены. Вызовы следующие: «Заповедник через 4 года после снятия может превратиться в обычное советское или трудовое хозяйство... окрестное крестьянство не знает Пушкина... Необходимо пераждать заповедник Академии Наук, чтобы предотвратить его постепенное разрушение».

Сотрудники Главнауки НКП в ноябре обратились в Пушкинский Дом с просьбой провести надлежащее обследование могилы Пушкина и принять меры для поддержания ее в исправном состоянии.

Полностью развалив заповедник А. Н. Щеголев, наконец, в декабре 1925 года вынужден был отказаться от занимаемой должности.

Но заповедник переходит к не менее безответственному человеку Э. И. Яндалову. При нем все указанные безобразия продолжались.

В дневнике В. В. Тимофеевой-Починиковской мы находим печальные записи: «Мне чуть не ежедневно приходится испытывать зловоние предчувствия фатальных искажений всех планов и задач, возложенных нам от имени Пушкинского Дома... сознание собственного бессилия лишает всяких надежд на просветы в будущем».

26 марта 1925 года она обращает внимание Пушкинского волисполкома на загрязнение зимой территории заповедника: «Не замечать подобных фактов — представляется делом предосудительным для всех сознательных граждан Российской Республики».

Будучи в то время в преклонном возрасте, охотлеваемая болезнями, она пишет письмо академику Сергею Федоровичу Орлову: «7 лет я лишена средств, только помощь большой сестры». В «Красной газете» публикуется заметка о Тимофеевой-Починиковской — «Сотрудница Достоевского».

Получив альбом Пушкинского выставки 1924 года, Тимофеева-Починиковская листок из дневника «почтительно посвящает Пушкинскому Дому».

Так неожиданно для многих завершился первый, важный этап создания заповедника. На место творческих деятелей приходят дилетанты, как впрочем и во всей стране. Снятие с работы Никифоровского и последующие события в заповеднике были во многом закономерны. Сгущались тучи. Впереди у заповедника горькие и трагические годы — годы забвения его создателей.

Мы еще раз должны вспомнить и больше уже никогда не забывать тех, кто начинал:

Варвару Васильевну Тимофееву-Починковскую, Василия Митрофановича Никифоровского, Василия Федоровича Соловьева.

Весной 1925 года они были награждены Пушкинским Домом Почетными медалями им. А. С. Пушкина.* Это была одна из последних гуманитарных медалей того времени. С тех пор они исчезли на долгие годы. В. В. Тимофеева-Починковская 3 марта 1925 года получила также персональную пенсию, тогда весьма редкую. Последние годы она жила вдали от Пушкинского уголка, трагически горько переживая разлуку с ним, в бессилии чем-либо помочь дорогим местам.

VI. БЕЗ БОЖЕСТВА, БЕЗ ВДОХНОВЕНЬЯ...

Со второй половины двадцатых годов в стране происходит все более заметная бюрократизация общества, концентрация власти у партийной малограмотной верхушки и изменения в культурной политике.

В этот период в стране происходит массовая гибель многих исторических достопримечательностей, храмов, бывших усадеб. Это было подлинно трагическая картина.

Вот что писала газета «Известия»: «Памятники у нас охраняются плохо, комната где умер Толстой, в отвратительном состоянии... памятники на Кулиновом поле запущены... запустение в Детском (Царском) селе».

В конце 20-х, начале 30-х годов пресса очень резко вспоминает и Пушкинский заповедник. Культуре страны уделяется все меньше внимания и финансовой помощи.

Между тем, с первых дней нового 1925 года началась многолетняя тяжба между Опочецкими властями и Пушкинским Домом по поводу руководителей заповедника и судьбы пушкинских мест на псковской земле.

Вначале претендентов на должность заведующего было несколько. Помимо А. Н. Щеголева, подали заявление, узнав о снятии Никифоровского с работы, В. Ф. Волков, А. К. Гладкий, И. Н. Меницкий и другие.

Чем интересны эти совершенно разные люди?

В. Ф. Волков окончил семинарию и агрономический институт, был одним из организаторов педагогического техникума в Святых Горах, написал работу о сельскохозяйственной деятельности на территории Пушкинского уголка.

Большое желание работать в заповеднике проявил бывший генерал Генерального штаба И. Н. Меницкий, вышедший в отставку в 1922 году. Он преподавал в Пскове, обладал литературными способностями, до революции сотрудник газеты «Русский инвалид».

Наиболее подходящей кандидатурой был известный нам А. К. Гладкий, сотрудник Пушкинского Дома, журналист, автор ряда публикаций на пушкинские темы. Последней его работой явилось участие в подготовке экспозиции в музее Михайловского.

Все это были люди, которые никогда не порывали связи с заповедником, старались ему по возможности помочь.

* Архив Пушкинского Дома.

Однако все кандидатуры были отвергнуты Опочецким исполкомом. Исполнять обязанности заведующего продолжал А. Н. Щеголев, а в помощь ему из уездного центра прислали завхоза Э. И. Яндалова.

Новые руководители были амбициозны, мало интересовались заповедником и не обладали организаторскими и административными способностями, о Пушкине они имели весьма отдаленное представление и у них отсутствовала элементарная культура. Этим воспользовались и местные обыватели, и крестьянские артели. Начался процесс расхищения и засорения заповедника. За год произошли драматические изменения. Памятник поэта зимой оказался без футляра, часть могильной ограды была похищена. В шпиле колокольни Успенского собора Святогорского монастыря пробили дыру для радиостанции. Многие вещи из музея в Михайловском, хранившиеся в северном приделе Успенского собора, были похищены, в южном приделе распознана казарма призванных и карцер. Имелась нечистота.

Фундамент дома в Михайловском зарос. Земли были отданы сельскохозяйственным артелям. Недалеко от него открыли для лошадей волостной случайный пункт. Один из флигелей бывшей колонии стали сдавать лачинкам, во втором флигеле две комнаты занимал Щеголев, одну Яндалов. Праздники мая стала работать экскурсионная станция. В штат принято 20 человек с содержанием по 1 руб. 50 коп. в день. Об этом доложил А. Н. Щеголев на заседании Центрального бюро краеведения 3 мая. В рационе экскурсантов был кофе с белым хлебом и маслом, обед из двух блюд, чай с белым хлебом.

Никто не встречал экскурсион и не проводил их по заповеднику. В Михайловском парке в этом году было срублено 172 вековых дерева, а всего 1300 деревьев, причем срубить дерево можно было всего за 75 копеек.

В связи с такими событиями в октябре заповедник посетила комиссия Пушкинского Дома, обследовавшая состояние парков, экспонатов и была потрясена увиденным. Так, например, в домике няни члены комиссии нашли стены, изрезанные надписями, пол заграбен, рамы выломаны и украдены. Вызвал следующие: «Заповедник через 4 года после спасения может превратиться в обычное советское или трудовое хозяйство... окрестное крестьянство не знает Пушкина... Необходимо передать заповедник Академии Наук, чтобы предотвратить его постепенное разрушение».

Сотрудники Главнауки НКП в ноябре обратились в Пушкинский Дом с просьбой провести надлежащее обследование могилы Пушкина и принять меры для поддержания ее в исправном состоянии.

Полностью развалил заповедник А. Н. Щеголев, наконец, в декабре 1925 года вынужден был отказаться от занимаемой должности.

Но заповедник переходит к не менее безответственному человеку Э. И. Яндалову. При нем все указанные безобразия продолжались.

В дневнике В. В. Тимофеевой-Починковской мы находим печальные записи: «Мне чуть не ежедневно приходится испытывать зловоние предчувствия фатальных искажений всех планов и задач, возложенных нам от имени Пушкинского Дома... сознание собственного бессилия лишает всяких надежд на просветы в будущем».

26 марта 1925 года она обращает внимание Пушкинского исполкома на загрязнение зимой территории заповедника: «Не замечать подобных фактов — представляется делом предосудительным для всех сознательных граждан Российской Республики».

Будучи в то время в преклонном возрасте, озабочаемая болезнями, она пишет письмо академику Сергею Федоровичу Орлову: «7 лет я лишаюсь средств, только помощь большой сестры». В «Красной газете» публикуется заметка о Тимофеевой-Починковской — «Сотрудница Достоевского».

Получив альбом Пушкинской выставки 1924 года, Тимофеева-Починковская листок из дневника «почтительно посвящает Пушкинскому Дому»

Российской Академии Наук». Она пишет: «Пушкинский Дом — как яркий маяк в бурную ночь на бушующем море».

Умерла, после тяжелой болезни, Тимофеева-Починковская далеко от Святых Гор неизвестно где, очевидно, в ссылке в 1930 году. На Пушкинский Дом были последние надежды. Именно туда уходят работать в создаваемое общество «Друзей Пушкинского заповедника» В. М. Никифоровский, а позднее В. Ф. Соловьев.

Посетившая Пушкинские Горы корреспондент М. Шкапская отмечала безобразия, которые творились на фамильном кладбище Ганнибалов-Пушкиных. Дети, убиравшие кладбище, заявили ей: «Жалко Пушкина. Если не мы, так ведь больше никому». Шкапская предложила «провести воспресник и обтянуть проволокой всю площадку».

На свернутой выставке в Успенском соборе корреспондент увидела самовар, два чубка, трость, рояль, песочные часы. В южном приделе ей показали вахту для арестованных допризывников. В заметке была просьба перевести музей в более охраняемое место, в Опочку.

В это же время, преследуя свои цели, Главнаука внесла предложение, вскоре отвергнутое, передать заповедник в ведение бывш. Румянцевского музея (ныне библиотека им. В. И. Ленина).

Заповедник второй год находился бед надлежащего руководства: «Недостатки охраны тяжело ложатся на совесть», — писал ученый секретарь Пушкинского Дома П. Устимович. Все это время продолжалась борьба между Пушкинским Домом и местными властями, потому что ученые не преиращали настаивать на руководителе, профессионально имеющем отношение к пушкинской тематике. Местные власти, к сожалению, занимали другие позиции.

Поэтому в марте 1926 года на заседании в Пушкинском Доме была отвергнута очередная, представленная Опочкой, кандидатура заведующего Федора Павловича Павлова: «Кандидатура Павлова не представляется подходящим кандидатом». После известных событий Пушкинский Дом долго проявлял осторожность.

Кандидатура Ф. П. Павлова обсуждалась во всех инстанциях в течение 10 месяцев. За этот период он все более фактически включался в работу. Несколько слов о нем. Родился Павлов в 1883 году в дер. Луки-Сорокино, крестьянин, окончил учительскую семинарию. Учитель, из партии вышел в 1917 году по болезни. Заведовал школой, жил за границей, до революции был судим. Опыта работы он не имел, но активно стал заниматься хозяйственной деятельностью, выступая на совещаниях в Пушкинском Доме.

Осенью 1927 года Центральное бюро краеведения просит Музейный отдел «утвердить Павлова Ф. П., работающего в заповеднике 10 месяцев, как соответствующего его назначения, хорошего культурного руководителя».

Пушкинский Дом вынужден был согласиться; тем более, что к тому времени его сотрудники П. Устимович, Н. Цыпин и другие подготовили новую экспозицию музея в Михайловском, в основу которого были положены материалы, собранные в 1924 году. Музей и так слишком долго (2 года) был закрыт. Он размещался в трех комнатах дзвого от входа флигеля. На основе разработанной методики и плана П. Устимовича и Н. Пыпина в 1927 году он включил следующую схему экспозиции: 1. Предки. 2. Школьные годы. Лицей. 3. Петербург. 4. Ссылка на юг. 4а. Ссылка в Михайловское. 5. Москва. 6. Петербург. 7. Болдино. 8. Кавказ. 9. Петербург. Впервые вся жизнь поэта была представлена как единый творческий процесс.

Экспозиция с Михайловского была выделена в отдельной комнате, здесь особое внимание уделялось библиотеке Пушкина, которая состояла из копий дореволюционных изданий.

В записке Устимовича и Пыпина подчеркивалась необходимость приобретения для Фонда бытовой обстановки музея: двух диванов, шести кресел, двенадцати стульев, двух банкетов, двух столов и т. д.

16 декабря 1926 года Ф. П. Павлов на заседании литературной подкомиссии ГУС-а сделал доклад о положении в заповеднике; он окончательно решал судьбу заведующего и обеспечил поддержку его Пушкинским Домом: «Желательно всему Пушкинскому заповеднику придать мемориальный характер, сделать мемориальные надписи с цитатами из произведений Пушкина, издать толковый путеводитель».

А ранее, в июле 1926 года произошло знаменательное событие. Пушкинский заповедник посетил нарком просвещения А. В. Луначарский. Его глгобоку тронула пушкинская земля, пейзажи, им вослестые:

«...Ярмарка, на которой любил потолкаться, побалагурить и приценить — часто смертельно скучавший Пушкин, осталась.

Должно быть, и товары продаются те же: ложки да ложки, детские игрушки; товар сибиряной, шорный и галантерейный, пряники, леденцы и т. п. Но монастырь — умер. Умер, как святыня. В нем зарождается теперь новая жизнь».

Когда я поджидал в автомобиле своих спутников перед отправлением в Михайловское — меня окружила довольно большая толпа, разглядывавшая меня с любопытством нейтрального характера. Тут какая-то рябая баба стала подталкивать и подговаривать окружающих вполголоса так, чтобы мне слышно было, наговаривая: «Скажите же ему, комиссару, что мы де, всем довольны, ничего не просим, просим только открыть наш святой монастырь для молитвы. Скажите ему. Он распорядится».

Но кроме этой рябой защитницы «былой святыни», других активных ходатаев за нее не находилось.

...Могила производит глубоко художественное впечатление. Не только не мешают ему две плиты, указывающие на место погребения очаровательной матери поэта и одного из Ганнибалов, но и надгробие какого-то архимандрита, похороненного рядом с Пушкиным, лучше оставить как оно есть (конечно, поддерживая в приличном виде), и, по возможности, ничего не менять во всем уже запечатленном историей облике этого торжественного места.

Место это торжественное. И не только потому, что вы чувствуете здесь близко дорогого сотням миллионов ушедших, живущих и имеющих родиться людей — прахе. Оно, как нельзя лучше, несет на себе маленький белый памятник величайшего из русских писателей.

...Ширь, простор, вот первое, что скажешь перед этой картиной.

...Да, этот кусок земли должен быть колыбелью поэта, и, пожалуй, именно русского поэта. Быть может, даже только нам, русским людям, на туру которых веками и наследственно отчасти формировал такой вот или подобный пейзаж — так много говорит он и так уводит нас к каким-то большим настроениям, беспредельно широким, в которых тонет собственная личность.

...Когда ходишь теперь по запустелому парку, с такой страшной интенсивностью думаешь о нем, что кажется, несколько не удивился бы, если бы вдруг из кучи деревьев или из-за угла здания появилась бы его задумчивая фигура.

Позднее, когда я уехал, мне живо представлялось, что я действительно видел его там. Конечно, приблизительно таким, каким изображен он на привычном памятнике, только без всякого величия. Мне вспомнилось, что он вышел из густой тени на солнце, упавшее на его курчавую непокрытую голову, задумчиво опущенную, и будто он поднял голову и посмотрел на нас, людей, живущих через 100 лет, рассеянным взором. И за рассеянностью

этих темно-карих глаз была огромная, ушедшая в себя, мысль. Может быть он считал стопы созревающей строфы?

И, конечно, мы не посмели ни о чем спросить поэта. И так, смотря на нас, но не замечая, прошел он из тени в тень через короткую полосу уже догоревшего вечернего света.

В этом образе, очевидно, сконцентрировалось для меня все виденное за день. И мне до того ясно представляется эта встреча, что по живости я не отличаю ее от других действительных впечатлений этого дня...»⁶⁶

Поездка Луначарского выявила особую значимость в конце 20-х, молло сказать, историческую миссию пушкинских мест, обратила с особой силой внимание общественности страны на этот поэтический уголок, и предсказал ее предстоящую роль для духовного возрождения страны.

Но для этой роли не созрели еще условия. Все еще было весьма далеко и много, очень много предстояло вскоре пережить. А сам А. В. Луначарский в 1929 году был отстранен от власти, а через несколько лет при невыясненных обстоятельствах ушел из жизни.

Вскоре, и, очевидно, не случайно в конце 20-х годов, в Ленинграде происходит другое важное событие. Общественность организует особое общество — «Друзей государственного заповедника «Пушкинский уголок». В то время возникло множество обществ, но лишь одно из них поставило задачу служения высокой литературе. Оно стало своеобразной формой борьбы за научный стиль работы в заповеднике, распространения научных знаний о творчестве и жизни А. С. Пушкина.

Высок был потенциал нового общества. Председателем его был избран президент Академии Наук А. Карпинский, а среди членов В. Вересаев, Б. Модзалевский, Б. Томашевский, Ю. Романов, Н. Измайлов, П. Устинович, В. Никифоровский и многие другие.

И, наконец, отрядным событием конца 20-х годов был одновременный выход двух путеводителей по заповеднику П. Устиновича и Т. Черепниной.

Между тем в прессе в связи с бедственным положением заповедника и его отдаленностью от центра появились предложения о переносе праха Пушкина в Ленинград. Этот вопрос активно обсуждался в ленинградских газетах. Там было опубликовано интервью с известными пушкинистами С. Платоновым, Б. Модзалевским, В. Семеновым-Тяньшанским, которые отвергли это иезуитское предложение. С протестом против предложения о переносе праха поэта выступила и группа граждан Ленинграда, собравшая 115 подписей, а также Общество изучения местного края из г. Опочки.

Благодаря общественности удалось предотвратить перенесение праха поэта.

Вскоре появилось обращение Общества друзей госзаповедника «Пушкинский уголок» от 21 ноября 1927 года в Пушкинский исполком:

«По имеющимся в Правлении сведениям, около исторических ворот в быв. Святогорский монастырь, через которые обычно входил в монастырь Пушкин, школой крестьянской молодежи предполагается построить кузницу. Общество, заинтересованное в сохранении, насколько возможно, в неприкосновенном виде отдельных исторических мест, связанных с именем Пушкина, просит Пушкинский РИК не возводить около исторических ворот никаких построек, так как всякая постройка, а тем более кузница, нарушит общий вид исторического места и может потребовать изменения и самих ворот, не говоря уже о их разрушении. Общество надеется, что как РИК, так и школа крестьянской молодежи поймут навстречу просьбе Общества и сумеют найти другое место для постройки кузницы».⁶⁷

В ответ на это обращение Псковский окружной исполком сообщил, что постановлением Пушкинского РИКа от 16 декабря 1927 года предложено школе крестьянской молодежи в срочном порядке кузницу, находящуюся вблизи могилы А. С. Пушкина, перенести в другое место.

В эти дни положение в заповеднике вновь стало критическим. Это связано с именем Ф. П. Павлова, который, как, наверное, помнят читатели, приступил к работе около двух лет назад и зарекомендовал себя как «хороший культурный руководитель».

Так еще в июле 1927 года заведующий заповедником Ф. П. Павлов поставил вопрос о передаче построек Святогорского монастыря заповеднику. Человек религиозный и разбирающийся в истории, он помнил, что в тех условиях Успенский собор и другие строения могут сохраниться, лишь будучи в составе заповедника. Только через полгода районный исполком (РИК) расслушал этот вопрос. 25 декабря того же года вынесли следующее решение: «Ввиду того, что древний храм, расположенный на верху холма, имеет историческое значение, поэтому против передачи его в распоряжение Госзаповедника не возражать, что же касается передачи прилегающего (Никольского) храма, то таковую не производить, так как этот храм, во-первых, не имеет никакого исторического значения и, во-вторых, это здание необходимо самому РИКу — в нем ежегодно проходит допригодготовка».

Одновременно разбирался вопрос, очевидно в связи с первым, «О ненормальности, замеченных в Пушкинском уголке госзаповедника. Внесено т. Алексеевым». Постановили: ввиду недостатков, замеченных в ведении хозяйства Пушкинского уголка госзаповедника — создать комиссию из следующих лиц: 1. от РИКа — т. Никитин, 2. от ОГПУ — Бедеров, 3. от здравоохранения — врач Адамович, 4. от рабпроса — Федоренко, 5. от крестьян — Петров Михаил. Означенной комиссией 25 декабря на месте проверить работу зав. хозяйством Гос. заповедника и о результатах доложить Президиуму РИКа 27-го сего декабря».*

Итак, решено было вернуться к этому вопросу через 2 дня. В комиссию включили представителей от ОГПУ и здравоохранения. В чем причина? Что происходило в заповеднике? На эти вопросы — ответы в протоколах № 22 и 26 заседания Президиума Пушкинского РИКа от 6 и 27 января 1928 года: «Принимая во внимание, что зав. Пушкинским Гос. заповедником тов. Павлов Ф. П. за последнее время стал вести себя вызывающе по причине его психического расстройства, что видно из поданного в РИК заявления работника заповедника — «беспокоил в неурочное ночное время служащих заповедника и в связи с его заболеванием приостановилось ведение хозяйства и денежной отчетности», что подтверждается актом обследования комиссии от 25 го декабря 1927 года, причем в данное время т. Павлов находится на излечении в гор. Ленинграде — как психически больной, а поэтому для пользы дела Президиум РИКа ходатайствует перед Главнаукой о снятии тов. Павлова с занимаемой им должности. На время же его заболевания зав. Пушкинским Госзаповедником поручить служащему (вспомним, что ранее он был от «крестьян») заповедника, тов. Петрову М...».**

В акте комиссии от 25 декабря 1927 года в отношении заведующего было записано: «Вообще за гр-ном Павловым за последнее время, в особенности, наблюдаются различные странности, как-то: вывешивание икон в своей квартире и «рекомандация», следствием которой были вывешены иконы и в квартире служащих ему подчиненных, до этого подобного рода приваженностями не пользовавшихся»***

* Архив Пушкинского Дома.
** Архив Пушкинского Дома.
*** Там же.

⁶⁶ «Красная газета». Вечерний выпуск, 1926, с. 6, 7, 8, 9.
⁶⁷ Гос. архив Псковской области. Ф. 324. Оп. 1. В. 1. № 250. Л. 82.

Вот в чем выражалось «психическое расстройство» заведующего Ф. Г. Павлова. Через несколько дней это окончательно выяснилось, когда вновь рассматривался вопрос о заведующем: «Принимая во внимание, что зав. Пушкинским Госзаповедником т. Павлов Ф. П. творит ненормальные выходы, как-то вторгается в школы 1-й ступени и преподаёт духовное пение ученикам без разрешения заведующих школ; до фанатизма заразился религиозными чувствами, окружающему населению и служащим развез больше 10 (из хозяйственного отдела) елок на религиозное празднование Рождества, нарубив их в Госзаповеднике; загонял окончательно лошадей по ночным беспорядочным поездкам; загонял окончательно лошадей по ночным беспорядочным поездкам и ятим самым окончательно оставил хозяйство без надзора, в силу чего хозяйство падает и в дальнейшем грозит развалом; хаотическое состояние отчетности подтвержденное специальным обследованием выделенной комиссией, копия акта которой при сем прилагается, со служащими заповедника отношения обострились до крайности, причем зав. Госзаповедником Павлов уже раз был помещен в психиатрическую лечебницу в г. Ленинграде, справка при сем прилагается, а поэтому Президиум РИКа постановил срочно возбудить ходатайство перед Псковским окрисполкомом об отстранении от должности зав. Пушкинским Госзаповедником т. Павлова Ф. П. и назначить другого».⁶⁸ (Орфография тех лет сохранена).

Дальнейшая судьба зав. Пушкинским заповедником Ф. П. Павлова неизвестна. Очевидно, он был репрессирован и стонул во мраке сталинских лагерей.

Пушкинский исполком изменил и свое отношение к постройкам на территории Святогорского монастыря и несмотря на свое решение от 25 декабря 1927 года о передаче Успенского собора в распоряжение Госзаповедника ходатайствует о разрешении его сноса.

Выписка из протокола № 44 заседания Президиума Пушкинского РИКа от 25—26 мая 1928 года:

«9. О церкви, находящейся на холме им. Пушкина. Принимая во внимание, что церковь, находящаяся в Пушкинских Горах на холме им. Пушкина с каждым годом разрушается и в данное время грозит развалом, могут причинить большие убытки, восстанавливать же ее нет никакой целесообразности, так как она для Главнауки не является особо исторической, да к тому же на ее восстановление пришлось бы затратить громадные средства, что противоречило бы и хозяйственной целесообразности. Ввиду этого Президиум РИКа ходатайствует перед Псковским окрисполкомом о выдаче ему разрешения на право разборки означенной церкви».⁶⁹

В ответ на это Главнаука Наркомпроса 16 августа 1928 года направил в Президиум Псковского окрисполкома следующее письмо:

«Ленинградская государственная реставрационная мастерская Главнауки считает необходимым отметить, что ходатайство Пушкинского РИКа о разрешении сноса церкви на Пушкинском холме совершенно необоснованно и изложенные им соображения могут лишь ввести в заблуждение лиц, незнакомых с действительным положением дел. Здание церкви вполне прочно и нигде не обнаруживает никаких признаков разрушения и грозящего развала».

Имеющиеся в двух местах трещины совершенно не имеют «серьезного значения» и находятся в стенах позднейших пристроек, каковые реставрационная мастерская предполагает снести. Что же касается главной части здания, построенного при Иоанне Грозном и Колокольни, построенной в нач. XIX века, то состояние таковых совершенно прочно и не вызывает

никаких опасений. К сожалению разобранный при утверждении антенны крыша на шпиле Колокольни местным РИКом не была заделана и, пропуская свободно дождевую воду, явилась причиной частичного загнивания строения, что легко может быть исправлено при ремонте крыши. Соображения об исторической малоценности здания совершенно отпадают, так как оно построено в 1571 году (1569г.) и архитектура его имеет отличительные признаки Псковского зодчества XVI в. чрезвычайно ценные в художественно-историческом отношении. Равным образом и Колокольня, построенная в 1822 году,⁷⁰ имеет свое особое художественно-историческое значение. Следовательно, снятие этих памятников с учета Главнауки невозможно. Хотя о спасении упомянутой церкви не может быть и речи. Но необходимо было бы принять во внимание и то, что могила Пушкина неразрывно связана с бывшей при ней монастырской церковью, что уничтожение последней совершенно разрушило бы тот художественный ансамбль и тот своеобразный характер этого Пушкинского уголка, который неразрывно связан с памятью о поэте и, наверное, встретит самые резкие возражения всего культурного мира». Следовательно, 18.VIII.1928 Наркомпросу даже в тех условиях удалось спасти от полного уничтожения Успенский собор.

В октябре 1927 года зав. Псковским Окроно Балакин направил в Президиум Псковского Окрисполкома докладную записку «Во время проведения Пушкинского районного съезда Советов я ознакомился с работой Пушкинского заповедника, который за 9 месяцев посетило 1618 человек. В число посетителей мы найдем: профессора, студента, рабочего и крестьянина. Количество экскурсантов в среднем составляет около 7 человек в день, но если принять во внимание, что большинство приезжих падает на летние месяцы, то количество приезжающих в день еще больше увеличивается. При таком наплыве совершенно отсутствует экскурсбаза, которая могла бы дать элементарные удобства для экскурсантов».⁷¹

В связи с этим Псковский Окрисполком просил Главнауку организовать в Пушкинском заповеднике экскурсионную базу и отпуске на эту цель средств. Увы! Экскурсионная база в заповеднике появилась лишь 8 лет спустя.

В это время публикуются многочисленные ходатайства и письма о желательности в целях спасения передачи заповедника Академии Наук.

Но, к сожалению, не удалось тогда организовать эту передачу, она была надолго отложена, что вскоре привело к новым бедам.

В октябре 1927 года состоялся расширенный пленум общества «Друзей Пушкинского заповедника», на котором выступил от заповедника испол. обязанности директора пушкинист П. М. Волков. Он говорил о положении в заповеднике, об охране сильно пострадавшего от бесхозяйственности парка Тригорского и организации экскурсионной базы на Ворониче.

Большое внимание собравшихся привлек и доклад В. Ф. Соловьева «О научном изучении Пушкинского заповедника». Он еще раз попытался поставить проблему на научную основу, акцент делался на тщательном изучении археологии местности, исторических документов, творчества поэта, ликвидации дурной театральной традиции в музейном деле. К сожалению, выводы Соловьева практически не учитывались в работе заповедника многие годы.

На этом пленуме членами правления общества «Друзей Пушкинского заповедника» избраны В. Ф. Соловьев и Т. В. Черепнина, П. М. Волков, став новым заведующим заповедника, приложил много усилий для пополнения экспонатами музей в Михайловском. В частности, удалось найти у

⁷⁰ По новейшим сведениям, найденным в Псковском архиве в 1992 г. И. Т. Будылиным, — в сер. XVIII века.

⁷¹ Докладная записка, зав. Псковским Окроно Балакина, 1927, октябрь.

⁶⁸ Протокол 44 РИКа.

⁶⁹ Там же.

местных жителей украденную во время пожара в Тригорском его курительную трубку.

Больше внимания стало уделяться сохранности могильных захоронений на Ворониче. Проволочной оградой были обнесены могилы Осиповых-Вульф, к сожалению, некоторые из них за годы революции оказались утраченными.

Нет сомнения, что П. М. Волков уже в те годы готовился к будущему восстановлению Тригорского. Для этого он скрупулезно изучает и собирает материал об истории усадьбы друзей Пушкина и просит Пушкинский Дом отобрать для музея в Михайловском картины известного художника В. Максимова, посвященные Тригорскому, портреты Александра Ивановича Тургенева, А. К. Пещурова, предков и родственников Пушкина, иллюстративный материал. Вместе с тем, необходимых средств не было, да и время для восстановления Тригорского, к сожалению, еще не пришло.

При поддержке Пушкинского Дома Волкову удалось через районный земельный отдел утвердить план расширения территории заповедника, включив туда земли за озером Маленец — «холм деснястый», Савинку Барку и земли по берегу озера Кучане до села Петровского, но практически эти земли заповедник получил гораздо позже.

Рассматриваемый период жизни (1927 г.) совпал с 90-летием со дня гибели поэта. Летом приезжала в Пушкинские места творческая группа ленинградской киностудии для съемки натурной съемки фильма «Поэт и царь». Отдельные эпизоды фильма (пейзажи) снимались непосредственно в Михайловском и являются документом своей эпохи.

Позднее режиссер В. Р. Гардин вспоминал:

«Втроем: я, оператор С. Беляев и художник А. Арапов проехали в село Михайловское. Долго ходили мы по пушкинским заповедным уголкам. Пытаясь увидеть чудесные пейзажи русской природы. Арапов писал пастельные этюды, Беляев делал фотоснимки...

На третий день нашего пребывания в селе Михайловском я тоже вооружился красками, кистями и не без провокационной цели вызвал Беляева на соревнование. К моему удовольствию Беляев согласился. И, как оказалось, рисовал вполне прилично, гораздо лучше, чем я мог предположить».⁷²

Поставленная режиссером В. Р. Гардиным совместно с Е. В. Червяковым кинокартина вызвала противоречивые отклики, отрицательно отнесся к ней В. Маяковский. Но сейчас ее значение мы видим в том, что она активно продолжила развитие образа Пушкина в кино, начатое кинематографистами еще до революции. К сожалению, образ поэта не нашел достойного воплощения в отечественном кинематографе и сегодня. Эту вершину еще предстоит «взять» нашим деятелям кино. За последние годы мы видели на экране многих представителей мировой культуры (Шекспир, Вольтер, Моцарт и т. д.) но, увы, среди них нет Пушкина. Недавно режиссер М. Хуциев, 20 лет работавший над подготовкой постановки фильма «Пушкин», пробовал снять кинокартину о поэте, используя хрестоматийный материал, но по разным причинам замысел не был воплощен в жизнь (остался лишь сценарий кинокартины). И поэтому к проблеме образа Пушкина в кино, очевидно, в ближайшие годы еще предстоит вернуться.

Итак, 1927 год... В фильме «Поэт и царь» в главной роли снялся артист и режиссер Евгений Червяков, обладавший удивительным портретным сходством с Пушкиным. Ему удалось создать запоминающийся лирический

⁷² В. Р. Гардин «Воспоминания» т. II, Госкиноиздат. М. 1952 г. стр. 38—39.

Примечание: Первым фильмом (1914 г.) о поэте был фильм режиссера В. Гончарова «Жизнь и смерть Пушкина». В главной роли снялся актер В. Кривцов.

образ поэта. Червяков «нашел в своем изображении захватывающую силу для сцены дуэли и трогательную волнующую простоту в сцене смерти. Однако в целом фильму получился слабый, мелодраматический, но сыгравший роль в развитии образа поэта и оставивший заметный след в кинематографии.

Кончалась одна эпоха и подходил к концу НЭП. Прежде чем проститься с далекими двадцатыми годами, вспомним, как жили крестьяне тогда в пушкинских местах, то, что навсегда ушло и о чем можно в наши дни лишь прочитать в книгах.

В 1928 году было опубликовано интересное исследование В. И. Чернышева «Пушкинский уголок, его быт и предания»⁷³ которое сейчас известно лишь специалистам и труднодоступно, но, очевидно, оно будет интересно и неискушенному читателю. Осмелюсь привести из этой статьи некоторые наиболее интересные зарисовки и факты.

Начнем прежде всего с внешнего облика жителей Святых Гор в конце 20-х годов. В здешних местах обычная мужская одежда — рубаха с прямыми воротом, пояс, порты, на т. н. «лето» — оригинальный головной убор синего холста, зимой барашковая шапка, летом иногда соломенная шляпа, на ногах лапти или кожаные поршни.

Обычный женский головной убор старшего поколения — «сорока», она надевалась в первый раз после венчания и затем носилась постоянно. Считалось, что грех ходить без него.

На ногах котички, в виде туфель, плетенные из тонких веревок. На сенокосах работают босиком, идут в котиках, чтобы не было колко ногам.

На ярмарках настоящее море белых голов, так как женщины новизны белыми ситцевыми платками. Мужчины в одежде из дмотканной материи. В то время здесь еще можно было хорошо одеться с ног до головы, не имея ничего покупного, кроме шпоки и ножниц, используя только лес, занимавший бескрайние просторы песковой земли.

Разнообразный товар можно было купить на ярмарках, но покупатели обращали особое внимание на холст, колеса, сушеную рыбу, патоку (ее сливали святогорские ярмарки до самой войны), а также игрушки — кони и птицы, хлеб-цупиницу с мякиной и пиво из можжевельных ягод.

Самоваров в здешних местах было немного, так как чай почти не употреблялся или же приготавливался в горшках.

О чем только тогда не говорили на ярмарках!

Один из местных пророков вещал: «Будут у вас дороги прямые, а сучьи кривые, оскуют весь свет железом, пойдут огненные колесницы, буде огненная змея на столе сидеть, и народятся антихристы».

На ярмарках можно было узнать об обычаях местного населения и народных суевериях.

Здесь верили в силу трав, в так называемую сумасшедшую траву. Накануне Иванова дня возили по улице борону, чтобы уничтожить действие колдунов, а весной перед девятником (девятая пятница после пасхи), обливали людей водой, чтобы их корова была молочной.

Когда по первому снегу сожнут, садились есть яйца. Говорили: дай бог и нам таким крутеньким быть, как это яичко.

Во время жатвы девушки гадали. Бросали серп, покрутив вокруг головы. Куда он упадет, туда девушка замуж выйдет. Представляли ужа в виде домового, который связывает гнезда в избах. Говорили, что домовый жил в доме в Михайловском. Верили в русалок и показывали место, где Пушкин видел во ржи простоволосую русалку.

⁷³ В. И. Чернышев «Пушкинский уголок, его быт и предания», 1928.

А один солдат уверял собравшихся, что «была у него в руках цедая книга Пушкина, его собственное «ракаписание» (рукопись).

Так писал В. И. Чернышев в 1928 году.⁷⁴

...И все это ушло безвозвратно в прошлое. Положительные события в заповеднике в конце двадцатых годов были недолгими, само время им не благоприятствовало.

1929-й — год «великого перелома» был и годом начала катастрофы краеведческого движения в стране. Одним из последних исследований Общества краеведения была статья академика Сергея Федоровича Платонова «Далекое прошлое пушкинского уголка». В августе 1929 года появились сообщения о работе комиссии по чистке, как тогда называли, Академии Наук. Особым гонениям подверглись гуманитарии, в том числе в учреждениях, возглавлявшихся С. Ф. Платоновым. Академика и его окружение обвинили в создании «монархической контрреволюционной организации правительства «Платонова — Тарле».*

В качестве филиалов организации включили провинциальные отделения Центрального бюро краеведения (отделений было 2 тыс. с общим числом членов 50 тыс. человек). Начинаясь в феврале-марте 1930 года аресты краеведов по всей стране. Платонов и другие арестованные академики были исключены из Академии Наук. А осенью Сергея Федоровича сослали в Самару, где вскоре он и умер.

Репрессии продолжались. Члены президиума Центрального бюро краеведения Сергей Федорович Ольденбург, Вениамин Петрович Семенов-Тяньшанский, Николай Васильевич Измайлов и Михаил Дмитриевич Беллев зав. музеем Пушкинского Дома — много внимания уделявшие Пушкинскому заповеднику, также подверглись репрессиям. В знак протеста президиум Академии Наук А. П. Карпинский подал в отставку, но А. В. Луначарский уговорил его остаться.

В эти годы искусственно раздувалась борьба и краеведов между «производственными» и «историко-культурными» направлениями. Первое из них настаивавшее на полном подчинении задачи изучения края «нуждам социалистического строительства», победило в начале 30-х годов, после массовых арестов и ссылки на Соловецкие острова многих краеведов.

Среди арестованных был известный краевед Николай Павлович Анциферов, научный сотрудник экскурсионно-справочной службы ЦБК. В заключении, находясь в одиночке, он написал на окне стихи В. Соловьева:

«Смерть и время царят на земле,
Ты владыками их не зови.
Все, кружась, исчезают во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви».⁷⁵

В эти суровые и горькие 1929 — 1933 годы пресса практически перестает писать о заповеднике. Ушел из заповедника, не выдержав общей гнетущей атмосферы П. М. Волков. Его судьба также трагически неизвестна.

Страшная ломка в стране, коллективизация, индустриализация, «пятилетка безбожия», организованный голод в некоторых областях и многие другие государственные «преобразования» — катастрофически сказались на судьбе заповедника. Он влачил жалкое существование. Главное для его работников — физически выжить, не умереть от голода.

В заповеднике вновь стали распоряжаться сельскохозяйственные арте-

⁷⁴ С. Ф. Платонов, Далекое прошлое пушкинского уголка. Л., 1937. Изд. автора.

⁷⁵ В. Соловьев, Сочинения в 2 т. Т. 1. С. 34.

ли. Один из свиарников выстроили вблизи фундамента дома поэта, на усадьбе паслось стадо коров и свиней. Вспоминая об этом, некоторые местные жители говорили страшные слова «свиньи съели Пушкина».

Почти не осталось документов о бесконечных изменениях судьбы заповедника, однако, но ужасает драматическая хронология его передачи из одной системы в другую.

В 1932 году заповедником владеет музей социалистической реконструкции сельского хозяйства, заплативший за это Леноблсовету 10 тысяч рублей.

Через год этот музей продает заповедник артели «Красный партизан»

Всего несколько лет тому назад мы почти ничего не знали об одном из самых трагических периодов начала 30-х годов. Это было время когда лишь изредка сивоз барабанный бой и демагогию пробивалась правда. Характерна в этой связи информация на пушкинскую тему о музее Поэта на Мойке, 12, претерпевшем многие испытания. И вот новые испытания. В прессе появилось сообщение:

«Музей Пушкина изуродован. От него осталось 3 комнаты, а три другие почему-то объявлены не мемориальными».

Академии Наук оказалось немоготу платить 77 руб. за квартиру, где умер Пушкин. Президиум Академии постановил отказаться от непосильных для ее бюджета комнат и туда въехали научный работник Академии с женой и сыном».⁷⁶

Так начинались 30-е годы. Был прекращен НЭП.

Тюрьмы и колонии беспрерывно пополняются заключенными.

Страшный голод унес тысячи человеческих жизней. В данных условиях трудно было сохранять культуру. Наследие наших предков. Поэтому несколько лет Пушкинский заповедник на Псковской земле был фактически закрыт.

Вместе с тем, в эти годы происходят события, которые тогда не сказывались на положении заповедника, но через несколько лет именно они стали определять его судьбу.

Так, в начале 1930 года в Пушкинском районе вышел первый номер районной газеты «Пушкинский колхозник». Газета выходила каждые девять дней. Создание газеты произошло по инициативе московских рабочих и организаций, приславших в район типографию для издания районной газеты. Первым ее редактором был Лысов.

Однако в начале своего существования газета «Пушкинский колхозник», которая через несколько лет будет играть особую роль в пропаганде деятельности заповедника, практически не уделяла внимания его работе и трагическому положению, в котором он оказался. Впрочем, в те годы немногие осознавали весь ужас существования. Все это весьма характерно для отношения бюрократической системы к духовной культуре и истории Отечества.

В течение ряда лет общество «Друзей Пушкинского заповедника» оставалось единственной реальной общественной силой, на которую могли рассчитывать все, кому был дорог заповедник. Оно развернуло активную просветительную деятельность в Ленинграде и Пскове с целью показать органическую связь творчества Пушкина с современностью.

Большое внимание слушателей привлекли лекции 2 января 1930 года известного пушкиниста П. Е. Щеголева «Как изучалась биография Пушкина» и Н. В. Преображенского «Литературная экскурсия в Пушкинский заповедник», а также многочисленные яркие выступления В. Ф. Соловьева, В. М. Федорова, П. М. Волкова и других членов общества. Они делали все,

⁷⁶ «Красная газета». Вечерний выпуск, 1931 г. 30 января.

чтобы утвердить значение Пушкина для современности и необходимость заповедника как важнейшей духовной силы в борьбе за гуманизм. В 1930 году общество «Друзей Пушкинского заповедника» впервые специально провело в Михайловском свои заседания. Там были намечены меры по стабилизации положения в заповеднике.

Вместе с тем, в этот период заповедником руководили люди, присланные для помощи труженикам села с ленинградских предприятий.

В письме, упоминаемом в рассказе о дореволюционном периоде Пушкинского уголка Александра Ивановна Киртовская пишет:

«Второй раз я приехала в Михайловское в 30-е годы. Там было организовано подсобное хозяйство одного ленинградского завода. Муж был направлен туда работать как специалист-агроном. Музей поэта находился на месте теперешнего амбара, слева от выхода из еловой аллеи в центр усадьбы. Этим музеем я временно и заведовала, являясь его единственным работником. Групповых экскурсий тогда не было. Иногда приезжали одиночки из Ленинграда. Описываю Михайловское в то время: музей, как и уже писала, находился в доме, на месте которого сейчас построен амбар, в центре усадьбы большой цветник, окружающий развесистое дерево, домик няни, дом, в котором в 14-ом году жили поэтессы, и дом для рабочих, где сейчас находится квартира Гейченко. На берегу Сороты находился погреб-ледник, а дальше, где ныне проводят Пушкинские дни, на поляне была метеорологическая станция.

Посещений музея было мало. В выходные дни молодежь окрестных деревень устраивала гуляние с гармониями. Они вели себя очень культурно. Заведовала музеем я меньше года, после меня была прислана новая сотрудница, звали ее Зиной, а как дальше не помню. В конце 34-го — начале 35-го произошло отделение Михайловского от хозяйства и переименование его в Государственный заповедник. А хозяйство переведено в Савкино. Приехал новый директор заповедника Артюшевский и музейный работник Пацко. В это время началась вражда между хозяйством и заповедником. Скоро я уехала из Савкина, так как мужа перевели на другую работу».⁷⁷

Члены Пушкинского общества активно проводили исследовательскую работу. Среди них был и известный пушкинист Д. Якубович. 18 февраля 1932 г. он получил от бывшего начальника штаба Башкирской дивизии Загида Хеджаевича Гареева письмо о том, как в 1920 году красноармейцами был восстановлен домик няни, подтвердивший легенду о храброе командире, спасшем легендарную постройку. Такие документы имели большое значение для утверждения роли заповедника в современной истории.

Нельзя не вспомнить, что в наше время Пушкинское Общество воссоздано вновь, после перерыва с 1952 по 1990 гг., но избраны в его правление известные пожилые люди для представительства, и мало конкретно делают члены общества для заповедника, и общество никак не влияет на положение в нем. Какой разительный контраст по сравнению с тем, что было тогда!

В 1933 году артель «Красный партизан» продала Пушкинский заповедник типографии им. Лоханкова уже за 240 тысяч рублей. Типография организовала совхоз, который создал так называемую показательную ферму в Михайловском и свиноводник рядом с Сазкиной Горкой.

Продолжалась вырубка парков и окрестных лесов. Работники совхоза, возможно, из лучших побуждений в связи с предстоящим юбилеем поэта, посадили перед домом няни 100 лип, очевидно, основательно испортив классический пушкинский пейзаж. Вскоре их пришлось выкорчевывать.

Безобразное хозяйствование совхоза в заповеднике привело к еще более

⁷⁷ Личный архив автора.

катастрофическому общественно-культурному и экономическому положению. Пушкинское общество подняло тревогу.

Однажды группа иностранных туристов на правительственном приеме в Москве задала вопрос о предстоящем столетии со дня смерти А. С. Пушкина и обратила внимание на крайне бедственное положение Пушкинского заповедника. Стали думать, что же делать в данной ситуации. Ленинградский обком рабоче-крестьянской инспекции предложил передать заповедник безвозмездно в ведение АН СССР.

Осенью 1933 года была оформлена передача заповедника Академии Наук, которая поручила институту русской литературы (ИРЛИ) привести достойное его состояние, так как он к тому времени находился в самом неприглядном виде. Оставшиеся после пожара служебные постройки заповедника занимали рабочие совхоза, на усадьбе гуляли коровы и свиньи, парки были крайне запущены. Охраняемая территория к этому периоду сократилась с 400 гектаров до 250-ти.

Вместе с тем, Лениноблисполком принял «Соломоново» решение, решив оставить все пахотные и сенокосные земли у совхоза типографии им. Лоханкова, что вскоре стало вызывать столкновения между заповедником и рабочими. И все-таки заповедник жил надеждами на лучшее.

В 1934 году член общества «Друзей Пушкинского заповедника» Наталья Леонидовна Пацко сделала опись библиотеки и помогла заново организовать экспозицию музея в Михайловском. Удалось добиться ставки двух музейных работников и пригласить для работы экскурсоводами двух студентов, которые также чистили сад и парк Тригорского, так как к этому времени в запущенном старинном парке совершенно разрушилась система парковых прудов.

Постоянно читались лекции о Пушкине для крестьян окрестных деревень. А в ноябре 1931 года в Ленинграде обсуждался проект создания большого культурного центра в Михайловском.⁷⁸ Общество «Друзей Пушкинского заповедника» было реальной общественной силой, где не только говорили, но и многое делали.

16 октября 1931 года на его базе была создана в Ленинграде новая большая организация «Пушкинское общество», которое возглавил академик Н. С. Державин. Первое заседание проходило в декабре того же года.

11 февраля 1934 года был утвержден его устав, а в 1937 году оно было преобразовано во Всесоюзное Пушкинское общество и развернуло работу по всей стране. В результате миллионы людей приобщились к творчеству поэта. Трудно перечислить все, что было сделано.

К середине 1934 года с большими трудностями удалось преодолеть общественно-политический кризис в стране, ликвидировать голод в ряде районов. Ставился вопрос об отмене продовольственных карточек с 1-го июля 1935 года. Составивший XVII съезд партии прошел как съезд «победителя».

Новая противоречивая обстановка требовала и нового отношения к культуре, к наследию предков, к использованию его в интересах социализма.

В связи с этим появились и условия для открытия Пушкинского музея в Михайловском. Пушкинский Дом как всегда оказал Заповеднику большую помощь.

В июле 1934 года газета «Известия» писала: «В селе Михайловском, где некогда жил великий поэт на днях открылся Пушкинский музей. Институт русской литературы выделил из своих фондов для музея 400 экспонатов...»

Одновременно начаты работы по реставрации памятника на мог. Пушкина».⁷⁹

⁷⁸ Проект создания культурного центра в Михайловском, 1931 г.

⁷⁹ «Известия», 1934, № 188.

Начинался новый, весьма важный этап жизни заповедника. Однако мало кто предполагал, что эта жизнь будет такой неоднозначной, такой противоречивой!

VII. ЗВЕЗДА ПЛЕНИТЕЛЬНОГО СЧАСТЬЯ

С. А. Семенов

«... Не для житейского волнения
Не для корысти, не для битв.
Мы рождены для вдохновения
Для звуков сладких и молитв».

Неожиданно происходят перемены в судьбе Пушкинского заповедника. В 1934 году приходят другие хозяева. Поселок Пушкинские Горы переходит в Калининскую (Тверскую) область.

Наконец удалось избавиться от власти совхоза им. Лоханкова.

Но главное событие произошло летом. 8 июля 1934 года после многолетнего забвения и серьезной реконструкции в Михайловском служебном флигеле вновь был открыт музей. Весьма скромный, но крайне необходимый. Нужно отдать должное неутомимой энергии Натальи Леонидовны Пацко, которая так много сделала для приведения в порядок флигеля и оформления новой экспозиции музея. С этого момента она становится исполняющей обязанности директора заповедника.

Ну, а гости... словно за много лет соскучились они по пушкинским местам. Только за июль музей посетило более 900 человек. И что интересно — сразу же появились после 10 лет перерыва иностранные туристы из Финляндии, Франции, Японии.

В новых условиях и сотрудники Пушкинского Дома также решали ответственные задачи. Его директор — известный политический и общественный деятель Лев Борисович Камeneв, руководивший в то время изданием классических произведений — решил с целью оказания помощи заповеднику лично осмотреть пушкинские места.

В заповедник комиссия Пушкинского Дома прибыла в конце июля 1934 года с целью на месте ознакомиться с положением дел, наметить конкретные меры по восстановлению на старом фундаменте пушкинского дома музейного здания.

Из института русской литературы Камeneв привез авторитетных специалистов по пушкинской эпохе. Среди них был Ю. Г. Оксман, помощник директора. Лекции его пользовались огромным успехом в молодежных аудиториях, вызывая интерес общественности. Члены комиссии прекрасно понимали, что всеобщему падению культуры, одичанию должна быть альтернатива — в том числе Возрождение пушкинских мест.

На проведенном совещании⁸⁰ была намечена обширная программа работ в связи с приближающейся датой — 100-летием со дня гибели А. С. Пушкина. К сожалению, об этом совещании сохранилось весьма мало документов. И каждый из нас дал бы многое, чтобы узнать побольше о нем, о тех вопросах, которые тогда обсуждались. Ведь это событие — начало отсчета новой истории заповедника на научной основе.

Однако известно, что на совещании обсуждалась идея нового здания пушкинского музея на фундаменте старого дома, который к тому времени весьма запущен и потому необходимо было определить его состояние, а также проект восстанавливаемого дома поэта и общие идеи будущей экспозиции.

Ставилась задача восстановления в ближайшем будущем дома Осипо-

вых-Вульф в Тригорском. Заповедник мыслился как крупный туристский центр международного значения, поэтому предполагалось строительство гостиницы для иностранных туристов и современной экскурсионной базы, то есть решение тех вопросов, которые стоят в повестке дня в наше время спустя более полувека. Люди той эпохи имели способность смотреть далеко вперед.

Конечно, никто тогда не мог предположить, что всего через несколько месяцев Лев Борисович будет как оппозиционер обвинен в заговоре, арестован и осужден, затем вновь был подвергнут судебному фарсу и расстрелян. Его постарались оболгать и вычеркнуть из истории, так же как имя известного пушкиниста Ю. Г. Оксмана и многих других. Но их идеи воссоздания заповедника вскоре начнут воплощаться в делах их последователей.

Первым среди них был писатель Сергей Александрович Семенов, с его именем связано начало возрождения заповедника, его восхождение к Пушкину. Семенов отлично знал пушкинские места, так как много лет осенью приезжал на Воронич, снимал избу в деревне и работал напряженно над своими произведениями.

Опыт организационной и литературной работы у него был немалый, и писателем Семенов был в то время популярным. Роман «Голод» отмеченный А. М. Горьким, многие читали, а главы нового романа, написанного на Ворониче, «Наталья Тархова» Семенов сам читал местным жителям, его жена актриса Наталия Волотова также исполняла сцены из пьесы «Не сдвинемся!».

Он передал в 1926 году в Пушкинский Дом бархатный жилет Пушкина от крестьянина Евгения Иванова, как писал Семенов, «живущего около Тригорского на хуторе, а тот, в свою очередь, от сына камердинера Пушкина, живущего около Михайловского». Вещь хранилась в семье как реликвия».

Сергей Александрович Семенов был человеком ярким, интересным и в литературных кругах авторитетным, о нем Горький писал Р. Роллану. Будучи редактором журнала «Новш», он сумел сплотить вокруг себя многих замечательных писателей, оказал им поддержку и среди прочих выделил молодой талант Аркадия Гайдара.

Очевидно, поэтому Камeneв пригласил его на работу в заповедник, а до этого Семенов участвовал в трех экспедициях на Крайнем Севере, писал об эпопее «Челюскина», в БДТ знаменитый актер В. Монахов в этой пьесе играл роль О. Ю. Шмидта.

Из беседы исследователя жизни писателя, калининградского инженера Ф. З. Кичатова с женой писателя:

«С одной из фотографий на меня смотрит молодой человек с кургузой форменной фуражкой на голове.

— Это Сережа в форме курсанта первых военно-инженерных курсов. Он ведь после этих курсов воевал на Восточном фронте. Потом вернулся раненым и контуженным. Это было в начале 1921 года. А тут Кронштадский мятеж начался. Опять пришлось идти в атаку. Лед то был замширован. Вот он и угодил в одну из мин. Получил крупозное воспаление.

— А как он в Пушкинский заповедник попал?

— Это история длинная. Где он только после коммиссии не работал... Голодал, недосыпал. Тогда же стал писать. Писал о том, что видел. Романы были мрачными. Жизнь была такой. А Пушкин — это для него был идол, святой идол. Вот он и повадился ездить в пушкинские места. Там, говорит, легче пишется.

— Как же он очутился в Михайловском? — Это все Горький. Он знал

⁸⁰ «Смена», 1934, июль. № 15, С. 4.

его с первых публикаций. К тому же Сережа отличился: жилетку Пушкина нашел»⁸¹

Приехав в заповедник, Семенов быстро с помощью Пацко разобрался в его проблемах. Самая важная из них — где взять деньги, нужна была крупная сумма. Незадолго до этих событий А. М. Горький стал руководителем Союза писателей СССР и писатели собирались у него в домашнем кругу. В этих встречах участвовал и Семенов.

Разобравшись в делах, увидя катастрофическое положение в заповеднике, Семенов понял, что только Горький как руководитель Союза писателей может ему помочь. И он едет в Москву к Горькому. Просит помочь. Горький разволновался, написал письмо в Калининский облисполком, где поднял вопрос о судьбе пушкинских мест. В ответ на него секретарь Калининского обкома партии Макарьев добился выделения для нужд заповедника 15 тысяч рублей, все что областные власти смогли выделить из своего скромного бюджета.

Однако этих денег хватило лишь на текущие расходы, необходима была широкая правительственная помощь. Все ближе был юбилей Пушкина и для его проведения требовалось найти не менее 100 тысяч рублей. Взяв за основу план, разработанный Каменевым и Оксманом, директор неоднократно обращался с письмами о помощи к видным деятелям государства, влияющих на решение экономических проблем заповедника: А. Щербакову, К. Ворошилову, А. Бубнову и академику А. Орлову.

Долгое время все было безрезультатно.

В целях экономии средств пришлось отказаться от приема интуристов, тем более, что заповедник не мог в те годы гарантировать питание и его нужно было привозить с собой. Соседний совхоз постоянно вмешивался и чинил всякие препятствия.

Отчаяние чувствуется в письме к наркому просвещения А. С. Бубнову. Семенов писал: «Моя записка не имела никаких результатов. Совхоз по-прежнему хозяйничает на территории заповедника и развитие подготовки (к юбилею) не подвинулось никак». Только обращение в связи с юбилеем А. С. Пушкина деятелей культуры Запада к Сталину в конце концов помогло решить некоторые проблемы экономики.

Активную помощь в работе оказывала директору Наталья Леонидовна Пацко. Экскурсоводы вспоминают, что она обладала мужским характером и решительностью, была страшная в гневе. Пацко отстаивала интересы заповедника, когда рабочие совхоза караулили работников заповедника и составляли на них акт о всевозможных нарушениях.

Прежде всего Пацко уделяет внимание состоянию Святогорского монастыря, сознавая его особую духовную роль в этих местах. 24 февраля 1935 года она пишет в Пушкинский Дом: «Могила в полном порядке, но собор в ужасном виде, обвалы продолжают и могила все время под угрозой. Об этом я написала Ф. Жону подробную объяснительную записку. О переписке надо чтобы знали и нынешние владельцы Святогорского монастыря, в ней историческая правда.

Пацко обнаружила, что текст на могилах Ганнибалов забит новым, окраска решетки (ограды) могилы ярко-зеленая, и приняла меры к устранению этих досадных недостатков.

Силами рабочих заповедника провели обследование Михайловского парка, в результате установили серьезное поражение еловой аллеи короедом, зарастание других аллей.

Вместе с тем, специалисты признали, что Пацко и работники заповедни-

⁸¹ Архив Ф. З. Кичатова (Калининград);

ка за несколько лет вырастили прекрасный фруктовый сад, где много сохранилось старинных пушкинских деревьев и объявили этот сад лучшим в районе.

Для восстановления парков необходимы были консультации специалистов. По просьбе Семенова, в заповедник прибыл известный специалист лесопаркового хозяйства и архитектор Константин Константинович Романов. Авторитет этого замечательного человека, энциклопедиста своего времени, был очень высок.*

В Пушкинском уголке К. К. Романов впервые был в начале 20-х годов. Руководил подъемом сброшенного с обрыва памятника А. С. Пушкину. Автор руководства по курсу истории архитектуры.

Вновь приехав в заповедник, особое внимание Романов уделил фундаменту строений. Необходимо было определить его состояние и возможность восстановления Дома поэта. В результате его тщательных исследований, Романов установил, что возможность такая имеется.

Дом был 8+6 сажен размерами из 6 комнат, в нем имелось 6 печей, 20 дверей (очевидно перегородки) и 14 окон. Эти исследования весьма точные и необычайно ценные пригодились не только в 1936 году, но и были использованы после войны для восстановления пушкинского дома.

В своей докладной в Пушкинский Дом профессор Романов писал, что нет документальных доказательств, что Домик няни это «банька», он «не совсем ясен». Обследовав парк Михайловского, он отметил, что «в парке ряд березовых аллей и одна липовая», что произошло залесение участков заповедника, многие участки лесопарка заросли елью, погубив другие деревья⁸²

А между тем, летом 1935 года, после многолетнего перерыва в заповеднике состоялся пушкинский праздник.

Илеюги страны уже тогда, когда начались массовые репрессии, решили использовать предстоящий юбилей Пушкина в конъюнктурных целях строительством того социализма, каким они его представляли в 30-е годы.

В переловой статье «Великий русский поэт» газета «Правда» писала: «От Пушкина ведут свою родословную лучшие наши поэты. А о значении лучшего поэта нашей советской эпохи, о значении Маяковского сказал недавно товарищ Сталин: «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи. Безразличие к его памяти и его произведениям — преступление». Эти слова о Маяковском на высочайшую ступень подняли вопрос о значении нашей поэзии, и постановление ЦИК СССР о Пушкинском комитете продолжило линию, указанную в словах тов. Сталина»⁸³

В Пушкинский комитет вошли А. М. Горький (председатель), А. С. Бубнов, А. С. Щербаков (зам. председателя) и 48 членов комитета, в том числе Н. И. Бухарин, К. С. Станиславский, В. И. Немирович-Данченко, В. Э. Мейерхольд. Многие из них выполняли чисто представительские функции. Вместе с тем, создание Пушкинского комитета и проведение юбилея поэта имело серьезное воспитательное значение для миллионов приобщаемых к классическим произведениям людей, для роста их духовного потенциала.

* Историческая справка. К. К. Романов родился в 1882 году. Окончил в 1909 году Училище Штиглица, ему было присвоено звание художника-архитектора. Работал в Археологическом институте, Академии художеств, Русском музее, 25 научных работ. В 1910 году ему присвоена серебряная медаль Русского Археологического общества. В Советский период поставлено на вид за напечатание научной статьи в Пражском издании.

⁸² Пушкинский колхозник, 1935, июль.

⁸³ «Великий русский поэт». «Правда», 1936, 17 декабря.

Сейчас это актуально. Ведь приближается 200-летие со дня рождения великого сына России. Готовясь к юбилею, мы пытаемся провести духовную миссию Возрождения нравственности.

И здесь, наряду с другими факторами, в нравственном очищении душ должна вновь, как и в 30-е годы, сыграть благотворительную роль своя земля поэта.

Я с детства верил, что судьбой
Мне, как и всем, назначен срок
Свиданья первого с тобой,
Земли заветный уголок.

И вот иду я темным бором,
Стою над сзетлою водой
Брожу по тропам, по которым
Бродил изгнанник молодой...

Все те же рощи, те же скаты,
Все те же взмахи птичьих крыл,
И тот же ветер, что когда-то
Его крылатку шевелил.

Стою под нековою сенью,
Как будто с ним наедине.
И нелегко решиться мне
Прочесть свое стихотворение.

Пусть эти строки от души я
Сложил, но как звучать им тут,
Где Пушкин произнес впервые
Слова, что нас глаголом жгут.

Петрусь Бровик.

К празднику готовились долго. Правительство, наконец, выделило значительные средства. Для многочисленных гостей были арендованы частные дома поселка, в деревне Воронич удалось открыть в бывшем доме священника отца Владимира скромную экскурсионную базу на 15 человек, а в деревне Зимари была организована база Ленгоруно, о которой еще вспомним.

Провели реконструкцию Михайловских рощ. Старинная пушкинская дорога от деревни Бугрово раньше проходила значительно западнее через Долгую пустошь в район трех сосен, к месту быв. деревни Рысцово, была более протяженна и неудобна для экскурсий. Для приехавших проложили прямую дорогу от реки Луговки к еловой аллее в Михайловском.

Среди гостей заповедника были известные пушкинисты Г. А. Гуковский, Д. П. Якубович, Б. Л. Молдазевский, С. Я. Гессен, ученый секретарь Пушкинского Дома В. В. Гиппиус.

Приехавший на праздник писатель Ю. Тынянов отмечал: «По Михайловскому, Тригорскому, Пушкинским Горам ходишь так, как будто читаешь стихи Пушкина в их первом, самом еще неясном виде, еще до того, как они были записаны им.

Эти места, где он жил, где похоронен, стали неотделимы от него, от его жизни, его стихов и прозы.

Тем, кто занял мыслью о Пушкине, его судьбе и значении, эти места говорят больше, чем многие книги, написанные о поэте».

В это время Н. А. Пацко поднимает вопрос о массовом изучении наследия А. С. Пушкина: «Мы должны добиться, чтобы каждый колхозник к 1937 году, к 100-летию его гибели прочел все его произведения». С этой целью

работники заповедника стали проводить в газете «Пушкинский колхозник» викторины. Они состояли из 5 вопросов и периодически публиковались в газете. Первая викторина состояла из следующих вопросов:

1. Когда и где родился Пушкин?
2. Назовите имя и отчество отца и матери Пушкина.
3. Где находятся могилы отца, матери, деда и бабушки Пушкина?
4. Где учился Пушкин?
5. Кто из лицейских товарищей посетил Пушкина в ссылке?

На наш сегодняшний взгляд вопросы весьма простые, но не забудем о почти полной неосведомленности жителей поселка того времени.

Участники торжественного собрания, посвященного пушкинской дате в соответствии с традицией того времени послали приветственные телеграммы Сталину, Горькому, Карпинскому, руководителям Калининской области.

Интересно в связи с вышеизложенным отметить, что в отчетном докладе на IX райпартконференции (секретарь А. Сахаров) было указано на низкий культурный уровень в районе, так, например, 30% учителей не имело семилетнего образования и следовательно имелась питательная почва для развития негативного влияния на население.

Вскоре после праздника 29 июня 1935 года впервые в заповедник приезжает ученый секретарь Пушкинского Дома Василий Захарович Голубев. Библиотека ИРЛИ препровождает с ним в музей заповедника пожертвование покойной В. В. Тимофеевой-Починковской — сочинения Пушкина в 5 томах, издание Брокгауза и Эфрона, ее прощальный привет Пушкинскому заповеднику, как бы путевка в заповедник будущему директору.

В это время Семенов составил смету проведения предстоящих юбилейных мероприятий, которая явилась основой работы на несколько лет.

С учетом этой сметы Семенов и Пацко разработали план мероприятий к 100-летию гибели Пушкина. (К тому времени деньги для юбилея уже удалось получить). План предусматривал строительство ГЭС, постройку вокруг поселка кольцевого шоссе 10 км, постройку Дома культуры, гостиницы на 75 коек для пугурстов и посетителей, картинной галереи, экскурсионной базы в Дериглазове, установку в Михайловском памятника поэту, а в Тригорском приобретения дома (единственного сохранившегося частного дома крестьянина) Семена Осипова и посадку фруктового сада.

На совещании в дирекции заповедника, определили т. н. стратегические точки восстановления и наместили очередность необходимых мероприятий. («В первую очередь должен быть восстановлен Дом-музей А. С. Пушкина и ликвидирован свинарник у Савкиной Горки»). На основании итогов совещания Пушкинский Дом составил для Академии Наук докладную записку, которую подписал известный исследователь творчества Пушкина Д. Якубович.

Предполагалось выполнить основную задачу: дом Пушкина на основе известного рисунка И. Иванова восстановить — деревянный с соломенной крышей. Построить Дом отдыха АН в дер. Савкино на 75 человек, экскурсионную базу на 100 человек. Очевидно поэтому журналист Вл. Болдырев восторженно писал об «экскурсиях в недалеком будущем».

Уже в сентябре 1936 года Семенов и Пацко впервые разработали план музеефикации Петровского и направили его в Калининский облисполком. К сожалению, он в те годы не был реализован.

Но осенью произошло событие, серьезно осложнившее работу заповедника. Свободный выезд стал существовать лишь до станции Русаки. Вспомним, что в те годы искусно нагнеталась подозрительность.

И не случайно появились заметки типа заметки Масленникова, директора совхоза им. Халатова, «Зорко охранять Пушкинский заповедник» — о привилегированных вредителях.

По инициативе Семенова могильный холм был частично огорожен забо-

ром, расчищены некоторые дорожки в парках. Вместе с тем, работники заповедника получали от директора взыскание за спяние дерна в зеленом парковом зале Тригорского, нарушившее подлинный пейзаж. По этим же мотивам администрация боролась со строительством дома для метеорологических работников на будущей знаменитой поляне Михайловского. Пацко писала, что при строительстве дома нельзя было «не нарушить картины выезда» и предлагала найти место для него в стороне от главной дороги.

Вместе с тем, Семенова продолжала привлекать литературная работа, новые замыслы теснились в его голове, и часто он уединяется в окрестностях Михайловского.

Любил директор слушать легенды пушкинских мест. Так, Иван Иванович Иванов из деревни Бугрово говорил: «Пушкин писал стихи ногой, для того чтобы царь и господа не узнали его почерка».

По указанию Семенова в помощь кружкам колхозных пушкинистов был издан планат «Пушкин в Михайловском».

Ольга Владимировна Ломан, старейший, с 1932 года, экскурсовод заповедника, рассказывала, что порой Семенова было очень трудно найти: «Однажды он, возвращаясь поздно в контору заповедника, был полон творческих планов, а навстречу по лесной дороге шел красивый с военной выправкой мужчина. Поравнявшись с Семеновым, он спросил, как найти директора. Находясь как бы в другом мире, тот что-то неразумительно буркнул в ответ. Мужчина, пожав плечами, пошел дальше. Семенов через несколько шагов остановился и смущенно сказал: «Бродят тут... всякие... Ну и что же что маршал, ну и что же что Егоров!»

Авторитет знаменитого в то время маршала был очень высок. Его портреты имели повсюду, он находился в дружеских отношениях с Н. Л. Пацко, хлопотал о восстановлении всего, что связано с жизнью поэта. Очевидно, будучи в служебной командировке по укреплению границы (она проходила недалеко от Пскова), он заезжал в заповедник. Он не был исключением среди высшего командного состава, так же, как Тухачевский, маршал, обладал высокой культурой и интересом к творчеству Пушкина.

Порой пушкинские вечера в тридцатые годы заканчивались весьма своеобразно. Так, к примеру, в колхозе Чапаева крестьяне с восторгом слушали стихи поэта... и были простодушны в проявлении своих чувств. А закончилось все тем, что животновод Осип Ефимов громкогласно под аплодисменты провозгласил: «Да здравствует товарищ Пушкин!».

Время же было трагическое. После убийства С. М. Кирова в стране усилились массовые репрессии, были наряду с другими арестованы Л. Каменев и Ю. Оксман. Через год Каменева расстреляли. Оксман чудом выжил, через много лет, случайно выдержав все кошмары лагерей, работал в Саратовском университете.

Семенов решил хотя бы временно уехать на Крайний Север. Там еще можно было уйти в тень и среди вечных снегов затеряться. Так он и сделал. Много работал, а через несколько лет, когда все поутихло, вернулся в Ленинград в Пушкинский Дом, переписывался с новыми директорами.

Семенов оставил после себя творческий фундамент для дальнейшего восстановления заповедника. Это были подступы к восстановлению духовности на земле поэта, чрезвычайно ответственные шаги. Продолжили начатое дело уже другие.

Сергей Александрович Семенов, как личность, привлекает внимание и наших современников. Так, например, в Калининграде долгие годы Федор Зиновьевич Кичатов собирает материалы о нем, был знаком с его женой актрисой Волотовой, переписывается с родственниками.

В первые дни Великой Отечественной войны Семенов уходит на фронт. Умер он от брюшного тифа 12 января 1942 года на Волховском фронте, за-

щищая ленинградскую землю. Недалеко от седого Волхова Сергей Александрович нашел вечный покой. На последней фотографии Семеева — он на смертном одре. Истощенное лицо. Две ишталы в петлице. Два ордена: Трудового Красного Знамени и Красной Звезды. Ордена его необычные — один из первых. Один под номером 314, второй — 212. Первый он получил за участие в ледовом походе на ледоколе «Сибиряков», второй — за «Челюскин». Над могилкой писателя-поларника, пушкиниста и война прогремел официальный солдатский салют.⁸⁴

Сохраним же и мы добрую память об этом человеке! Он начал первым строительство заповедника в 30-е годы, проложил по целине дорогу в самое трудное время. Этим все сказано! **3**

2. В. М. Голубев.

«Поэт! Не дорожи любовью народной
Восторженных похвал пройдет
минутный шум:
Улыбнись! суд глупца и смех толпы
холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и
угрюм».

Между тем жизнь ставила задачу профессионального подхода к музейному делу, более глубокому изучению творчества поэта, тем более, что приближался юбилей.

8 декабря 1935 года уже в новом качестве вернулся в заповедник Василий Захарович Голубев, командированный Пушкинским Домом в заповедник на 2 месяца в качестве временно исполняющего обязанности директора, а вскоре он становится и директором. Ему было 33 года, высокий и красивый он всегда привлекал всеобщее внимание, происходил из крестьян-самородков, ученик профессора В. А. Десницкого, с которым Голубев постоянно спорил, он написал 14 научных работ, в том числе на пушкинскую тему «Пушкин в изображении Репина», «Пушкин в Михайловском» и другие.

Голубев стал первым профессиональным ученым со своей позицией в науке, пушкинистом нового поколения, занявший должность директора Пушкинского заповедника. И с первых дней активно включился в работу, создавая группу единомышленников.

Между тем обстановка в стране все более обострялась. Выскивали врагов народа, говорили повсюду о повышенной бдительности, продолжались политические процессы. Через несколько дней после прихода на работу Голубева зам. по хозяйству Р. К. Чирков делал на собрании доклад о выступлении Сталина на совещании комбайнеров Туркмении и Таджикистана. Доклад был типичен для того времени, и, наверно, заранее подготовлен спецорганами. Отмечалось, как положено, что необходимо повысить бдительность, что в заповеднике «ни малейшего понятия о самокритике, семейственности в штате».

В прениях говорили то же самое. Так, например, лесовед К. Афанасьев сказал: «Стало очевидным и необходимым снять с работы Пацко и ряд других лиц — соучастников создания нездоровой атмосферы в заповеднике». Через некоторое время Наталья Леонидовна была арестована, как участница заговора, во главе которого стояли высшие военные кадры: Тухачевский, Егоров и другие. С ними она и разделила участь многих.

Но планы, ею составленные, реализовывались многие годы.

Итак, строительство в заповеднике вступало в практическую стадию.

⁸⁴ Архив Ф. З. Кичатова (г. Калининград).

Через полгода, в Пушкинском Доме 16 июня состоялось совещание комиссии по обсуждению плана строительных работ. Председателем комиссии был академик А. С. Орлов, от музейного отдела — М. М. Калаушин, заведующий представлял В. З. Голубев. В докладе Н. К. Романова был проанализирован план строительства Дома музея, архивные документы, результаты раскопок фундамента.

Комиссия постановила: «на основании обследования К. К. Романовым сохранившегося фундамента дома Пушкина, не отличающегося по своему плану от старого подлинного «пушкинского фундамента», считать единственным правильным и возможным придерживаться при восстановлении дома Пушкина этого плана...»

...Считать необходимым в работе по восстановлению дома придерживаться литографии Александра по рисунку И. Иванова».

Пушкинский праздник 1936 года, в котором участвовало около 15 тысяч человек, проходил ярко и в то же время подтигизированно в соответствии с традициями и ложной патетикой того времени. Так, например, еловая аллея открывала галерею стахановцев и писателей. На лугах Сороти среди многочисленных гостей разместились колхозные тройки, так называемой «осоавнахимовской» кавалерии, отряд велосипедистов. Повсюду транспаранты «Жить стало лучше, жить стало веселее. И. В. Сталин», «Спасибо родному Сталину за хорошую жизнь!». Самолет разбрасывал листовки, а два речных парохода производили катание населения по реке Сороти.

Гвоздем программы была инсценировка повести «Дубровский» и встреча с героями пушкинских произведений. «Народным праздником» назвал пушкинорский журналист Баталев веселье на берегу Сороти напротив фундамента дома поэта.

А зимой этого же года в Москве по инициативе «Крестьянской газеты» состоялась **первая конференция пушкинских сел.**

Главная ее цель заключалась в том, чтобы сделать к юбилею поэта известные деревни: Михайловское, Б. Болдино, Каменку и некоторые другие образцовыми. На конференции выступил знаток пушкинской эпохи профессор М. А. Цявловский. Он прочитал доклад на тему «Пушкинские деревни сегодня» и, в частности, предостерег собравшихся «от слишком большого доверия ко всяким легендам о Пушкине, которые порой имеют ценность фольклора». ⁸⁵ Какое верное и актуальное предостережение!

Подводя итоги научного собрания фактов о пребывании Пушкина в Михайловской ссылке, Б. Л. Модзалевский поставил вопрос о публикации подлинных записей Д. А. Осиповой, архивов местных помещиков из усадеб пушкинской поры. Ученый рассказал о найденных им в Вороничском архиве рукописях А. С. Пушкина и его отца Сергея Львовича. В заключительном слове М. А. Цявловский сказал: «Прежде всего я хочу выразить пожелание, чтобы эта конференция не была последней». Увы! Вторая конференция пушкинских деревень до сих пор не состоялась, о чем мы не можем не пожалеть, а многие архивы пушкинской поры до сих пор не разобраны и хранят тайны (например, архив на английском и французском языках — А. И. Тургенева).

Пушкинские даты активизировали деятельность редколлегий газеты «Пушкинский колхозник», местную интеллигенцию. Среди материалов — статья пушкинистов Б. Томашевского «Пушкин в Михайловском», Л. Пушкинского «Литературное наследие Пушкина», «Наш Пушкин», И. Оксенова «Наследие Пушкина — в массы», М. Баталева «Прошлое пушкинских мест» и другие.

Ряд мер по улучшению культуры обслуживания принял весной 1936 года и райисполком: «об охране заповедника, его границах, открытии товар-

но-пассажирского движения от Дериглазовского моста ежедневно с 11 часов утра», а РК партии объявил 27 мая колхозным литературным. Решено было День Пушкина провести накануне пушкинской даты в каждом колхозе.

По инициативе Василия Захаровича Голубева с лета 1936 года стали ежегодно традиционными приезды на праздник в заповедник артистов, писателей. В том году вместе с артистами театра оперы и балета им. С. М. Кирова приехала весьма популярная в то время писательница Антонина Григорьевна Голубева, автор книги «Мальчик из Уржума», ставшая верной спутницей Василия Захаровича.

Особое внимание Голубев уделял созданию исторически достоверной экспозиции, с этой целью часть мебели доставлял из старинных усадеб, во временное пользование из Пушкинского Дома 4 вазы, бронзовые часы, скульптуры Забелло «Татьяна», «Наполеон». Шел поиск нового подхода к методике экскурсионной работы. С этой целью директор вновь летом 1936 года привлекает к экскурсиям опытного экскурсовода Ольгу Владимировну Ломан, а архитектор К. К. Романов становится официальным консультантом по восстановлению дома Пушкина.

Много внимания коллектив заповедника уделяет точному воссозданию по старинным планам первоначальной планировки Михайловского парка, посадке молодняка, лечению старых деревьев. Всего за короткое время было восстановлено 40 га михайловских рощ. Удалось реставрировать два прямоугольных пруда, определить местонахождение острова Уединения. Приступили к очистке озер Маленец и Кучаи, наконец начались ремонтные работы в Успенском соборе Святогорского монастыря и Тригорском парке.

Пушкинское общество в деревне Воронич, как уже отмечалось, приобрело дом священника и устроило экскурсионную базу, которой одно время заведовала старейший экскурсовод Л. Н. Назарова.

Голубев обходил все вокруг. Жил он вместе с женой на Ворониче, «домом счастья» называли дом, который они снимали. Его высокую фигуру можно было увидеть повсеместно в окрестностях Михайловского. Однажды кто-то рассказал об интересных крестах на могилах монахов старинного кладбища деревни Кириллово. До глубокой ночи бродил Василий Захарович на кладбище и нашел крест XVII века. К сожалению, это кладбище к нашим дням окончательно заросло и находится сейчас в заброшенном виде.

В статье «Из истории Пушкинской комиссии»^{*} Василий Захарович Голубев подвел итоги исследовательской работы за годы пребывания в заповеднике. В статье много внимания уделяется анализу геометрического плана 1786 года, состоянию михайловских рощ при Пушкине. По этому вопросу Голубев спорит с лесоведом Афанасьевым, советуется с завхозом Богдановым. Интересен и рассказ о том, как удалось обнаружить заросший остров Уединения в Михайловском парке. Тогда же Голубев публикует сообщения по истории пушкинских мест в журнале «Юный пролетарий», «Литературной газете» и ленинградской прессе, выстраивая систему исторических знаний.

И все-таки главная задача — восстановить мемориальный дом Пушкина. Смета его составила 87650 рублей. Проект был одобрен 22 августа 1936 года. Под руководством архитектора К. К. Романова, использовавшего архивные документы, описания пушкинской эпохи, бригада рабочих, трудясь по почам, возвела к осени деревянный дом, весьма похожий на зарисованный землемером И. Ивановым в 1838 году. Но случилось непредвиденное.

Неожиданно, когда работа была в разгаре, 13 сентября постройка дома была приостановлена. Никто ничего не мог понять, а 18 октября в заповедник прибывает комиссия во главе с наркомом просвещения А. С. Бубновым

^{*} Временник Пушкинской комиссии. 1941. № 6. М., «Академия наук».

⁸⁵ Крестьянская газета. 1936. 10 февраля.

п секретарем Пушкинского комитета Е. Ф. Розмирович (1886—1953).⁸⁶ Она была — до революции — секретарем заграничного бюро ЦК, большевистской фракции Государственной Думы, одно время личный секретарь В. И. Ленина, сотрудник журналов «Просвещение», «Работница», жена наркома юстиции Н. В. Крыленко, она репрессирована вместе с ним в начале 1938 года. Вскоре был репрессирован (По письму Н. К. Крупской Сталину) и нарком просвещения А. Бубнов.

Комиссия сразу же осудила намерение восстановить подлинный дом поэта и высказалась за создание музея с организацией широкой посещаемости. Розмирович неожиданно заявила Голубеву и Романову: «Дом должен иметь «современные формы», сделать его нужно специально для музея, необходима большая высота помещений... а такой музей строить стыдно... Нужно прорубить большие окна» и т. д.

Спорить в то время с влиятельной дамой было совершенно бесполезно, любой спор в тех условиях воспринимался как вражеская вылазка. Архитектор Романов пытался возразить, но его не слушали. В знак протеста Романов уехал, всю дорогу его мучили мрачные мысли о Михайловском. В Ленинграде с ним случился удар, и его репрессировали. Умер в 1943 году, очевидно, в заключении. Квартира с библиотекой были опечатаны.

А дом пришлось в срочном порядке перестраивать в «современных формах» и с железной крышей. Наконец, после многих мытарств в середине февраля строительство было завершено, а через несколько дней 18 февраля 1937 года Дом поэта был торжественно открыт, но недоделки исправляли долго. Это событие имело огромное общественное и историческое значение. Правда, построенное здание внешне похожее на речной вокзал, ничем не напоминало подлинный дом А. С. Пушкина и вызывало иронию у местных жителей.

Много споров вызывало, как ни странно, даже место, где был восстановлен этот дом. Тот факт, что долгое время не было вообще в Михайловском пушкинского дома вызывало множество этих пересудов. Местный житель пожилой крестьянин Алексеев, который к стати ездил в Москву на поэтические вечера, говорил: «Ведь дом Александра Сергеевича стоял вовсе не там, где ученые предполагают. Этот был подалее в плодовом саду, а уж Григорий Александрович построил новый в другом месте».

Рассказ об ошибке ученых можно услышать и в других колхозах. Этот дом, створевший много лет назад, и в самом деле не похож на другой, выстроенный после пожара сыном поэта. Живое воображение перенесло его в плодовый сад.

Алексеев помолчав, продолжал: «Я ведь еще застал сосну... «где в гору подымается дорога, изрытая дождями. Двух уж не было, а одна стояла вся в дуплах, кривая. Еще я залезал на нее мальчишкой, а николаевский солдат меня выпорол «Об этой сосне, говорит, Пушкин писал, а ты на нее лазил». Потом Григорий Александрович увез кусок ее на память».

Вспомним, что к пушкинскому юбилею готовилась вся страна, это был подлинный народный праздник. И он начался в заповеднике сразу же после встречи Нового 1937 года. После принятия Конституции СССР казалось, что он будет годом добра, справедливости, счастья, а оказался трагическим для миллионов жителей страны, и, в том числе, для многих пушкингорцев.

В январе писательница А. Г. Голубева выступила на вечере с чтением своих произведений, много говорили о предстоящих торжествах.

И они наступили в обстановке высокого духовного подъема, как кульминация многолетней проведенной работы. 10 февраля в 12 часов у стен Успенского собора Святогорского монастыря состоялся митинг. Он транслиро-

⁸⁶ Пушкинский колхозник. 1937. 10 января.

вался на всю страну 36 минут, что по тому времени было чрезвычайным событием. Затем — возложение венков. О значении Пушкина для народа говорил Василий Захарович Голубев, члены Пушкинского комитета, писатели.

После митинга состоялось торжественное шествие жителей поселка и гостей, приехавших на обновленную станцию Тригорское. Шествие началось от стен Святогорского монастыря через деревню Бугрово по словой аллее в Михайловское.

На берегу Сороты был организован яркий фольклорный праздник. Мимо гостей лихо промчалось 65 колхозных троек. Выступали писатели и поэты. Среди них правнук поэта Григорий Григорьевич Пушкин, писатели, критик В. Я. Кирютин. В усадьбе заложил работорговцу поэту. Среди участников праздника были ныне известные пушкинисты А. М. Гордин, О. В. Ломан, В. К. Закурило, которые и сейчас тепло вспоминают этот день.

После фольклорного праздника гости осмотрели музей. Как же он тогда выглядел?

Размышляя о будущем Дома поэта и его экспозиции, тогдашний директор Института русской литературы Б. Шапошников⁸⁷ писал: «Чтобы избежать бутафории и не нарушить целостности впечатления, требуется много реставрационного такта». В определенной степени это и было сделано.

Конечно, экспозиция в 1936—1937 гг. создавалась в соответствии с духом того времени. На стенах цитаты из произведений Сталина. Очевидно, было стремление представить Пушкина революционером, замолчать его религиозные взгляды и т. д. Но нельзя забывать, что это был поиск в сложных условиях тех лет. Экспозиция впервые в советское время давала цельное представление обо всем жизненном и творческом пути поэта. Бесспорно, это был важный шаг вперед.

В экспозиции делался акцент на первые приезды Пушкина в Михайловское, с этой целью они выделялись. Посетители обращали внимание на картины В. Максимова, дипломную работу Непринцева «Ольга Калашникова», исторические документы, копии пушкинских книг и художественные фото Тригорского и Голубова.

В центре находились мемориальные вещи, привезенные в основном из бывшего тверского поместья Вульфов деревни Малинки. Сохранилось старинное пианино, книги, принадлежавшие Прасковье Александровне Осиповой, где записывались даты рождения детей, документы Воронической церкви, уникальной являлась копия плана Михайловской губы 1786 года.

В организации этой экспозиции Василию Захаровичу серьезную помощь оказал Борис Александрович Вревский, племянник Софьи Борисовны — последней владелицы Тригорского, а также экскурсоводы Н. В. Грановская, В. К. Закурило, О. В. Ломан. Вскоре в эту работу включились молодой методист детской турбазы А. М. Гордин и актер знаменитого в то время драматического театра под руководством С. Раилова В. С. Гловацкий внештатный экскурсовод, удивительно похожий на Пушкина.

А в Успенском соборе Святогорского монастыря В. З. Голубев предлагал организовать районный краеведческий музей, где представить богатейшую историю древней русской земли. Однако не успел. Он словно предчувствовал драматизм последующих событий и стремился больше собрать материалов, прежде всего о Пушкине. По его поручению проводилась целенаправленная краеведческая работа, в которой приняли участие многие экскурсоводы.

Экскурсовод Ольга Ломан в эти дни занималась сбором преданий о Пушкине.⁸⁸ Они представляют интерес и в наше время. Мы видим, как

⁸⁷ Пушкинский колхозник. 1937. 11 февраля.

⁸⁸ О. В. Ломан. Предания о Пушкине. Л., 1939.

живых, людей, которые рассказывали о Пушкине, представляем их образ мыслей, их внутренний мир. Так они думали о поэте, так в их сознании оригинально переплелись правда и причудливый вымысел:

«64-летняя старуха из села Петровского Аксенья Андреева рассказывала мне: «Царя Пушкин не любил. Еще учился он, и вот на экзамене или на балу где, или на смотре, где уже я точно не знаю, подошел к нему царь, да и погладил по голове. «Молодец, — говорит, — Пушкин, хорошие стихи сочиняешь». А Пушкин склонился так, да и говорит: «Я не пес, — гладь свою собаку!».

Этими ссорами Пушкина с царем и «господами» объясняют себе старики причину ссылки Пушкина в село Михайловское. Иван Дмитриев, 60 лет, из деревни Гайки дает такую характеристику поэту:

«Любитель был Пушкин писать сочинения под кривыми соснами. Местечко там такое видное, на горе. Вот и сидит там полные дни и недели даже другой раз, если погода хорошая. Дед мой рассказывал: носил Пушкин шляпу черную, пальто длинное, идет бывало в Святые горы из Михайловского и все наизусть вперед кидает, сверяет сколько верст. Идет мимо пастухов — спросит их о жизни: если песни поют запишет. Любитель был ходить по ярмаркам. Всех востоянных старцев выслушивал и сам с ними пел».

В это время на Ворониче жила правнучка Шкоды (И. Скоропостижного) Анна Федоровна Каменская. Она рассказывала легенды о прадеде. Говорила, что любил он приговаривать: «Ах, шкода, какая!». Отсюда и пошло его прозвище.

Однажды отслужил Шкода по просьбе Пушкина панихиду по погибшему английскому поэту Байрону. Потом священник все переживал, что Пушкин перехитрил его, заставил панихиду служить по какому-то «иностранному лорду».

В деревне Железово в те времена жила горничная Вульф Вревских. Она много рассказывала о Евпраксии Николаевне (Зизи). Говорила, что Пушкин в годы ссылки был влюблен в нее и они объяснились словно Онегин с Татьяной у знаменитого дивана. Сама Зизи считала себя прототипом Татьяны. Когда она вышла замуж, Пушкин опять приезжал. Но Евпраксия ему сказала: «Никогда я этого не могу сделать, хоть я вас жет и люблю да за другого вышла и буду век ему верная».

К жене Пушкина Наталье Николаевне крестьяне относились строго, считая ее виновницей гибели поэта.

Ольга Михайловна Дмитриева, 48 лет, из деревни Гайки, говорила:

«Вот Пушкин с женой играл в карты и постукал кто-то. Пушкин говорит: «Я открою», а она «нет постой, я открою». А это пришел другой, которого она любила. Пока она собиралась, Пушкин губы намазал сажей и ее поцеловал, как она дверь открыла и того поцеловала своими губами. Вот тогда тайна и открылась — смотрят, губы и у нее и у того черные. Открылась тайна, что любит, и то все говорили, что любит, а доименно было неизвестно.

Вот Пушкин его на дуэль и вызвал. А на дуэль выходили в полмаунта Пушкина. У того был заряжен пистолет, а Пушкину насыпали одного пороха. Вот тот и убил. Первый тот стрелял».

Аксенья Андреевна, 64 года, село Петровское.

«Говорят, Пушкин с цыганом кочевал, дружбу волил. Была у него какая-то пыганка, и вот перед женитьбой побывал он в Михайловском, пошел к ней. Настей ее звали. Хорошо играла на гитаре. Бывало, в левитник она ему пела, на карусели с ним каталась. Красивая она была. Вот пришел к ней и просит: «Сыграй мне, Настя, да погадай!». И нехорошие ему карты выпали. «Не женись, — говорит, — плохо тебе будет».

Пушкин за мужиком заступался перед богатыми. Приказал ему царь: «Становись под ранжиру и угнетай крестьян!» Он отказался и уехал в цыгане. Цыганом год проходил, а потом его перевели в арапы. Невысокий этот был ему чин, — последнее место!».

Иван Иванов, 75 лет, деревня Бугрово.

«А хоронить везли крадом, как вкрали. Везли на вороном копе, черной кисеей закрытым.

И хоронили в невременные часы, чтоб народ не знал. Боялись они нашего Пушкина».

Еще в 1935 году в деревне Зимари, как уже отмечалось, была организована экскурсионная база Ленгороро, через которую за короткое время прошло более 5 тысяч школьников. Путевки выдавались на 3, 9 и 12 дней. В те годы эта база была подлинной литературной Меккой, здесь поэт Самуил Маршак проводил вдохновенно занятия детского литературного университета, воспитывая многих талантливых ребят.

И кого только не видели ребята на экскурсионной базе в Зимарях! К ним в гости приходили писатели К. Паустовский и Б. Полевой, очень популярный литературовед Н. Гвоздев, всемирно известный театральный режиссер, знаток Шекспира Сергей Радлов, собиравший материал для пушкинских постановок. Здесь развернул начатую в Ленинграде многолетнюю методическую и научную работу пушкинской литературной Меккой, здесь истоки увлечения многих Пушкиным. Было бы весьма правильно в этой деревне установить памятный знак о начале в те нелегкие годы духовного воспитания ребят пушкинской поэзией.

И все считали за честь быть членами Пушкинского общества. А оно имело на Ворониче собственную базу, которая в то время была передана в заповедник. С 1936 года по 70-е годы работала здесь бухгалтером Матрена Ивановна Ноненка. Это была удивительный, редкой души человек! Для каждого у нее имелось доброе слово и до сих пор многие тепло вспоминают этого отзывчивого человека.

К. Паустовский в своем прекрасном очерке «Михайловские рощи» нашел пропущенные слова, чтобы передать колорит того времени, трогательную искренность людей, работавших тогда на земле поэта. Мы словно ощущаем их пробуждающуюся духовность:

«...Трудно было представить себе, что по этим простым дорогам со следами лаптей, по муравейникам и узловатым корням шагала пушкинская верховой конь и легко нес молчаливого всадника.

Я вспоминаю леса, озера, парки и небо. Это почти единственное, что уцелело здесь от пушкинских времен. Здешняя природа не тронута никем. Ее очень берегут. Когда понадобилось провести в заповедник электричество, то провода решили вести под землей, чтобы не ставить столбов. Столбы сразу бы нарушили пушкинское очарование этих пустынных мест»⁹⁹

А вот как описывает места, где жил и творил поэт, советский пушкинист Дмитрий Якубович, также побывавший в заповеднике.

«...Между живописнейших отрогов Валдайских гор делает бесчисленные петли и зигзаги широкотечная река Великая. Справа, в трех километрах от Тригорского впадает в нее пушкинская голубая Сорочь. Места, овеянные славой двойных исторических воспоминаний. Лирические русские пейзажи, прозрачные и чистые дали, в которых еще на каждом шагу явно слышится память о прославившем их поэте.

⁹⁹ К. Паустовский. Михайловские рощи. — Россия первая любовь. Сб. М. «Нинга», 1983. С. 159.

Каждый поворот реки, текущей в низких луговинных берегах, каждая старая роща, каждый зеленый холм узнаются как знакомые, как с детских лет нам близкие.

Здесь он творил, здесь жил он.

И столетие мы лелеем

Еле слышный шелест шагов.

...Общий рельеф окрестного пейзажа остался неизменным в Михайловском с его двумя оправленными в бархат лугов озерами Маленцом и Петровским (Нучане), с его старыми елями и соснами; в Тригорском с его парком, где четко угадываются следы старой планировки, с любимым Пушкиным холмом над извилинами Сороти (где ныне «диван Онегина») и общим видом на лесистый холм, на далекие деревни, на зеленое городище...

...Типическое в пушкинских поэтических указаниях столь ярко, что мысленно невольно отождествляешь их с местами, которые здесь видишь, прикрепляешь отдельные стихи и образы к конкретным элементам пейзажа, поражающим здесь своей особенной задушевностью и красотой. Этот психологический процесс неизбежно происходит со всяким, кто посещает эти места.

...Знойное лето, очаровательность природы, общество милых девушек, поэтические двусмысленцы, вольнолюбивые тосты, одушевляющие присутствие Пушкина, делающие тригорские вирушки незабываемыми, годину «золотой», лето «божественным», память о нем переходящую из рода в род».⁹⁰

Вернемся в незабываемый день 18 февраля 1937 года — день, когда отмечалось столетие похорон Пушкина. Этот день волей судьбы совпал с убийством по приказу И. Сталина Серго Орджоникидзе. Этим положено было начало трагических событий года. «Бывают странные сближения», — любил повторять поэт. Никто не знал о том, что всех ждет.

...Экскурсанты неторопливо шли по восстановленному аллеям Михайловского парка. Природа, помнившая Пушкина и спасенная энтузиастами заповедника, словно приветствовала их. Мир поэзии проникал в души людей. Когда подходили к аллее Ани Петровны Керн и всматривались в нее, из глубины аллеи вдруг появлялась до боли знакомая фигура. Не может быть! Да, это был Пушкин. ...Увы! Конечно, актер Борис Стефанович Гловацкий, под него загримированный. Но все верили, так как произошло чудо, которого все долго ждали и которое не могло не произойти.

«Я помню чудное мгновенье...» Эти стихи были так необходимы людям, особенно тем, кто жил в 1937 году и которым еще много горя предстояло испытать, а некоторым вскоре даже проститься с жизнью.

Вечером 18 февраля* на торжественном собрании в Пушкинских Горах выступил с докладом академик Н. С. Державин, а несколько ранее в Государственной филармонии в Ленинграде был прочитан В. А. Мануйловым доклад «Наследие Пушкина». До сих пор о нем вспоминают. На концерте, посвященном юбилею, на сцене Московского Камерного театра с успехом выступил с чтением стихов здешний крестьянин Иван Антонов. Позднее он читал их на всех предвоенных пушкинских праздниках.

А в это время в центральной и местной печати бушевал поток многочисленных откликов на юбилей поэта. Пожалуй, с юбилейного 1899 года не писали так много о Пушкине и о празднике в Михайловском.

⁹⁰ Д. Якубович — «Михайловское и Тригорское». «Литературный современник». 1937, стр. 174—196.

* 100-летие со дня смерти А. С. Пушкина. «Пушкинский колхозник». 1937. 20 февраля.

Любопытные материалы о правах николаевской эпохи были опубликованы в юбилейных журналах. Например, в связи с пушкинским стихотворением, написанным в Михайловском и посвященным Андре Шенье, которое экскурсоводы любят читать недалеко от могилы поэта. Когда-то правительством всего следствии, строки этого стихотворения распространялись в списках с подписью «На 14 декабря»: Здесь ощущается предчувствие пушкинской предстоящей трагедии; поэт обращается к потомству:

...Я скоро весь умру.

Но тень мою любя,

Храните рукопись, о други, для себя!

Когда гроза пройдет, толпой суеверной

Сбирайтесь иногда читать мой свиток верный.

И долго слушая, скажите: это он

Вот речь его. А я, забыв могильный сон,

Взойду невидимо и сяду между вами.

И сам заслушаюсь, и вашими слезами

Упыюсь... и может быть, утешен буду я

Любовью...

Журналист А. Журавлев опубликовал в тверском журнале «В наши дни» статью «Каторга за пушкинские стихи»,⁹¹ где привел материал о судебном процессе над кандидатом (была такая степень) А. Леопольдовым, привлеченном к суду за чтение этого стихотворения.

В результате длительного разбирательства суд постановил: «кандидату Леопольдову за неосновательность его в имени у себя стихов сочинения Пушкина вменить в наказание содержание более года под арестом и потратить, чтобы впредь в поступках своих был основательнее, поруча начальству, в ведение коего Леопольдов будет служить, чтоб оное обращало особенное внимание на его поведение... Вещи Леопольдова, все имущество личного, лежащее ему лично, по определению суда подлежали продаже... Потребовалось вмешательство самого Государственного Совета для прекращения его дела. Этот случай был неоднородный. Таким же преследованиям подвергался ротмистр Семитановский.

В это время в Париже Владимир Набоков писал: «все доставляет нам удовольствие: каждый из его переносов, естественных, как поворот реки, каждый нюанс ритма, так же, как мельчайшие подробности его жизни вплоть до имен людей, его окружавших, а сейчас слившихся с ним в одну тень...».

Набоков делает вывод на все времена, что Пушкин «также неизбежно составляет часть нашей интеллектуальной жизни, как таблица умножения или другая привычка сознания».

А незадолго до юбилея появилась в «Правде» статья «Горько-исследователь», где автор писал: «Не Пушкин, его творчество, а околопушкинские бытовые детали в значительной мере предмет занятий наших пушкинистов. Книжки только проблемные «мыльные пузыри» не пускаются тут, о чем только не пишется! «Перо Гете у Пушкина», «Об одной заятой в «Евгении Онегине», «Львы на воротах» и так далее, и тому подобное». Так называются «конкретные» работы, в огромном количестве печатающиеся в сборниках

⁹¹ В наши дни (Калинин). 1936. № 2. С. 66—73.

«Звенья», к изданию которых приложил руку фашистский бандит убица Каменев».⁹²

Такой была действительность в 30-е годы. Над многими людьми, причастными к творчеству поэта, сгущались тучи, а над некоторыми распростерла свои черные крылья сама смерть.

Проходных случайных материалов было вполне достаточно, но имелись и любопытные для нас данные. Например, о финансовом положении Пушкина. Сейчас их не сразу найдешь под толщей материалов, поэтому приведу некоторые.

Напомню, что Пушкин являлся одним из первых литераторов, который получал за свой труд вознаграждение.

За стихотворение ему платили 10 рублей. «Бахчисарайский фонтан» стоил 3 тысячи рублей, «Евгений Онегин» — 25 тысяч, «Борис Годунов» — 10 тысяч.

Смирдин за переиздание сочинений Пушкина платил 600 рублей в месяц. Пушкин, как известно, числится чиновником Министерства иностранных дел и в 1831 году получал жалование 5 тысяч рублей в год.

Однако росла семья, росли долги. Приходилось платить за квартиру 2,5—4,3 тысячи в год. Жизнь семейного дворянина в Петербурге требовала и множества других расходов, а журнал «Современник» не приносил ожидаемых доходов. Поэтому долг Пушкина к концу жизни составил около 1,50 тысяч рублей.

В опубликованных тогда материалах о творчестве поэта в 30-е годы XIX века говорилось весьма односторонне и примитивно. К нему отношение было парадное, неживое, как к памятнику, которым можно восхищаться, но любить как человека нельзя. Делали акцент на вольнолюбивые произведения Пушкина, затушевываясь нравственно-религиозные искания. За пышными словами терялась личность поэта. И возможно, что это делалось вполне осознанно.

Были и вполне определенно заданные характеристики происходящих празднеств. Например, официальный поэт Александр Безыменский с восхищением писал: «То, что было сегодня, — грандиозный праздник советской культуры. Имя ей — Лениным, сердце и знамя ее — Сталин».

А в это время русские люди за рубежом также отмечали 100-летие со дня гибели поэта. Повсеместно прошло чествование А. С. Пушкина: Так, например, митрополит Анастасий выступал в Париже на тему «Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви»: Такие слова нельзя было сказать тогда в самой России, тем они для нас и ценны: ...Каждый великий народ имеет своего великого поэта, являющегося выражением его творческого духа. Мы должны быть вечно благодарны провидению пославшего нам такого человека в лице Пушкина. По своеобразной силе своего дарования, по благоухающей красоте своей поэзии, по богатству, гибкости и выразительности языка и тонкому чувству гармонии и меры, проникающему во все его творчество, он стоит наравне с величайшими художниками мира.

Поэт и творец Божией милостью, он сам явился Божией милостью и благословением для Русской земли, которую увенчал своим высоким лучезарным талантом.

Истинный гений бессмертен. Он не знает над собой закона забвения и давности. Целое столетие уже отделяет нас от смерти нашего великого поэта, но он жив в каждом из нас. Если бы можно было разложить наш внутренний мир на его составные части, то в этой сложной психологической ткани мы нашли бы много золотых нитей, вплетенных в нее мощным Пушкинским гением, ставшим неотъемлемой частью нашего духовного существа.

Сколько поколений воспитывалось на нем, проникая к родникам его

творчества, и, однако он остается неисчерпаемым, как океан, даже как буря, — то растет и расширяется для нас вместе со временем...».

Однако вернемся на нашу грешную землю. Шел 1937 год.⁹³ Горе и несчастье поселились во многих семьях.

И все это не могло не сказаться и на обстановке в заповеднике. На должность директора музея в Михайловском проник некий Проснякин, бойкий журналист и, вместе с тем, нечуждый финансовым злоупотреблениям.

В ноябре 1937 года он был снят с работы и отдан под суд, однако ему удалось вскоре освободиться (при помощи общественности и вскоре он вновь появился в Пушкинском Доме. Погиб во время войны).

У других же участь была иной. Пушкинский райком партии в 1937 году в почти полном составе был обвинен в троцкизме и затем репрессирован. Летом этого года в г. Опочке проходил процесс руководящих работников — С. И. Михайлова, зав. РОНО, и А. С. Ершова, первого секретаря. Их обвинили в шпионаже и расстреляли. Такая же страшная участь ожидала Голубева, как члена РК. В злоупотреблениях финансовых, справедливо или нет — не ясно, обвинили бухгалтера Гарбуз и других счетных работников. В акте ревизии было отмечено: «Признать финансово-хозяйственную работу в Пушкинском заповеднике совершенно неудовлетворительной».⁹⁴ В отношении к Голубеву применяли те же самые методы расправы, что и к В. М. Никифоровскому четырнадцать лет назад. История повторилась.

Обстановку в коллективе в определенной степени отражает письмо молодого экскурсовода А. И. Грушкина, позднее известного пушкиниста, автора работ «К вопросу о классовой сущности пушкинского творчества», «Тема народа в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина», человека в жизни нервного и со странностями. Грушкин писал помощнику директора Института литературы А. Нагайлову: «...Экскурсии водит Проснякин, лесовод (Примечание: К. Афанасьев крайне противоречивый человек, позднее вынужденный работать в заповеднике у пемцев) болван, классический невежда, самовлюблен, как нарцисс... Кроме того, политически (подчеркнуто Грушкиным) вряд ли он настроен хорошо... говорит: «В наше время с волчьей хваткой и лисьей хитростью всякий может устроиться... И такому типу доверили (хотя бы временно) музей — непонятно... Необходимо как-то оздоровить положение в музее».

Что стоит за этим письмом, каковы подлинные отношения между работниками заповедника, особенно в свете того, что мы знаем о той жуткой атмосфере, что была в стране в конце 30-х годов? Не здесь ли корни последующих событий во время войны, к которым мы еще вернемся?».

В акте ревизии заповедника, направленном в Академию наук СССР академик-секретарю А. М. Деборину, отмечалось:

«Тов. Голубев ссылается на недостаток материалов и отсутствие содействия со стороны Академии наук». А это уже считалось крамолой, ведь нельзя же было выходить из определенных рамок. И потому следовал вывод: «Считать необходимым укрепить руководство».

Вскоре Голубев вынужден был написать директору Института литературы П. П. Лебедеву-Полянскому: «В связи с тем, что зав. музеем Пет., а также освобожден от работы экскурсовод (О. Ломан) по личным обстоятельствам, в заповеднике некому обслуживать экскурсантов. Прошу Вас оказать помощь заповеднику в подыскании зав. музеем и экскурсовода».

Затем он получил указание: «В ответ на Вашу просьбу дать разрешение на выкорчевывание старых пней на окраинах Михайловской рощи ди-

⁹⁴ Архив РАН. Оп. 1937. Ф. 49.

*) Примечание: Автор письма А. И. Грушкин умер в 1942-м в казанском госпитале, эвакуированный из Ленинграда.

⁹² Горе-исследователи. «Правда». 1936. 12 сентября.

рекция ИЛИ находит целесообразным подождать до приезда нового директора тов. Безруких».

Пушкинскому Дому все-таки удалось сохранить В. З. Голубева для науки, его не репрессировали как многих в то время, в том числе бухгалтеров, зам. директора Смержева, но все же из заповедника пришлось уйти, тогда, когда многое там было уже сделано, намечены перспективы, когда Пушкинское общество во главе с В. А. Михайловым, оказывая всестороннюю помощь, расширило круг работы по установлению контактов заповедника со многими городами, его члены читали разнообразные лекции, а канцеляр В. Ф. Широкий написал книгу «Пушкин в Михайловском» и т. д.

С тяжелым сердцем покидал Голубев заповедник, не все задуманное успев сделать. Но зато за несколько лет оставшейся жизни, которые Голубев плодотворно проработал еще в ИЛИ, он защитил кандидатскую диссертацию, поспорил вволю со своим любимым учителем Десницким, написал несколько книг, участвовал в бессмысленной так называемой «зимней» финской войне, был награжден орденом «Красная Звезда», а в первые дни Великой Отечественной войны Василий Захарович ушел добровольцем на фронт. Смертельно ранен под Ленинградом осенью 1941 года. И думал о нем, вспоминая, какие могучие силы заключены в народе нашем, способном и в тяжелые дни искать пути русскому слову.

Так же как актера Евгения Червякова, исполнителя роли Пушкина в фильме «Поэт и царь», молодого очень талантливого актера Литовского, спящегося в любимой многими киноленте «Юность поэта», и писателя Сергея Семенова, его успела страшная война. Навсегда они, погибшие в первые месяцы трагедии, остались в памяти людей вместе.

Страшный урожай пожала смерть. В жертву ей были принесены неповторимые личности людей искусства и культуры, поэтому завершая рассказ о В. З. Голубеве, я вспоминаю удивительные строки Пушкина. Они принадлежат вечности и напоминают о великом предназначении творчески одаренных натур:

«Как труп в пустыне я лежал
И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь и внемли,
Исполнись волею моей.
И обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей!»

П. Е. Безруких.

«...Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать: для власти,
для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов,
ни шеи».

Внешне в заповеднике мало что изменилось. Все негативное было тщательно скрыто. Конечно, все эти внутренние конфликты, всевозможные перемены остались неизвестными для посетителей. После пушкинского юбилея 1937 года его известность и влияние росли, увеличивалось количество экскурсантов. Их внимание привлек и новый путеводитель по заповеднику старейшего экскурсовода О. В. Ломан, написанный со знанием дела. По всей стране демонстрировался документальный фильм о пушкинских местах режиссера-оператора И. И. Паллея. Многих покорили прекрасные фотографии М. Н. Муравейского и А. А. Монюшко. Они до сих пор являются образцом для всех фотографов, запечатлевающих пленительные пейзажи Пушкинских Гор.

Ранней весной в газетах публиковались злобные и грязные материалы о судебном процессе Бухарина—Рыкова. Когда все вновь просьмалось после мрачной зимы, приезжает в Михайловское новый директор заповедника Павел Ефимович Безруких. Что мы знаем о нем? В настоящее время даже старейшим сотрудникам имя этого человека мало известно. А ведь он значительный период был в центре внимания общественности, многих деятелей культуры и искусства, начиная с самого А. В. Луначарского.

Жизнь Павла Ефимовича Безруких, родившегося в 1892 году в Липецкой области, была сложной и неоднозначной. Сохранился его похвальный лист Владимирской церковно-приходской школы. Затем училище, гимназия, увлечение железными дорогами, которое сохранилось на всю жизнь, юридический факультет Варшавского университета, Институт восточных языков, журналистика. В общем жизнь активиста того бурного и противоречивого времени, человека энциклопедических знаний и неуемной энергии.

Безруких печататься начал рано, с 1914 года. Уже через три года он ответственный редактор газеты «Железнодорожная мысль».

В начале гражданской войны был пригрозен генералом Калединым к смерти, чудом спасся, был освобожден, стал свидетелем самоуправления Сталина в Царицыне (расстрел пленных белых офицеров), много перенес трудностей, но продолжал все эти годы нелегкий труд журналиста.

Через несколько лет Безруких уже работает в ЦК профсоюза работников железнодорожного транспорта и одновременно сотрудником газет «Красная звезда» и «Ленинградская правда». Постоянно приходил профессиональный и журналистский опыт. Он становится все более известным в широких кругах общественности. Стал носить шляпу, раздобрел и приобрел импозантный вид.

В качестве профсоюзного железнодорожного лидера и корреспондента ряда изданий П. Е. Безруких в конце 20-х — начале 30-х годов побывал в Египте и Персии на международных конгрессах, был в командировках в Данию, Швецию, Финляндию, Голландию, особое значение имела поездка в Италию для встречи с А. М. Горьким, дружеские отношения с которым сохранились до конца жизни писателя.

По поручению С. М. Кирова Павел Ефимович ездил в Финляндию по пос. Куоколла для встречи с И. Е. Репиным, подарил ему книги о Ленине. Ставился вопрос о возвращении художника в Россию. Но слишком многое разделяло вкусы художника с тем, что тогда происходило. Осталась запись на одной из книг, подаренных Илье Ефимовичу: «На память от П. Безруких» 1 июня 1926.⁹⁵

«Ах, большое спасибо за книги о Ленине — читаю все и добирюсь до внимания этого человека». — И. Е. Репин. 20 июля 1926 г. Однако в Россию Репин не поехал. Причины для этого было достаточно.

Корреспонденции Безруких были заметным событием культурной жизни 20—30-х годов. Они раскрывали жизнь малоизвестных тогда стран, были наполнены экзотическими эталаями быта и нравов далеких стран, несли аромат быстро меняющейся эпохи. Внимание читателей привлекали его статьи об египетском театре, путевые заметки о Скандинавии, записи персидских впечатлений и своеобразного европейского фольклора.

Различные издательства наперебой приглашают Безруких работать в самых популярных органах прессы. Так в декабре 1927 года Павел Ефимович получает весьма заманчивое предложение: «Издательство «Красная газета» приступило к изданию иллюстрированного исторического ежемесячника «Минувшие дни», привлекая к участию лучшие силы, мы рассчитываем и на Ваше сотрудничество. Не откажите в любезности, по возможности

⁹⁵ «Неделя», 1962, № 49, стр. 6.

незамедлительно уведомить нас о своем согласии на включение Вас в число сотрудников ежемесячника «Минувшие дни», а также сообщить, на какие Ваши работы (размером по 2 печатных листа) историко-революционного, историко-бытового и историко-культурного характера мы могли бы рассчитывать в ближайшее время».

Последняя поездка в любимую им Персию состоялась в 1934—1935 годах. Немало он пишет об этой древнейшей стране, собирает редчайший материал, но здоровье не позволяет ему уже много ездить, да и время становится другим, непохожим на двадцатые годы. 22 июня 1935 года П. Е. Безруких был освобожден от всех должностей и сосредоточился на литературно-редакторской работе.

Среди «толстых» журналов того времени журнал «30 дней» занимал особые позиции, он был известен как журнал европейского типа для семьи и библиотек, проводивший постоянные книжные лотереи, выпускавший 30 бесплатных приложений в год. В журнале печатались И. Бабель, Вс. Иванов, А. Платонов, Л. Сейфуллина, Н. Тихонов и другие.

С 1935 года Павел Ефимович Безруких возглавил этот журнал, а также драматургическую редакцию Гослитиздата и редакцию «Транспортной энциклопедии». Определенный исторический интерес представляют написанные им в те годы статьи для журнала: «30 дней», «Великий мастер Илья Репин», «Памяти И. Н. Маковского», «Ф. Э. Дзержинский на транспорте», «Какой инженер нужен транспорту» и другие. Статьи обычно писались под впечатлением личных встреч на основе глубокого знания и обобщения материала.

Журнал «30 дней» вел в первые годы под редакторством П. Е. Безруких бурные дискуссии о литературе, жизни с журналом «Наци достижения». Он пользовался последние годы жизни наркома неизменной поддержкой А. В. Луначарского.

Нарком писал: «Журнал интересовал даже малоквалифицированного читателя красочной подачей материала, популярностью изложения».

Прошло всего несколько лет. Умер А. В. Луначарский. Обстановка в стране все более становится тягостной. Продолжаются судебные процессы, газеты заполнены материалами с разоблачением «врагов народа», писателей, деятелей культуры и искусства. На журнал «30 дней» обрушивается шквал недобросовестной критики. Положение журнала в середине 30-х годов характеризует письмо его сотрудника Е. Шеймана: «В такой атмосфере травли, которой подвергается журнал — работать невесело. Я далек от паники, но теперь уже знаю — с кем бороться. Недругов и равнодушных людей много, а сторонников журнала — очень мало».

А между тем здоровье Павла Ефимовича в результате последственного туберкулеза, напряженной работы, постоянной клеветы на журнал, серьезно ухудшилось. Нужно было немедленно уезжать, хотя бы на время, из Москвы.

Безруких обращается в отдел печати ЦК партии. Думаю, что интересно привести целиком его заявление, не публиковавшееся ранее нигде.

«Заявление»

Состояние здоровья вынуждают меня просить отдел печати ЦК ВКП (б) от освобождения меня от работы в Гослитиздате и переброске на такую работу, которая дала бы мне возможность избежать преждевременной инвалидности.

С 1931 по 1935 год, я перенес две тяжелые хирургические операции на почве туберкулеза ткани и эта болезнь, при неблагоприятных условиях работы может дать рецидивы в еще более тяжелой форме.

Сейчас состояние моего здоровья резко ухудшилось и врачи настаивают на коренном изменении режима работы (не менее шести часов в сутки

пребывания на открытом воздухе, из них половину времени в движении и полное прекращение ночных работ, что при работе в издательстве я лишен возможности осуществить).

Академия Наук СССР нуждается в Директоре Пушкинского заповедника, куда я прошу отпустить меня на работу, т. к. характер этой работы позволяет мне провести нормальное лечение и не попасть в число инвалидов. 26 декабря 1936 года».

Заметим, что в Академии Наук распространялись неслучайно слухи о необходимости смены директора заповедника, хотя Василий Захарович Голубев продолжал восстанавливать заповедник, строить Дом поэта, через три месяца его торжественно открыл и блестяще провел незабываемый пушкинский праздник 1937 года.

Объяснение одно. Конфликт во время строительства дома, проявление самостоятельности Голубевым, его научная деятельность, не помещавшиеся в тесные рамки догматизма 30-х годов, раздражали чиновников от культуры. На календаре были 1937—1938 гг. — этим все сказано. Вопрос об увольнении В. З. Голубева решен задолго до последующих событий.

А в это же время Павел Ефимович Безруких был освобожден от заведования журналом «30 дней» и 16 марта 1938 года его назначили на должность директора Пушкинского государственного заповедника. Утвержден Постановлением президиума АН СССР.

Стаж работы Безруких до поступления в Академию Наук составил 32 года.

Однако главное дело жизни Павла Ефимовича только начиналось.

В конце года президент АН СССР В. Л. Комаров специальным документом предоставил ему «право совершить все дозволенные законом операции, необходимые для нормального функционирования заповедника».

С бывшим директором заповедника В. З. Голубевым Павел Ефимович сохранил и в дальнейшем прекрасные отношения. В архиве Безруких сохранилось своеобразное письмо, характеризующее добрые отношения между этими людьми.

«Многоуважаемый Павел Ефимович!

Мне сообщил зав. музеем ИЛИ В. В. Шапошников, что жена скульптора Козлова говорила ему о нетактичности заповедника, не приславшего благодарности за бюст Пушкина — подарок Козлова. Этот бюст стоит в Вашем кабинете. Этот упрек целиком относится ко мне. Бюст был привезен перед Вашим приездом и я совершенно упустил из виду сделать то, что сделать был обязан.

Прошу Вас исправить мою оплошность, сошлитесь на меня как виновника несвоевременности и т. д. и т. п. О моей виновности обязательно укажите, а то будет думать, что виноваты Вы, что несправедливо.

С приветом В. Голубев, 28 мая 1938 г.».

А между тем в стране расцвет, особенно после юбилея интерес к творчеству Пушкина. Произведения поэта много издают, изучают в школах. В тягостных условиях жизни в стране, когда подавлялось свободное слово, имя Пушкина становится символом и надеждой народа.

...Император,
третье отделение —
Это все осталось позади
Через сотни лет
и через двести
(грандиозные годов ряды)
Все поэты соберутся вместе
Вашиими поэмами горды...».

Так писал Борис Корнилов, вскоре уничтоженный в сталинских лаге-

рях. Третье отделение не осталось позади. Как и многих других, Корнилова на долгие годы засыпал «снег забвения».

Таково было время, когда Павел Ефимович Безруких приступил к работе. Главная проблема тогда для нового директора — это восстановление Успенского собора Святогорского монастыря. Как вы помните, с 1928 года его ремонт не удавалось сдвинуть с мертвой точки. Безруких писал с болью о самом главном в Пушкинский Дом аспиранту О. Цехновицеру: «Едиственный объект остался незаконченный — Успенский собор».

К пушкинскому празднику Безруких написал две статьи «Гибель поэта» и «Новое о Пушкине». Много времени заняла подготовка фольклорного представления на берегу Сороти.

Павел Ефимович объехал все окрестные деревни, встречался со многими жителями Пушкинских Гор.

Анна Андреевна Ахматова задавалась однажды вопросом: почему столь живучи в пушкиноведении всевозможные легенды? И ответила: «Лишь потому что так интереснее...».

Безруких собрал в Михайловском более 50 частушек, некоторые из которых стали позднее широко известны, но большинство до сих пор не опубликованы. Приведу некоторые:

«Соберу я всех подружек,
Соберу я всех друзей
И отправлюся с экскурсией в
Михайловский музей.

Обошью я платье белое
Зеленою тесьмой,
Буду в клубе декламировать
Татьянино письмо.

Я была в Тригорском парке,
За рекой горел костер,
А когда мне стало жарко,
Забралась под ель-шатер.

Как на озере Кучане
Ловят рыбу рыбаки.
Тут ведь Пушкина встречали
Наши деды-старички.

Ой кукуй, кукуй, кукушка,
Ты на редкость на земле.
Александр Сергеевич Пушкин
Жил в Михайловском селе.

Мы с миленком на свиданье
Говорили про любовь
Дал он мне при расставанье
Книжку пушкинских стихов.

Кумачом горит заря,
И шумит дубрава.
Пушкин был против царя,
Крепостного права.

Баре очень не взлюбили.
Что шел Пушкин за народ,
Хоть они его убили.
А он все-таки живет!...

Частушки очень примитивны, но отражают свое время.

В записной книжке Безруких есть запись пушкинских мыслей: «Альфieri изучал итальянский язык на флорентийском базаре, не худо бы иногда прислушаться к московским просвириям, они говорят удивительно чистыми правдивым языком. Разговорный язык простого народа, не читающего своих мыслей на французском языке, достоин также глубочайших исследований».

Вскоре и. о. отв. редактора журнала «Народное творчество» И. Пикутев сообщает: «Жюри конкурса за запись пословиц и поговорок присудило Вам 3-ю премию в сумме 75 руб. Результаты конкурса публикуются в 12 номере журнала «Народное творчество», номер которого будет Вам выслан».

Поддержка земляков из Ростовской области для Павла Ефимовича была всегда чрезвычайно важна. Там печатаются его стихотворения, а затем он подучает просьбу написать статью о заповеднике аж на 200 рукописных страниц.

Для Павла Ефимовича эта просьба имела особый смысл, он активно включается в работу и вскоре статья готова.

Получив долгожданную статью, редактор газеты сообщает: «Статью о Пушкине мы в литературном кружке зачитали «до дыр»; для нашей газеты она велика, но все же со временем используем ее на два подвала (видимо, в годовщину смерти А. С. Пушкина). Желаю Вам здоровья. С уважением А. Юханов».

27 ноября 1938 г.».

Безруких стремится расширить контакты с известными мастерами искусства и культуры. В его архиве имеются интереснейшие письма. Многие годы он переписывается с художниками И. И. Бродским, Г. С. Верейским, режиссером В. Э. Мейерхольдом, актрисой А. А. Яблочниковой, писателями А. С. Серафимовичем, Б. А. Лавреневым.

Дружеские отношения связывали П. Е. Безруких и с писателем С. А. Семеновым, бывшим директором Пушкинского заповедника, который ему писал: «...В Москве вряд ли буду в течение двух ближайших месяцев. Если тебе случится быть в Ленинграде за это время — ожидаю тебя с распрощанными объятиями».

Его волновало состояние пушкинских парков, самовольные порубки деревьев, поэтому сразу же приступив к работе, он уже в мае ставит вопрос об усилении охраны Михайловского парка, улучшении работы администрации. С этой целью он разрабатывает Положение о заповеднике и Правила внутреннего распорядка. В этом вопросе Безруких принес в заповедник четкую систему работы, присущую журналу «30 дней», и требовал неукоснительного выполнения порученного дела.

Музей в те годы открывался ровно в 11 часов и закрывался в 17 часов. Доступ посетителей к могиле происходил с 8 часов с обязательным перерывом для уборки с 12 до 13 часов. В 17 часов окончание доступа. Сторож могилы Анастасия Ивановна Филиппова — известная и почетная тогда в поселке человек. Штат работников на 13 января 1939 года был небольшим и составлял 24 человека, из них 6 экскурсоводов.

Серьезные работы в заповеднике проходились летом 1939 года накануне очередного пушкинского праздника. Вновь был организован ремонт домика няни, не макета, подлинной ветряной мельницы, в деревне Зимари, мостика на острове Уединения, дороги для экскурсий из Бугрова в Михайловское.

Много внимания уделялось очистке вручную озера Маленец, за что после войны боролись сотрудники заповедника, и впада в село Петровском. Приступили к восстановлению солнечных часов в Тригорском. Деятельное участие в восстановительных работах принимали академики Сухачев и архитектор Маляревский.

Успели вовремя завершить работы к празднику, 6 июня 1939 г., который собрал 12 тысяч человек.

Много времени заняла подготовка фольклорного представления на берегу Соротш. Праздник стал событием года.

Памятник, полка страниц нетленных,
Перечень забытых мелочей,
Чествование в гоме юбилейных,
Деловых речей —

Это мимо, это только дата,
Самых длинных суток не длинней, —
Пролетит, и вспомним: был когда-то
Этот юбилей.

Но другое — верстами разлуки,
Сотней лет не стертое пока,
После нас воскреснет в наших внуках, —
Что ему вена?!

И сейчас не юбилейным дымом
Чтим поэта.

Не сотней толстых книг...
Он встает от нас неотделимо,
Никому неравный из живых,
Как же занесет его в морозы
За сто лет ушедшая зима?

Это ведь не памятник, не бронза,
Это наша молодость сама.

Павел Шубин

Но праздник прошел, и вновь Павла Ефимовича поглотили заботы о поведении. И вновь вопросы ремонта Успенского собора, подготовки специальной формы для лесников и пожарных, споры с колхозом «Петровский», который на парковой аллее проводил молотбы и веяние льняного семени, а также захватил 13 гектаров луговой земли. Колхоз нашел поддержку оргкомитета Советов Опочечного округа. В ответ директор, в соответствии с законом о заповеднике, запретил лов рыбы в озерах Петровское (Кучане) и Маленец. Причем запрет ловли рыбы в мемориальных озерах перед войной тщательно соблюдался.

Безруких писал управляющему делами Академии Наук А. П. Данилову: «Просим Вас от имени президиума АН СССР вмешаться в это дело, добиться такого решения, при котором исключаются попытки растащить по частям заповедную территорию, сохраняющую память о великом поэте».

Думая о будущем, Павел Ефимович провел совещание, посвященное углубленному изучению пушкинских мест. С этой целью намечено было разобрать и описать в ближайшее время не менее 10 тематических работ и издать новый каталог-путеводитель.

В сторожке Святогорского монастыря Павел Ефимович обнаружил записи посетителей за целых 40 лет XX века. Особенно интересны записи, которые вели в монастыре о посетителях после юбилея поэта 1899 года. (Характерен постоянный рост посещаемости).

1899 год — посетителей, зарегистрированных персонально

за год				
—	—	—	—	30
1900	«	—	«	37
1901	«	—	«	72
1902	«	—	«	62
1903	«	—	«	56
1904	«	—	«	80
1905	«	—	«	82

1913 год — 222 так называемых демократических посетителей и энтузиастов... На этом записи, к сожалению, обрываются.

Интересны аналитические данные второй половины тридцатых годов.

Всего в заповеднике в 30-е годы зарегистрировано:

1936 г.	1937 г. (юбилейный)	1938 г.	1939 г.
15520 чел.	30000 чел.	18000 чел.	30000 чел.

В 1939 году посещаемость вновь достигла уровня юбилейного года. Очевидно повлияло то обстоятельство, что с 1938 г. заповедник перешел на хозрасчет и находился на нем до самой войны.

Каково же было состояние заповедника незадолго до войны? Дом-музей, построенный в 1937 году, состоял из 10 комнат, из них в 5-ти помещалась постоянная обновляемая экспозиция, организовывались выставки; при входе был вестибюль и 4 крыльца для служебных нужд.

Всего имелось 430 экспонатов: мебель из имений Осиповых-Вульф из Тригорского и Малишиных. Внимание привлекали скульптура Тат. ны работы Диллона, картина Кариллина «Пушкин среди птиц и странников». Посетители знакомились с выставкой «Пушкин и Байрон» из 65 экспонатов и другим. В 1939 год в фонд заповедника поступило 100 экспонатов и чрезвычайно важный архив Воронической церкви. Библиотека содержала около 2 тысяч томов книг пушкинской эпохи.

Однако, научных сотрудников и экскурсоводов не хватало, имелись вакансии заведующего музеем и старшего научного сотрудника. Недостатком Павел Ефимович считал отсутствие краеведческой работы и старался развернуть ее на основе местного материала. Но встречались большие трудности.

Безруких писал: «Краеведческая работа пока не развернута ввиду отсутствия работников соответствующей квалификации и методического совета нет».

И как здесь не вспомнить весьма значительный штат работников заповедника наших дней и спросить, как они загружены работой, каковы их творческие планы, какие издания по краеведению, пушкинской тематике они готовят и какова здесь роль ученого и методического советов? Сколько неиспользованных возможностей кануло в лету в последние годы!

Павел Ефимович вместе с сотрудницами разработал план восстановления Тригорского дома; но, к сожалению, этой его мечте не суждено

было тогда сбыться. Думая о стратегических целях заповедника, Безруких стремился к тому, чтобы каждый сотрудник собирал фольклорный материал, чтобы он чувствовал эпоху, был, костюмы пушкинского времени и поэтому поощрял участие в любительских спектаклях по классическим произведениям в поселке Пушкинские Горы.

Как было организовано обслуживание экскурсантов? Главный принцип работы: заповедник должен быть открыт ежедневно, не исключая праздничных и выходных дней, с 11 часов до 17 часов.

В заповедник приходили люди, лично заинтересованные в расширении знаний о Пушкине, в проникновении в лабораторию его творчества. Любопытных, приезжавших с другими целями, было гораздо меньше, чем сейчас. Люди шли на встречу с поэтом, а бытовые трудности они стремились не замечать.

Группы экскурсантов делились на две категории. Первая категория — это группа от 10 до 20 человек, группа второй категории составляла от 21 до 30 человек. Входная плата в заповедник — 1 рубль, с экскурсионным обслуживанием — 50 копеек. Колхозники платили по 25 копеек.

Стоимость группового обслуживания

	I категория	II категория
Михайловское	10 рублей	15 рублей
Тригорский парк	20 рублей	30 рублей
Петровский парк	15 рублей	20 рублей
Могильный холм	20 рублей	25 рублей
По всему комплексу	75 рублей	100 рублей

Весьма интересно сравнить эту стоимость с тем, что мы имеем сейчас. С тех пор очень многое изменилось!

К 1940 году обстановка в стране несколько стабилизировалась, ужас царивший на ее просторах, несколько притих.

Между тем происходили события, бросающие определенную тень на директора. В июне 1939 года появилось письмо в прессе под заголовком «Кто виноват в срыве ремонта Успенского (Святогорского) монастыря?» Его написал секретарь редакции газеты «Пушкинский колхозник» М. Л. Баталев. Одновременно с этим появились в прессе многочисленные стихотворения, анекдоты и частушки, посвященные многолетней реставрации монастыря, а вскоре в «Ленинградскую правду» была направлена заметка некой Т. С. Мылиной о том, что в заповеднике якобы происходит спекуляция группами туристов. В качестве примера говорится о том, что за группу в 9 человек однажды взяли плату как за 10 туристов.

Вскоре на бланке газеты «Ленинградская правда» можно было прочесть резолюцию от 27 июля 1939 года: «Для принятия мер направить С. С. Гейченко. Музейный отдел. Прошу ответить и дать свои пожелания музею Пушкина, хотя он нам и не подчинен».

Семен Степанович Гейченко несколько раз ездил в заповедник в то предпоследнее довоенное лето. Он работал в музейном отделе ИЛИ с 01.02.1937 года и по роду службы обязан был проводить паспортизацию экспонатов.

Архивы молчат, но 17 января 1940 года был подписан акт сдачи заповедника директором П. Е. Безруких своему заместителю К. М. Ходасевичу. Не помогла резолюция общего собрания работников, в которой не случайно записали: «Создан дружный коллектив, работы согласно акту были выполнены».

Вместе с тем, очевидно, за 2 года пребывания в заповеднике здоровье П. Е. Безруких несколько улучшилось. Хозяйственные дела требовали не-

пряжения сил и одновременно появились актуальные творческие планы. Например, он предполагал написать об одном из своих друзей-путешественников. Во всяком случае это было безопасно, а в районе вновь назревала «чистка» троцкистов и Безруких не забыл и жестокость Сталина во время гражданской войны, и возможность расправы с теми, кто слишком много знал.

В январе 1940 года он пишет внуку А. П. Керн географу Ю. М. Шокальскому незадолго до его смерти: «Глубокоуважаемый Юлий Михайлович! Простите, что беспокою Вас, но мне крайне необходима Ваша помощь в глубоко волнующем меня деле. Я приступил к работе над книгой о покойном Петре Кузьмиче Козлове, которого я очень любил и которого Выпали как замечательного путешественника».

В 1935 году в журнале «30 дней» я опубликовал статью, посвященную памяти Петра Кузьмича под названием «Открывший Хара-Хото».

Действительно ли Безруких начал писать о П. К. Козлове в период своего увольнения из заповедника, или он просто решил вернуться в Москву в связи с изменившейся обстановкой, трудно сказать.

Его заявление об увольнении было рассмотрено на заседании президиума Академии Наук СССР 4 января 1940 года. Протокол подписал вице-президент О. Ю. Шмидт.

Через несколько дней по просьбе Академии (а может по чьей-то другой просьбе?) выслали характеристику на Безруких, подписанную парткомом Кузьмичевым и временно исполняющим обязанности директора К. Ходасевичем.

Безруких в сложных условиях неопределенных 30-х годов сделал попытку на заложенной до него научной основе, используя опыт путешественников наладить современную организаторскую работу, быть независимым в служении поэзии — поднять на невиданную высоту того времени звезду Пушкина. Не его вина, что сделать это в тех условиях было невозможно.

Как же в дальнейшем сложилась биография П. Е. Безруких? О том времени он являлся внештатным редактором-рецензентом в Гослитиздате. Готовил рукопись для сборника об А. М. Горьком. Вспоминал встречи с писателем в Италии. В журнале «Вокруг света» № 1 за 1941 года был опубликован материал на эту тему.⁹⁶

После начала войны, 6 июля 1941 года добровольцем ушел на фронт, был военным корреспондентом, редактором газеты. В конце войны являлся заместителем председателя Всероссийского театрального общества, освобожден от должности по болезни в сентябре 1945 года. Во время войны написал повести «Орден хризантемы» и «Золотые очки».

Известны его иронические стихи, посвященные писателям-карьеристам, и в то же время лауреатам (создателям Гимна СССР):

О Сергее МИХАЛКОВЕ

Рано утром выхожу,
С неба звездочку достану.
Если сам не доложу,
Поручу Эль Регистану.

А когда С. Михалков и Н. Вигта, многократно награжденные, были вновь представлены к наградам, Безруких написал полушутливо, полу-

⁹⁶ «Вокруг света». 1941. № 1. С. 3.

Не родись счастливым,
Не родись толковым,
А родись Виртою или Михалковым.

В эти годы процветали лишь чиновники от искусства. Павел Ефимович был человек другого склада. Ему была нужна подобная деятельность.

В своей тихой московской квартире на Большом Тишинском переулке больной умирающий писатель, редактируя художественную литературу, постоянно думает о Пушкинском заповеднике. Он, конечно, знал о судьбе земли поэта, о том, что все там разрушено, уничтожено, осквернено, но память напоминает о прошлом, о той встрече с поэтом десять лет назад. И как хочется увидеть все это вновь! Так рождается очерк «Михайловские рожи» — память о записанных 10 лет тому назад в Михайловском частушках.

Умер Павел Ефимович Безруких после того, как отшумел Пушкинский юбилей и началось Возрождение заповедника, силы навсегда покинули старого журналиста. Умер он в 1959 году и забыт стал в заповеднике на сорок лет. Возможно кто-то был заинтересован в том, чтобы частушки, полные искрометного юмора, не были опубликованы. Новое начальство не любило вспоминать своих предшественников.

В память о Павле Ефимовиче Безруких хотелось бы закончить любимой пушкинской молитвой святого Ефрема Сирина: «Господи и Владыка живота моего дух праздности, уныния, лобоначала и пралюдствия не даждь ми, дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу твоему! Ей господи, царю даруй ми зрети моя прегрешения, и не суждати брата моего, яко благословен еси во веки веков! Аминь».

А. М. ГОРДИН и другие

«... Вдруг раздался легкий звон,
И в глазах у всей столицы
Петушок спорхнул со спицы...»

Несмотря на общую трагическую обетановку в стране, жестокие испытания, неосчитанные перемены, труд работников Заповедника за последние шесть превосходных лет не мог прощасть полностью — слишком уж много ума, таланта, души было вложено ими на пушкинской земле.

Одним из достижений предвоенных лет явилось создание сплоченного коллектива работников заповедника, коллектива единомышленников. И действительно, людей совершенно разных по общественному положению, характеру, склонностям объединяло главное — пушкинское миропонимание, трепетное отношение к его наследию, стремление довести поэтическую красоту пушкинского мира до каждого, пришедшего в этот удивительный уголок.

Более полувека пронеслось с тех пор. Изменилось все вокруг, но неизменным остался духовный потенциал людей.

Многие из тех, кто работал тогда в заповедных местах, являлись личностями и пронесли пушкинскую эстафету через все суровые испытания войны и послевоенной разрухи.

Главный итог предвоенных лет заключался в том, что были заложены в заповеднике основы научной и административной работы. В последующие годы после войны при разных обстоятельствах к ним постоянно обращались научные работники, но, к сожалению, далеко не всегда им следуют в наши дни. Научный потенциал заповедника, увы, как положено не используется.

Над древней псковской землей, над заповедником в глубинах космоса продолжает свой бесконечный путь маленькая планета (астероид) под № 2208, которой недавно дали имя Пушкина.⁹⁷ И есть в этом что-то удивительно символическое. Мы словно ощущали связь земли и бескрайнего космоса, связь материального и духовного. Космонавты рассказывают, хотите — верьте, хотите — нет, что из космоса заповедник предстает в особом свечении. Над Михайловским какая-то удивительная аура, какой-то духовный знак.

Действительно, особый дар предсказания, ясновидения существовал всегда в этих местах. Так было, когда горели постройки, парки, во время гражданской войны, трагических событий. Многие здесь их предчувствовали, ощущали их неминуемое приближение. Чем, например, объяснить и то, что именно накануне войны много внимания уделяли реставрации и сохранению домика няни, словно совершая обряд прощания с единственной сохранившейся постройкой пушкинского времени.

К июлю 1940 года стены домика няни сгнили на 75 процентов. Большую работу по реставрации провел профессор Лесотехнической академии Шенпрович, его ввали в шутку «короедом», и после кропотливой работы домик был восстановлен. Затем в мае 1941 года научное его описание с точным обмером произвел архитектор Ю. М. Малайревский.⁹⁸ Домик имел совершенно отличное от пышного внутреннее расположение комнат, которые находились параллельно стене центральной ганнибаловской постройки. Со стороны усадьбы домик не имел ни окон, ни дверей. Таким образом, сейчас совершенно другая, исторически неверная планировка помещения.

Продолжалась работа по пополнению Дома-музея ценными мемориальными экспонатами. Так, из коллекции многочисленных наследников Ганнибалов удалось приобрести зеркало, кресло, коллекцию монет и другие предметы. Были также получены вещи от наследников тригорских друзей Пушкина. Многие из них до сих пор находятся в экспозиции.

Большое внимание уделялось улучшению качества экскурсий. Эта работа находилась под непосредственным контролем заместителя директора по научной работе Аркадия Моисеевича Гордина. Вся деятельность этого человека долгие годы была посвящена пропаганде жизни и творчества Пушкина. Являясь автором ряда документальных книг, статей о Пушкинском заповеднике и по краеведению, он и сегодня активно выступает за научный подход в концепции заповедника, против дурной театрализации и вкусовщины.

Родился он во Пскове и жил там до 1925 года. Его отец Моисей Гаврилович работал по токсации сплава в Псковской губернии, и ему часто приходилось бывать в Святых Горах. Он оставил о себе добрую память у местных жителей. Вместе с родителями молодой Аркадий Моисеевич в начале 30-х годов приезжает в Пушкинские Горы и живет там на окраине деревне Астахово.

С первого приезда его очаровала красота и нетрокутость окрестной природы, в памяти остались реки и озера, старинные ветряные мельницы в деревнях Зимари и Дедовцы. С тех пор он, работая в Ленинграде в издательстве, стал приезжать в эти места, затем начал работать в заповеднике, и любовь к этой земле сохранилась навсегда.

Большое влияние на Гордина оказали работавшие на экскурсионной базе в деревне Зимари заведующая методическим кабинетом герценовского института Ольга Владимировна Тоддес и доцент этого института Леонид

⁹⁷ «Вечерний Петербург», 1994 г. 1 апреля. № 70.

⁹⁸ Ю. Малайревский. Реставрация домика няни. «Пушкинский колхозник». 1941. 17 мая.

Сергеевич Троицкий. Троицкий был редактором методички экскурсий в музее в квартире Пушкина на Мойке, 12 в Ленинграде накануне юбилея 1937 года, а Аркадий Моисеевич Гордин некоторое время водил там экскурсии.

Дружба с этими замечательными людьми, которые обладали огромной эрудицией, прирожденным экскурсоводческим талантом, тонким вкусом, способствовала расширению кругозора молодого паучного сотрудника.

В 1939 году вышла книга А. М. Гордина «Пушкин в Михайловском. Литературные экскурсии»,⁹⁹ посвященная заповеднику. После долгого перерыва она была одной из первых книг об экскурсионной работе, посвященной воспитанию детей на классике и на примере жизни великого поэта в глухой русской деревне, их духовному росту. Не потеряла своего значения книга и в наше время. Читая ее, мы представляем, как выглядел дом поэта в предвоенные годы, как проводились тогда экскурсии.

Приглашаю совершить воображаемую небольшую экскурсию по дому поэта, уничтоженному во время войны. Дом, построенный на подлинном фундаменте, совершенно не был похож на нынешний. Всего имелось 10 комнат. В одной размещался гардероб, 4 небольшие комнаты имели административные функции.

Сам музей занимал 5 комнат.

В первой была отражена история края. Видное место занимали: копия жалованной Грамоты Елизаветы Петровны знаменитому арапу Абраму Петровичу Ганнибалу, на основе которой он получил Михайловскую Губу в 1742 года, его портрет, вызывающий до сих пор споры пушкинистов, герб почтовая карта Псковской губернии, макет Михайловской усадьбы пушкинской поры (художник Баранов), портреты родственников, 2 столы из Петровского. Интересно был представлен крепостнический быт в зарисовках Лепренса 1762 года. На этом фоне раскрывался замысел знаменитого антикрепостнического стихотворения «Деревня».

Много внимания в экспозиции уделялось литературе того времени, политическим кружкам «Арзамас» и «Зеленая лампа». На большой картине была представлена встреча Пушкина с В. Кюхельбейнером в октябре 1827 года на станции Залазы.

Вторая комната раскрывала жизнь поэта и творчество в годы михайловской ссылки, «приют опального поэта, не побежденного судьбой». Замечательные портреты поэта работы Тропинина и Кипренского (в копиях) привлекали всеобщее внимание. На карте был представлен путь Пушкина из Одессы, а материалы о южной ссылке занимали особую витрину.

Были представлены картины художника Н. Н. Ге «Встреча Пушкина с Пушкиным», портреты Ж. Ж. Руссо, Байрона, скульптура Диллона «Татьяна», статуэтки Шекспира, Н. М. Карамзина. Документы, письма, рукописи рассказывали о работе над «Борисом Годуновым», «Евгением Онегиным», лирикой, сказками. Экскурсоводы обращали внимание на прижизненные издания, отличия критики и т. д.

Третья комната. Здесь давалась характеристика интерьеров дворянских домов пушкинской эпохи. Мебель из Тригорского и Малинников (Тверской край), собранная при помощи потомков Осиповых-Вульф, план тригорского дома, составленный Ю. М. Шокальским, фотография баньки, пейзажей, множество портретов, материалы о тригорских друзьях поэта, картина «Чтение Пушкиным «Цыган» в Тригорском», этюды художницы Шведе Радловой «Последние приезды Пушкина».

Четвертая комната была посвящена 30-м годам. Рассказывалось о

⁹⁹ А. М. Гордин. Пушкин в Михайловском. Литературные экскурсии. 1939 г.

литературных интересах и литературном окружении, работе Пушкина над «Капитанской дочкой». Имелось множество портретов людей той эпохи, картины художников Федорова, Наумова и других. Отклик на смерть поэта. Ветки, материалы в связи со 100-летием со дня смерти А. С. Пушкина.

Пятая комната рассказывала о пушкинских местах в наши дни. Здесь было множество пейзажей художника Н. Радлова, гравюр Л. Хижинского и других.

Картина «Домик няни, окутанный первым снегом» художника Бялинского-Бюрюли.

Предполагалось организовать специальный раздел «Михайловское в творчестве детей», а также временные выставки.

Рядом с Гординым в последние предвоенные годы работали экскурсоводами Л. Н. Назарова, Е. Б. Фрейдель, В. К. Зажурило, В. М. Виноградова, Н. И. Грановская и другие. Это были творчески одаренные люди, энтузиасты своего дела. Они заложили на долгие годы основы методики экскурсионной работы.

В штате заповедника в 1940—1941 гг. весьма интересные и оригинальные люди. После П. Е. Везруких некоторое время директором был Константин Мамертович Ходасевич, хороший хозяйственник, но неудачный руководитель. Это был человек небольшого роста, энергичный, по натуре своей — исполнитель.

Ходасевича сменил Петр Анисимович Ивалов, писатель-самоучка. Родился он в Ростове-на-Дону в 1884 году в семье железнодорожного слесаря. С 1926 года работал научным сотрудником Музея революции. Писать начал с 1925 года. Известен его роман «От стайки к баррикаде» (о революции 1905 года). Весьма схематический, газетного стиля. Диллоном с первым составил роман «Сухая гильотина». Петр Анисимович ничем особенным себя не проявил в заповеднике, правда, работал в нем недолго. Накануне войны его неожиданно сняли с поста директора и он исчез, как и многие другие, неизвестно куда. Дальнейшие его следы не сохранились.

Значительную помощь заповеднику оказывала администрация Пушкинского Дома, прежде всего зав. музеем Института литературы в конце 30-х годов Матвей Матвеевич Калаушин. А работать в этом музее в то время было весьма трудно и порой и небезопасно, но Матвей Матвеевич сумел спасти многих, в том числе и Семечу Степановича Гейченко, который тогда трудился у него.

Энергичный и обаятельный Матвей Матвеевич Калаушин являлся душой многих начинаний Пушкинского Дома. Он часто приезжал в заповедник, а вместе с ним часто появлялись и руководители Пушкинского общества В. Мануйлов, Б. Томашевский, Д. Якубович, Н. Измайлов, М. Болотов и другие. Поэтому очевидно в эти годы публикуется довольно много статей и книг о Пушкинском заповеднике.

Пушкинский Дом в эти тревожные годы продолжает заботиться о заповеднике. Совместно с Ленинградским отделением Союза писателей он поднял вопрос о дальнейшем расширении Пушкинского заповедника и удлинении его работы: «В частности, желательно передать заповеднику, имеющему огромную мемориальную ценность и непосредственную связь с жизнью Пушкина, парк бывшего имения Петровского, ранее принадлежавшего предкам поэта Ганнибалам (ныне этот парк застроен и подурядушен), и некоторые соседние с Михайловским зданием, также связанные с именем Пушкина; расширение Дома туриста — превращение его в Дом отдыха».

В отчете о работе Пушкинского Дома писали: «...Ученые и писатели

отмечают, что до сих пор не выполнено решение о сооружении памятника Пушкину в Михайловском».

Своеобразным и противоречивым человеком с трагической судьбой был лесовод Кузьма Васильевич Афанасьев. В его жизни отразились все противоречия предвоенных и военных лет. После войны о нем в некоторых мемуарах писали крайне негативно, порой со злобой.

Недавно вышла из печати книга Л. Агеевой и В. Лаврова «Хранитель». Она посвящена жизненному пути Семена Степановича Гейченко. Материал собран большой, много интересных деталей, зарисовок, отрывков из писем. Вместе с тем, книга поражает своей однозначностью, не критичностью подхода к сложной и противоречивой фигуре бывшего многолетнего директора заповедника. Особенно это заметно, когда авторы рассказывают о некоторых эпизодах, записанных, очевидно, со слов самого Гейченко.

Стереотипный подход ощущается, например, когда вспоминают они о первом приезде С. С. Гейченко в заповедник. Вспомним то время и мы... В августе 1939 года заключен договор с Германией. Полностью изменились отношения между нашими сторонами. В стране культ личности. Непонятно, что будет дальше... Многие в этих условиях стараются изучать немецкий язык.

Вот как авторы пишут о том сложном периоде, о людях предвоенной поры: «В самом конце 30-х годов Гейченко принимают на работу в Пушкинский Дом. По командировке ИЛИ он приехал в Михайловское, чтобы составить паспорт на памятники сел. Так, впервые жизнь сведет нашего героя с заповедником.

Думал ли тогда Гейченко, что это место станет для него судьбоносным? Не будем гадать. Но поездки запомнились, а об одном эпизоде он рассказывал не раз.

Была зима, приехал он в Михайловское поздно. В усадьбе никого не было, и только в конторе горела керосиновая лампа. Подошел к повешенному окну и увидел сквозь полузамерзшее стекло старого лесничего К. Афанасьева и его жену, которые записались немешим. Тогда не придал этому значения. Лишь когда началась война с немцами и все друзья заповедника узнали, что К. Афанасьев стал директором заповедника при гитлеровцах. Гейченко понял все зловещее значение этих упражнений».

Время пришло рассказать о Кузьме Васильевиче Афанасьеве всю правду. Был он одним из самых талантливых людей в заповеднике перед войной. Он великолепно знал лес, пожалуй, никто после него в заповеднике не являлся таким знатоком природы. Таких людей не хватает и сейчас для сохранения лесов и парков заповедника.

Немногие знали, что в молодые годы Афанасьев писал художественные произведения. В начале века он переписывался с В. Г. Короленко и однажды послал ему в Полтаву роман «Лия», напечатанный в журнале «Русское богатство», а также стихи «Искушение Ивана Грозного». Правда, знаменитый писатель посоветовал ему не заниматься профессиональным литературным трудом, но страсть к книгам сохранилась у него навсегда. Длинными зимними ночами он продолжал писать в своем лесном доме.

Приехал в заповедник Афанасьев, как говорили, из брянских лесов, где, очевидно, находился в заключении. Заповедник он безоглядно полюбил. Главная обязанность лесовода состояла в поддержании парков и окружающих лесов в образцовом порядке, по возможности, в том состоянии, каким мог видеть их Пушкин.

Наряду с этим Кузьма Васильевич с большим волнением писал на пушкинские темы. Во многих изданиях предвоенных лет публиковались

его заметки и статьи, на протяжении длительного времени он был активным автором, хотя ему тогда уже исполнилось 65 лет.

Как же выглядели окрестности Михайловского накануне войны? Об этом дает представление очерк Афанасьева.¹⁰⁰ Прежде всего он обращает внимание, что занимали они более 248 га, были в достаточно ухоженном состоянии и способствовали созданию поэтического настроения в душе каждого приходившего под их сень.

Для удобства экскурсантов Афанасьев предложил руководству заповедника проложить новую дорогу через лес от деревни Бугрово к Дому поэта. До 1935 года подлинная пушкинская дорога проходила, извиваясь через ганнибаловскую Долгую пустошь, западнее современной. Именно по этой дороге Пушкин со своей неизменной железной палкой ездил и ходил в Святогорский монастырь. По этой же дороге направлялся в январь 1825 года к сыльному поэту его незабвенный друг Иван Иванович Пущин.

Но дорога, проходившая по болотистой местности и холмам, была весьма протяжена и неудобна для массы туристов. Новая же начиналась сразу же на окраине деревни Бугрово у реки Луговки, где когда-то часть леса принадлежала монастырю. Ему же Осип Абрамович Ганнибал подарил мельницу, которая до революции являлась собственностью, о чем уже упоминалось, весьма колоритного мужика, мельника Ольхина, изображенного в знаменитых записках Тимофеевой-Почниковской «Шесть лет в Михайловском».

На полпути дорога в Михайловское пересекала так называемая Рысцовая дорога от бывшей в пушкинское время деревни Рысцово в Петровское, а с восточной стороны у кордона находились в далекую эпоху исторические Явочные ворота, весьма загадочные места сбора воинов, очевидно, в эпоху Ивана Грозного. Одна из легенд рассказывает, что через них какой-то царевич проезжал со свитой и где-то зарыл богатые клады. Возможно, это был великий князь Владимир Александрович, приезжавший в Михайловское к Григорию Александровичу Пушкину в середине 80-х годов XIX века, о чем вы, дорогой читатель, наверно, помните.

А недалеко от озера Кучане дорога в Петровское проходила через не менее загадочную Зменную гору. Говорили крестьяне, что жил когда-то здесь страшный и непобедимый Змей Горыныч. Страшно лютовал он в окрестностях и каждый день съедал по молодой девушке. Но вот явился русский богатырь и придумал как справиться со Змеем Горынычем. Надел он железные доспехи с острыми шипами, съел его Змей, а богатырь, омазавшись внутри, разодрал чудище на части.

Руководство заповедника и лесовод Афанасьев в те годы большое внимание уделяли каждому дереву парка, строго наказывали тех, кто причинял вред природе, срубал мемориальные деревья. Опломбирование их началось еще в 1935 году и каждый год проходило тщательное обследование каждого дерева.

Большой знаток леса, много сделавший для сохранения парка заповедника, лесовод Н. В. Афанасьев писал: «Из иного леса хочется бежать без оглядки, до того мрачно в нем. Иной лес навеивает безотчетное веселье. Пушкинский пейзаж с лесом, с озерами, с холмами, весь пропитан удивительным спокойствием, которому невольно поддаешься, от которого смиряются душевные волнения».

Отношение Пушкина к пейзажу приводит в своих воспоминаниях его приятельница А. С. Смирнова-Россет.

¹⁰⁰ Михайловские роци. — «В наши дни», 1936, № 3, С. 42.

Он убежденно говорил: «Некрасивых пейзажей нет! Жизнь есть везде, даже под снегом и среди убогой природы. Некрасивыми могут быть только города и хуже всех их Новоржев, ближайший город к Михайловскому».¹⁰¹

Вопросы сохранности пейзажей парков постоянно волнуют сотрудников заповедника, особенно перед войной. Так, на заседании Географического общества в Ленинграде в декабре 1940 года выступил с обстоятельным докладом лесовод К. В. Афанасьев. Он проанализировал состояние парков заповедника. Специалисты по лесу решили приступить с ранней весны 1941 года к геодезической съемке и комплексному обслуживанию заповедника.¹⁰²

«Для поддержания в должной сохранности Пушкинского заповедника как культурного исторического памятника, имеющего всесоюзное значение, Президиум Академии Наук поручил Институту литературы приступить с весны 1941 года к организации геодезической съемки и нивелировки территории Пушкинского заповедника, а также провести инвентаризацию лесных и парковых участков и оказанию сантехнических мероприятий по заповеднику.

Президиуму Географического общества поручено выделить специалистов для постоянных консультаций по уходу за парками и лесами».

Если бы эта работа была осуществлена, мы бы имели целостную и детальную картину парков и окружающих лесов, смогли бы сделать прогноз лесопарковой зоны, определить меры по устранению недостатков в этой зоне, уточнить степень постепенного изменения пушкинских пейзажей и т. д. Но этого, к сожалению, не произошло до сих пор.

В предвоенные годы появилась традиция трижды в год отмечать знаменательные даты: день рождения поэта, годовщину его гибели и годовщину приезда в Михайловскую ссылку. К ним тщательно готовились, приводили в порядок дом поэта и музейную экспозицию, чистили парки, готовили фольклорные праздники.

Газета «Пушкинский колхозник» (редактор Н. Жуков) систематически публиковала статьи научных сотрудников заповедника. Особенно часто публиковались материалы, подготовленные А. М. Гординым и О. В. Ломан. Читатели с интересом познакомлись в начале 1941 года со статьями «Смерть поэта», «Пушкин и народ», «Чем нам дорог Пушкин» и другими. Они популяризировали творчество поэта, помогали вдумываться в его поэтическую лабораторию.

Среди множества учеников А. М. Гордина выделялся его воспитанник, молодой, энергичный А. И. Оронд. Когда перед самой войной Гордин вернулся в ленинградское издательство к прежней работе, он оставил заведовать музеем именно его. Оронд зарекомендовал себя на работе в Доме поэта при реконструкции. Гордину и Оронду удалось расширить материал о Михайловской ссылке. Среди мемориальных вещей были представлены 4 бильярдных шара и кий, которые с тех пор вызывают живой интерес у посетителей. У них позднее сложилась весьма драматическая судьба.

В день рождения поэта новый зав. музеем А. И. Оронд поделился с читателями планами работы заповедника на 1941 год. Он писал: «Одна из задач научной работы — помощь и консультации по воссозданию пушкинского ландшафта на территории заповедника. Будут подготовлены доклады на темы «Природа пушкинского Михайловского: сравнительное изучение планов с 1771 по 1941 гг. с целью точного выявления характера

местности Михайловского, степени и особенности его изменения».¹⁰³ К сожалению, к этой теме в послевоенные годы руководство заповедника уже не обращалось. После попытки вывезти в эвакуацию обоз с экспонатами, зав. музеем А. И. Оронд умер от голода в блокадном Ленинграде на Фонтанке. Война изменила все планы.

Среди последних работ сотрудников заповедника были подготовленные выставки на новой прекрасной станции Тригорское и в помещении бывшей Воронической церкви «Окрестности Михайловского в связи с жизнью и творчеством Пушкина».

А планы работы были обширны. Предполагалось после завершения капитального ремонта в Святотрогском монастыре в 1942 году открыть там филиал музея с выставками «История края», «История дуэли». Правительством на благоустройство заповедника отпущено в 1941 году 90 тысяч рублей.¹⁰⁴

Своеобразным символом предполагаемых грядущих преобразований в окрестностях заповедника явилось великолепное, привлекавшее всеобщее внимание художественное мозаичное панно «Сказки» А. С. Пушкина заслуженного деятеля искусств Дмитрия Николаевича Буторина в зале железнодорожной станции Тригорское. Но в целом вокзал не претендовал на новое слово в архитектуре. Архитекторы В. С. Георгиевский и Л. П. Цинман писали об этом вокзале: «Мы не считали нужным строго придерживаться архитектурного стиля пушкинского времени, главным образом, потому, что этот стиль никак не отвечает содержанию современного вокзала, кроме того, характер сохранившихся и реставрируемых построек в Михайловском и Тригорском не носит резких стиливых особенностей.

В книге отзывов того времени можно найти интересные записи. В них целая гамма человеческих чувств. Особенно волнуют детские записи, приведенные А. М. Гординым в его книге. Описанные как раскрывались ча- встречу прекрасному детские души. Например, школьник 8 класса А. Новиков написал стихотворение «Встреча».

Был ветер тих. И плыли тучи.
И уходили в синь поля
Закат над Соротью певучей
И шорох спутанных ветвей

Я шел один по той аллее.
Где липы сжали тишину
В лицо мне легкий ветер веял
И звали шелесты ко сну.

Вдруг чей-то голос на опушке
И смех звенящий в тишине:
То Анна Керн и с нею Пушкин
Навстречу шли, смутившись, мне.

Я встал за листья незамечен
И сквозь причудливую вязь
Я видел этот тихий вечер
И как прошли они, смеясь.

¹⁰³ А. Оронд. Задачи научной работы. «Пушкинский колхозник», 1941, 6 июня.

¹⁰⁴ Вокзал в Тригорском. «Архитектура Ленинграда», 1937, № 1, С. 38—39.

¹⁰¹ «Записки А. О. Смирновой», стр. 76.- к

¹⁰² «Вестник АН», 1941, № 4, стр. 112.

Я слышал, как они болтали
Непринужденно и легко,
И лины тихие шептали,
Качая ветви высоко.

Река уснула. Сном растений
Дремали лины вдали.
Они исчезли точно тени...
Так, незаметно, как пришли.

Сейчас А. Новиков — известный ученый-философ Ленинграда.

А другой учащийся писал: «Для того, чтобы посетить «Михайловское», я прошел пешком 50 километров». И таких записей множество. Прав знаменитый педагог прошлого Лев Поливанов, который постоянно подчеркивал необходимость для молодого человека знать наизусть не менее 31 произведения Пушкина и с них начинать каждый день общение с миром, духовную зарядку.

Между тем, война приближалась. Вскоре судьбы людей изменятся неузнаваемо.

И вот, дорогой читатель, наступил последний предвоенный пушкинский праздник. Отмечалась 142 годовщина со дня рождения А. С. Пушкина. 8 июня был прекрасный жаркий день. Никто, конечно, не знал, что их вскоре ожидает, и никто не хотел умирать. Думали и говорили о жизни, поэзии, Пушкине. Будущее, несмотря ни на что, казалось прекрасным.

Собралось более семи тысяч гостей, а рядом бегали неутомимые ребята. Присмотревшись, наш современник обнаружил бы среди них людей, которых сегодня каждый в заповеднике знает. Но сколько им еще предстоит пережить и через столько испытаний пройти!

Дом-музей был открыт в этот день с 8 часов утра до 8 часов вечера. Играл духовой оркестр. В доме поэта побывало более 1400 человек.¹⁰⁵

К собравшимся на берегу Сорочи обратился член пушкинской комиссии Академии Наук СССР известный ученый В. Мануйлов. Он говорил о непреходящем значении творчества Пушкина, о том, что каждое новое поколение открывает новые грани, тайны его творчества, о том, что Пушкин принадлежит вечности.

Выступали поэты В. Азаров, Е. Рыбина; молодые музыканты исполняли произведения на стихи поэта. Но особенно восторженно приветствовали собравшиеся старика, колхозника сельхозартеля им. М. И. Кошкина Михайловского сельского Совета, Ивана Антоновича Антонова. Он как всегда мастерски, но весьма своеобразно по-псковски прочитал «Полтаву» и затем «на бис» отрывки из «Евгения Онегина». Затем состоялся традиционный фольклорный праздник. Расходилась народ поэдно с песнями под гармошки. Издалека слышался смех местных козачиц.

Через две недели началась война. И никто не предполагал, что так же стремительно ворвется в заповедник. 2 июля немцы впервые бомбили Пушкинские Горы. Вставала дыбом древняя русская земля. Взрывом сорвало купол Успенского собора, но могила поэта, к счастью, не пострадала, она лишь приобрела как бы более строгий вид. Медленно кружась на землю падали немецкие листовки.

На станции Тригорское рядом с великолетним панно собирались поэты-любители и поэт словно благословлял их на путь поющего края. Сердце томила гармошка. Плакали неутешные матери, жены, невесты. Что их ждало впереди?

¹⁰⁵ Л. Телепнев. На празднике в Михайловском. «Пушкинский колхозник», 1941, 10 июня.

Заповедник некоторое время продолжал еще жить по инерции обычной выверенной годами жизнью. В день начала войны в то воскресенье здесь побывали четыре экскурсии. В эти первые дни в «Пушкинском колхознике» были опубликованы заметки о реставрации могильного холма, посадке саженцев в Михайловском, завершении реставрации домика няни, а также статьи П. Безруких о встречах с Горьким в Италии. Заповедник словно не хотел расставаться с мирной жизнью.¹⁰⁶

Фронт лавиной приблизился к Пушкинским Горам. Все ближе и ближе. Назначенный за несколько дней до войны новый директор, молодой человек М. Зайгейм под благовидным предлогом, неожиданно бросив заповедник, уехал в Ленинград, фактически сбежал. На одном из последних поездов, уехал из Пскова находившийся в отпуске А. М. Гордин. Через многие испытания, через блокаду пришлось ему пройти, прежде чем он вновь увидел эту дорогу для него пушкинскую землю.

Завершился мощный пласт русской истории и культуры. Уходили в прошлое противоречивые предвоенные годы. Мы с вами, уважаемые читатели, со сложной гаммой чувств прошли по тернистым дорогам заповедной земли через полтора столетия, прошедшие после гибели поэта.

Всякое было на этом пути. Многие мы вспомнили. Это наше детство, юность, жизнь. Потому они и вспоминались в определенной дымке. Огляды ваясь назад, мы испытываем сложные чувства.

Звезда пленительного счастья, в которую верил и которую приближал поэт, в 30-е годы была еще неизмеримо далека. В ней, этой мечте были сконцентрированы самые сокровенные, самые важные его мысли, его душа. И вместе с тем, все больше становилось людей, в меру своих сил приближавших ее. Им не суджено было увидеть эту звезду. Но их последователи, преодолевая преграды в своем стремлении к счастью, увидят восход новой неведомой России и душа ушедших наполнится горячей благодарностью и тем, кто смог дойти, кто продолжил начатый нами когда-то неизмеримо трудный путь, завещанный великим поэтом России. Это и будет лучшим ему памятником.

Завершая первую часть своего повествования об истории заповедника, я с трудом нахожу нестертые слова, чтобы еще раз напомнить, огрубевшим ныне человеческим сердцам, об ужасной невиданной беде, внезапно накатившейся трагическим валом на русскую землю в июне 1941 г. На пути своем к сердцу России враг испепелил жизнь, нес гибель народу, его культуре, Пушкину. И откуда же взялась та богатырская сила, которая встала на пути злобы и ненависти и отбросила врага? Видно сила эта копилась долгие годы и в тяжелый момент проявила себя со всем размахом и удалью.

Неслучайно поэт писал: «Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какую дал нам бог».

Когда-то друг Пушкина «черноокая красавица» А. Н. Смирнова-Россет вспоминала о том, что Александр Сергеевич, будучи в Святогорском монастыре, не раз замечал панихиду по преобразователю России императору Петру Великому, что в трудные часы своей жизни обращался он к теним великих предков наших, к истории земли русской. И что-то мистически-таинственное чудилось в этих проникновенных рассказах о его необыкновенных способностях ощущать присутствие прошлого в дне настоящем.

А еще вспоминается старый монастырский певчий Иван Иванович Лошоник (Лапушиков), провозивший Пушкина когда-то в последний путь и любивший рассказывать с дрожью в голосе об этом событии многим по-

¹⁰⁶ П. Безруких. Из воспоминаний о М. Горьком. «Пушкинский колхозник», 1941, 18 июня.

сстителям последнего пушкинского приюта. И словно неразрывная нить тянется из глубины веков к дню нашему:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века
По воле бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его.

В суровый трагический час обратила Россия свой взгляд на тени ушедших предков, на тех, с кем она через трагические испытания и неизбывное горе не раз в прошлом шла к трудным победам и возрождению и с кем она не могла не победить и на сей раз.

...Над бескрайними просторами России мела кровавая метель народного горя. Уходили люди в леса, к партизанам, готовили борьбу, и слово поэта помогало им.

...А метель все злее рвала душу на части... Но среди безумных ее завываний, словно голос самой надежды, люди слышали пронзительно светлый глагол Пушкина и верили ему; не могли не верить своей судьбе, своей России.

«Куда ж несешься ты, Русь? Дай ответ!..» — спрашивали во все времена «мыслящие люди». И как всегда исчезала Россия на время в крошечной мгле.

...Безумным вихрем пронесся по земле нашей год 1941-й. И слышалась в нем музыка мировоздания, словно открылась тайна космоса, тайна бытия, где воедино слились во имя жизни и наше прошлое, и наше настоящее, и неведомое будущее.

Мчатся тучи, вьются тучи,
Невидимкою луна
Освещает снег летучий,
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле.
Колокольчик динь-динь-динь...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!
Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вот теперь в овраг толкает
Одичалого коня.
Там верстою небывалой
Он торчал передо мной;
Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой.
Бесконечны, безобразны
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...

Сколько их! Куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж отдают?
Мчатся тучи, вьются тучи,
Невидимкою луна
Освещает снег летучий
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

1830 г.

Замирает сердце, представляя эти замечательные картины русской природы, с дорогими сердцу неповторимыми пейзажами, где идет страстная борьба сил света и тьмы.

В них видится как бы само движение души человека, ее беспредельное стремление несмотря ни на что к счастью!

И разве ты не чувствуешь, дорогой читатель, как на новом витке истории повторяется непредсказуемая судьба России с ее удивительной и таинственной связью времен Пушкинского и нашего в дни войны и мира.

1993 г.

VIII. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

На этом завершается первая часть книги очерков истории Пушкинского заповедника «Памятник». Благодарю всех, кто прочитал ее до конца. Со смерти поэта мы попытались проследить ее историю на фоне судьбы России, ее культуры.

Что получилось судить вам. Но учтите, что многие архивы еще труднодоступны, в т. ч. находящиеся в заповеднике под усиленным надзором. Многие документы погибли или утеряны, другие по ряду причин просто не существуют. Однако непредвзятый читатель уже здесь видит штрихи к будущему портрету Заповедника, хотя не все материалы равноценны и интересны, нет документов начала 30-х годов, не прослежены в достаточной мере судьбы таких людей как историк академик С. Ф. Платонов, профессор К. К. Романов, П. М. (?) Волков, местный архитектор В. Л. Нелиндер, лесовод К. В. Афанасьев и некоторые другие, их деятельность требует особого внимания и возможно специальных исследований. Интересно также проследить более подробно исперированную властями борьбу краеведов «производственного» направления с «историко-культурным», выявить историю краеведческого движения, показать формирование перед войной разномыслия отношения к властям, к культуре.

Вместе с этой книгой два года я жил, любил и ревновал, боролся и страдал. Она была весьма важной частью моей жизни. С ней я, надеюсь, поднялся на новую духовную высоту, выполнив свой долг перед теми, кого увя, нет и перед теми, кто сегодня ведет экскурсию.

Я вспоминаю вещи слова Ф. М. Достоевского:

«Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собой в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем».

Все, что вы здесь прочитали, представляется как история восприятия Пушкина как поэта и как человека на его земле, путь к гармонии и единству, проверенный в многолетних сложных испытаниях. Поэтому мы имеем право сказать вместе с А. А. Твардовским «Пушкин нашей поры больше чем тот, которого знали наши предшественники».*

Этому сложному пути от отрицания значимости Пушкина как личности в первые годы до философского понимания в наши дни его трагической и прекрасной фигуры, посвящена данная книга.

«В русской среде... Пушкин внедрен в самую сердцевину множества жизней. Он помогает в крайней нужде, беде, излучает особый род духовной поддержки, глубоко интимной, как сердечная святыня».

Я хотел бы вспомнить слова Федова Абрамова: «Мой Пушкин — это отеческий Пушкин, который пророчески, с великим и горьким раздумьем смотрит в очи России. В нем все начала и кажется все концы».

...И случайно ли, что именно в наше время в Пушкине мы усмотрели такие глубины? Нужно было пройти через испытания, через реки и моря крови, через битвы, нужно было понять, как хрупка жизнь, понять всю красоту и возможности человека, чтобы понять самого удивительного, самого духовного богатыря, гармонически разностороннего человека, каким был Пушкин».

С этими мудрыми словами я и прощаюсь с вами, уважаемые читатели. Да светится его имя в самом сердце России!

* Ф. Абрамов. Отец наших дум. Л. Г. 1985. 5 июня. С. 5.

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

Лица, упомянутые в книге «Памятник», с которыми связана история Пушкинского Уголка.
I (1837—1917)

- Алексей — епископ Псковский, выступивший на освящении колонии в М. в 1911 г.
Алешинцев И. А., исследователь тв. П., участник откр. колонии в М. (1911 г.)
Бейтельбаум В. Г., горный инженер. Заметки о ПУ в ИВ (1914—1917).
Ге Н. И. Художник, 70-е гг. — картина «П. в М.», пейзажи (1875).
Геннадий — настоятель Св. Мон., провод. П. в последний путь (1837).
Изенберг К. В. архитектор, строитель Храма Славы, постан. «Живых картин» (1899)
Карпов П. Ф. полечитель колонии в М. в нач. XX века, член П. К.
Константин Константинович — вел. князь, поэт, президент АН, пред. Пуш. комиссии (1899).
Корсаков Г. Г. управ. М. перед I Мировой войной, отчет о полож. колонии.
Лопушников (Лощеник) И. И. певчий, пел на похоронах П. (1837)
Мельникова В. А. жена сына П. Григория Александр. сохранила многие его вещи (ум. 1935)
Модзалевский Б. Л., пушкинист, составил опись Тригор. библиотеки, написал книгу «Поездка в Тригорское в 1902 г.»
Назимов В. Л., архитектор, реставрировал склеп и могилу П. (1902 г.)
Плетнев П. А., друг П., первый посетил его могилу летом 1837 г.
Пушкин Г. А. мл. сын поэта жил в М. (с 1866) раскопал Курган, сохранил вещи П. (ум. 1905)
Иванов И., художник, губерн. землемер, «Галерея видов Пскова и окрест». (1838).
Иоанн — настоятель Святогорского Монастыря, новый этап его деятельности (1895), связан с ним.
Острогорский В. Н. составитель альбома «ПУ».
Саврасов А. К. пейзажист, написал первый этюд «Могила П.», пейзажи
Семевский М. М. журналист приезжал в Тригорское в 1866 г.
Случевский К., повесть. «О пут. вел. князя по северу России» (1895).
Тимофеев К. А. — литератор, оставил воспом. о посещ. Свят. Монастыря (1859)
Тимофеева-Починковская В. В. — «Шесть лет в с. М.» (архив АН СССР), (1918)
Тургенев А. И. — друг П., проводивший его в последний пут., в Свят. Мон. (1837)
Раевский А. И. — учитель в Свят. Горах, в течение 50 лет (ум. 1899)
Раевский И. (Шнода), священник д. Воронич, нес на руках несколько км гроб поэта.
Раевская А. И. (Скоропостижная) последняя современ. П., поэт ходил с ней по грибы».
Розберг М. П. профессор, оставил воспом. о посещ. Свят. Мон. (1856) (ум. 1924)
Шведер Е. журналист и художник, заметки о современниках П.
Шокальский Ю. М. внук А. Керн, воспом. о сыне поэта (ум. 1940 г.)
Щуко В. А. — архитектор, восст. Дом поэта, администр. Здания для колонии (1911 г.)

II (1917 — 1941 гг.)

1. Алексеев — член комиссии культпросвета Опочец. уезда, направленный в М. после пожара (1918 г.)
2. Афанасьев К. В., лесовод, экскурсовод, зав. заповедником в годы оккупации (1941—1944)
3. Балакин (?) Зав. Окр. Псков. губкома (1927)
4. Безруках П. Е. директор П. З. (1933—1940 гг.)
5. Беляев М. Д. зав. музеем ИРЛИ (20-е—30 гг.)
6. Волков П. М. (?) Зав. П. З. (1929 г.)
7. Гардин В. Р., кинорежиссер фильма «Поэт и царь», сним. ред. сцен в М. (1927)
8. Гареев З. Х. нач. штаба Башкирской дивизии, восст. домик няни (1920 г.)
9. Гаррис (Новикова) автор материалов о П. У (20-е годы)
10. Гейченко С. С. Зав. музеем АРЛИ (конец 30-х гг.), директор П. З. (с 1945 г.)
11. Гордин А. М. — экскурсовод, зам. директора П. З. по науке (1946 — 1950), автор экспозиций, книг, альбомов, публикаций по П. З. (р. 1913).
12. Голубев В. З. директор П. З. (1935—1938) автор экспозиций, статей о П. З. (погиб 1941 г.)
13. Гладкий А. К. — корреспондент, полит. деятель, автор публик. в 20-е годы (судьба?)
14. Гловацкий Б. С. — актер театра им. Радлова, экскурсовод (1940 г.), внешние походы на П. (умер 1970).
15. Гранозская Н. И. экскур. науч. сотрудник Пушк. музея (Ц. Село) автор книг, статей.
16. Грушкин А. И., науч. сотрудник, экскурсовод, автор книг о П. (умер в 1942 г.)
17. Евдокимов составитель первого плана М. в 20-е г.
18. Закурило В. К. старейший (1934) экскурсовод-методист
19. Зиновьев А. В. старейший житель д. Воронич, свидетель многих ист. событий (1907 — 1993 гг.)
20. Иванов П. А. — директор П. З. (1940 г.) писатель (судьба?)
21. Иоффе А. А. — член делегации в Бресте, подпис. первый совет. документ о П. З. (1918)
22. Каменев Л. Б. изв. полит. — общ. деятель, директор П. Д. (1934 г.) расстрелян в 1936)
23. Калаушин М. М. Зав. музеем ИРЛИ (1930-е г.), автор публикаций.
24. Каринский А. П. президент АН СССР (1917—1936), уч. П. праздника (1924 г.)
25. Лебедев - Полянский П. П., директор ПД (30—40 гг.)
26. Леплевский — пред. Малго Совнаркома (III-1922) подписал Декрет о П. З.
27. Ломан О. В. — экскурсовод в 30-х гг., автор Путеводителя, книг и статей о П. З.
28. Луначарский А. В. нарком просвещения, посетил П. З. в 1926 г. автор книг, публикаций (умер в 1933 г.)
29. Мануйлов В. А. исслед. творч. П., выступал на П. праздниках
30. Назарова Л. Н. экскурсовод, науч. сотрудник (30-е гг.)
31. Нелиндер В. Н., архитектор, восстан. домик няни (1920), судьба?
32. Оксман Ю. Г. зам. директора ПД, Разраб. план и программу восст. заповедника (1934 г.)
33. Ольденбург С. Ф. Академик, член совещания по П. З. — разр. вопр. о предназначении П. З.
34. Орлов А. С. академик, оказывал практич. помощь П. З.
35. Оронд А. И., науч. сотрудник, Зав. музеем М. (умер в 1942 г. в Ленинграде от голода).
36. Павлов Ф. П. Зав. П. З. (1927—1928) (судьба?)
37. Платонов С. Ф. академик, автор книг, публикаций.
38. Поляков А. С. автор книг о П., ездил в Голубово, вывез ряд документов о П.
39. Паустовский К. писатель, неоднократно был в П. З.
40. Пацко Н. Л. и. о. зав. П. З. (1933—1934) экскурсовод, науч. сотрудник, автор публикаций (судьба?)
41. Розмирович В. Ф. секретарь комиссий по приемке Дома поэта, умерла в ссылке. (?)
42. Романов К. К. архитектор, восстан. Дома поэта, автор исследований, умер в ссылке
43. Семенов С. А. дир. П. З. автор пьес и книг, умер на фронте.
44. Семенов-Тяньшанский П. В. пушкинист, автор публикаций, (репрессирован) неоднократно выступал в П. З.
45. Сергеев Г. С. — Зав. Опочецким ОНО, предложил проект Декрета о П. З.
46. Соловьев В. Ф. Зав. Губкома г. Пскова, ученый археолог, член П. комиссии.
47. Устинович П. И. ученый — секретарь ПД, активно помогал П. З. (умер) в начале 30-х гг.)
48. Ходасевич К. М. завхоз, И. О. директора П. З. (1940 г.)
49. Червяков Е. актер, создал образ П. в фильме «Поэт и царь», кинорежиссер, погиб на фронте.
50. Черепнина Т. — сотрудник экскур. института, автор экспозиций и путеводителей (судьба?)
51. Чернышев И. В. — автор книг о П. З., быте местных жителей.
52. Шапошников Б. — Зав. музеем ИРЛИ, экспозиции в М (умер в 1956 г.)
53. Шелерович В. Я. Профессор Лесотехн. академии, реставр. домик няни, эвакуирован в Л.-д.
54. Щеголев А. Н. директор П. З. (1925)
55. Щуко В. А. архит. восст. Дом П. и здания для колонии литераторов.
56. Цявловский М. А. пушкинист, проводил в 1936 г. конференцию «Пушкинские деревни сегодня»
57. Якубович Д. М. пушкинист, автор книг и статей, исследований (умер в 1941 г.)

Примечание: П — Пушкин А. С., ПУ — Пушкинский Уголок, ПЗ — Пушкинский Заповедник, ПК — Пушкинский Комитет (комиссия), ИВ — «Исторический Вестник» (журнал).

ИЗ БИБЛИОГРАФИИ

I. Архивы (Пушкинский Дом и Центральный Государственный Архив Литературы и искусства)

- Анненков П. В. (1812—1887) ЦГАЛИ, Ф 7, 394 ед. хр.
 Бартев П. И. (1851—1912) ЦГАЛИ, Ф 46.
 Безруких П. Е. (1892—1950) ЦГАЛИ, Ф 2192, 392 ед. хр.
 Братьев Тургеневых, ПД, Ф. 244, т. 20.
 Вревские ПД, 63, 846 дел. (1861—1901)
 Пушкин Г. А. ПД, Ф 246, 349 дел.
 Тимофеева-Починковская В. В. ПД, Ф 425, 203 ед. хр. (1860—1929).
 Село Тригорское ПД, Ф 304, 144 (1816—1880 гг.)
 Устимович П. (ум. 1931) ПД, 213 дел.
 Шапошников В. В. (1890—1956) ПД, Ф 633, 100 дел.
 Щеголев П. Е. (1877—1931) ПД, Ф 627, 2542.

II Книги

- Агеева А., Лавров В. — Хранитель. «Советский писатель», 1990.
 Анненков П. В. — А. С. Пушкин. Материалы для его биографии. СПб 1873.
 Бартев П. О Пушкине М. «Советская Россия», 1992.
 Благой Д. Д. — Душа в заветной лире «Совет. писатель», 1977.
 Бозырев В. С. Музей - заповедник А. С. Пушкина. Путеводитель. «Лениздат» 1979.
 Брюсов В. Я. Обзор жизни Пушкина по периодам т. 1, ч. 1. — X — XXI.
 Брюсов В. Я. Сочинения т. 1—2. М., 1955.
 Бартев П. И. о Пушкине. М. «Советская Россия», 1992.
 Бурсов Б. И. — Судьба Пушкина. «Советский писатель», 1986.
 Василев. Ушкунник Ф. А. — Пушкинский Уголок. Псков, Г. М., 1924.
 Василев И. И. Следы пребывания А. С. Пушкина в Псковской губернии СПб, 1899.
 Васильев М. Е. Музей «Святогорский монастырь» Л., 1984.
 Вересаев В. В. Спутники Пушкина т. 1—2 Совет. писатель.
 Вересаев В. В. Спутники Пушкина, тт. 1—2. «Советский писатель», 1937.
 « — « Пушкин в жизни 1937.
 Венок Пушкину «Правда» Сб. М., 1987.
 Временник Пушкинской комиссии. 1934, М.-Л. 1941 М.-Л. № 6 стр. 382—397.
 Гаррис — Уголок Пушкина, М.-Л., 1923.
 Гейченко С. С. — У Лукоморья «Лениздат» 1973 и др.
 — Приют сиянием муз одетый, «Планета», М., 1982.
 — Пушкиногорье М. «Молодая Гвардия», 1981.
 Гладкий А. К. — Пушкинский Уголок П. «Новая жизнь», 1922.
 — По пушкинским местам. Калинин. М.—Л «Физкультура и туризм», 1931.
 Гессен А. — Рифма, звучащая подруга, М., 1973.
 Горди А. М. — Пушкин в Михайловском. Литературные экскурсии. Л., 1939.
 Пушкинский заповедник «Псков. обл. издат», 1947, 1948. — Пушкин в Псковском крае «Лениздат» Л., 1970.
 Пушкин в Михайловском «Лениздат», Л., 1989.
 Гофман М. — Первая глава науки о Пушкине. Л., 1922.
 Гроссман Л. — Пушкин, М., «Молодая гвардия», 1958.
 Добринская Л. — Рассказы из Пушкинского Дома, Л., «Детская литература», 1983.

- Дейч Г. М. — Крестьяне Псковской губернии.
 — Все ли знаем о Пушкине? «Советская Россия», 1989.
 Дорогие места (сб.) М., 1916.
 Друзья Пушкина I—II т. т., М., «Правда», 1984.
 Испалатов Е. — О происхождении некоторых географических названий Пскова. П. 1916.
 Иоани, игумен — Описание Святогорского Успенского монастыря. Псков 1899.
 Из псковской старины, Псков 1916.
 Калаушин М. М. — Пушкинские места.
 Керн А. П. — Воспоминания о Пушкине. Л., «Советская Россия», 1987.
 Каспийский М. И. — Похороны А. С. Пушкина и его могила. «Исторический вестник», 1889, т. 26, V, с. 84—105.
 Леоньев И. — Пушкин, Горы. История, природа и хозяйство П. р-на. Калинин, 1937.
 Ларионов А. В. — Заповеди блаженства. М., «Советский писатель», 1991.
 Лернер Н. О. — Труды и дни Пушкина, из 2 испр. изд., СПб, 1910.
 Ломан О. В. — А. С. Пушкин, «Просвещение», Л., 1918.
 Мейлах Б. — Талисман. Предания о Пушкине. Л., 1939.
 Ободовская И. М., Дементьев М. А., — Н. Н. Пушкина. М., 1985.
 Оксман Ю. Г. — Литературное наследство. Вып. 16—18, Сб. АН СССР, М., 1934.
 Острогорский В. Н. — Пушкинский Уголок (Альбом). М., 1899.
 Первое собрание сочинений Пушкина (Путеводитель по Пушкину). (1930—1931).
 Платонов С. Ф. Далекое прошлое Пушкинского Уголка Л., 1927.
 Пушкин А. С. — Собрание сочинений в XVI т. М., Изд-во АН СССР 1937—1949.
 Пушкин А. С. — Исследования и материалы т. 4.
 Пушкинские Заповедные места 1936, М.—Л. ГИХЛ
 Пушкинский Дом в 1922 и 1923 г. г. (обзор).
 Путеводитель по Пушкинским местам МЛ ГИХЛ, 1931.
 Павлицев Л. Воспоминания об А. С. Пушкине М., 1890.
 Новиков И. А. — Пушкин в Михайловском, М., «Художественная литература», 1974.
 Савыгин А. М. — Пушкинские Горы. «Лениздат», 1989.
 Серебрянский Н. И. — Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. (1908, кн. III—IV, с. 354—354).
 Случевский К. — По северу России. Путешествие их императорских величеств великого князя Владимира Александровича и княгини Марии Павловны. СПб., 1897.
 Тынянов П. — Пушкин, в 1884—1885 гг.
 Хелемская Я. — На темной ели звонкая свирель. «Детская литература» М., 1971.
 Ходасевич В. Статьи о русской поэзии, 1990.
 Устимович П. М. Михайловское, Тригорское и могила Пушкина Л., АН СССР, 1927.
 Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л. «Наука» 1988.
 Чернышев В. И. — Пушкинский Уголок, его быт и предания» М.—Л., 1928.
 — Сказки и легенды пушкинских мест М.—Л. Изд. АН СССР, 1950.
 Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина т. 1. М. Изд.
 Шредер В. — Дорогие места. М., 1918, 15—35.

Широкий В. Ф. — Пушкин в Михайловском, Л., Изд во Ленсовета, 1937.

Щеглов И. Новое о Пушкине, СПб, 1902.

Щеголев П. Е. Пушкин и мужики М., «Федерация», 1928.

Якубович Д. П. Вступительная статья к альбому «Пушкинские места». Л., ГИХЛ, 1936.

Яксон А. К. — Прошлое Псковского края. Псков, 1927. М., Изд. АН СССР, 1951.

Яковлев В. В. — Пушкин и музыка. М., Музыка, 1957.

III. ЖУРНАЛЫ

Балл, 1914, № 17. С. 10—35.

Большевистская печать, 1936, № 10, 17—18 (Каста пушкинистов).

Вестник АН СССР, 194, стр. 3.

Вестник литературы, 1921, № 1—3.

Всходы, 1907, сентябрь, № 12 (36).

В наши дни. Калинин, 1936, № 2, 66—73 (о 100-летию Пушкина).

Воляжский вестник, 1899, № 50, 22 февр. (О Л. Поливанове).

Всемирная иллюстрация, 1870, № 60, стр. 143.

Древняя и Новая Россия, 1875, № 4, 361 (худ. Н. Н. Ге).

Звезда. Пермь, 1936, № 1. (Арина Родионовна). Звезда, 1895, 25 февраля, № 8. С. 192.

Мир божий, 1898, № 10, С. 210.

Жизнь искусства, 1924, № 36, 9—10.

Исторический вестник, 1899, № 5, 618—633, 751-754.

1908, № 10, с. 139—141 (Раевская А. И.)

1909, № 10 (Осипова Е. И.)

1911, № 9, 590—591 (Раевская А. И.).

Киевлянин, 1899, 15 февр., № 4, 46 (О Л. Поливанове).

Красный журнал, 1924, № 8, 614—619.

Крымский вестник, 1899, 25 мая, № 193.

Литературный критик, 1938, № 3, 54—67, 184—192.

Народное дело, кн. II, стр. 701—705.

Новый мир, 1899, № 11, стр. 221—224.

Неделя, 1897, № 49, стр. 1587—1589.

Наука и жизнь.

Нива, 1899, № 2, стр. 432.

Нива, 1908, № 33, 16 августа, стр. 581—582.

Нива, 1911, № 4, № 28, № 34.

Новый мир, 1899, стр. 222—224.

Новости литературного мира, 1914, № 4, стр. 70.

Новь, СПб, 1898, № 10, стр. 210.

Наука и религия, 1880 г.

Сатирикон, 1911, 11 июля, № 24.

Странник, 899, № 5, стр. 106—122.

Смена, 1936, № 9.

Советская сибирь, 1937, № 35.

Северная пчела, 1848, стр. 148.

Русская старина, 1899, № 5, стр. 267—276.

№ 5, стр. 86—88.

Русский полонник, 1899, № 21, стр. 386—388.

№ 22, стр. 403—405.

IV. ГАЗЕТЫ

Вечерняя Москва, 1941, № 13, 15 января.

Витебские губернские новости, 1898, 26 июня, № 51.

День, 1863, № 50 (о Н. Н. Ланской).

Древняя и Новая Россия, 1875, № 4, стр. 364—371 (о картине худ. Н. Н. Ге «Пушкин в Михайловском»).

Иллюстрированная газета, 1863, №№ 25, 399.

Известия, 21 сентябрь.

Известия, 1922, март, 25 июня.

1924, 25 июня.

1926, 3 марта.

Известия, 1934, № 188.

1937.

Красная газета, 1925, 6 июня, 25 сентября.

веч. вып., 1926, 30 апреля, 4, 5 мая (ст. Шпакской).

веч. вып., 1926.

1931, 23 января, 24 января (ст. «Изуродован Пушкинский

музей ВНИКСОР).

Красная газета, 1937.

Ленинградская правда, 1938, № 37.

Литературный Ленинград, 1934, 14 августа.

1935, 20 сентября (Внимание селу Михайлов-

скому». Пушкинист).

1936, № 1, 5, 15, 16, 17, 23, 25 октября.

Литературная газета, 1931, № 47 (статья А. Грушкина).

Московские ведомости, 1899, 24 апреля, № 112, 3.

1895, 14 сентября, стр. 252.

Неделя, 1897, № 49, 1587—1589.

Новое время, 1880, № 1508.

Новое время 1880, № 1520.

1899 № 8425, 2 (И. Щеглов о няне), 12 августа

Петербургская газета, 1899, № 144, 1.

Петербургский листок, 1880, 16 октября № 99

Псковская жизнь, 1917, август.

Псковский набат 1924, 2. IX.

1925, 17 XI.

1926, 18 IX, 3 XII.

Псковский город листок 1896, 22.IX. № 72, 2, 3.

Правда 1935, 5 июня

Пушкинский колхозник 1934, 6—7 VI.

1935—1941 (10, II, 6 VI, 20—22VIII).

Смена 1934, II.VII (о музее в Мях.)

1936, № 9

С.-Петербургские ведомости, 1866, № 251.

Пролетарская правда, Калинин, 1937, № 29, 40.

Торгово-пром. газета (Лит. приложение) 1899, 12.IX. 1—3 (статья И. Щеглова).

—Продолжение библиографии во II томе—

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
От автора	3
I. Вместо вступления. Животворящая святыня	5
II. России сердце не забудет	8
III. В забытой сей глуши	31
IV. Печальных много приключений	47
V. Нет, весь я не умру	57
VI. Без божества, без вдохновения	76
VII. Звезда пленительного счастья	90
1. С. А. Семенов	90
2. В. З. Голубев	97
3. П. Е. Безруких	108
4. А. М. Горди и другие.	118
VIII. Вместо заключения	130
Они были первыми	
Лица, упомянутые в книге «Памятник»	131
I. 1837 — 1917 гг.	132
II. 1917 — 1941 гг.	134
Библиография	